

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПРАВА

П Р И

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВАРШАВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ВЫПУСКЪ 5.

ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.

Краковское Предмѣстье 3.

1911.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПРАВА

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВАРШАВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ВЫПУСКЪ 5.

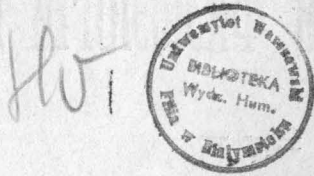
ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.

Краковское Предмѣстье 3.

1911.

D-174/
195

143766

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества исторіи,
филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ
Университетѣ.

Предсѣдатель Общества *Н. Любичъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Сокращенные протоколы засѣданій Общества и Отчеты о состояніи и дѣятельности Общества съ 1904 г по 31 декабря 1910 года.	Стр. 1—80.
--	---------------

Отдѣлъ II.

1. В. И. Синайскій. Необходимо ли намъ спѣшить съ гражданскимъ уложеніемъ и можемъ ли мы создать его въ настоящее время?	1.
2. Н. Н. Любавичъ. Грюнвальдская битва	28.
3. Е. В. Спекторскій. Понятіе общества въ античномъ мірѣ	49.
4. И. П. Козловскій. Новые матеріалы для біографіи Михаила Θεодоровича Романова и ихъ значеніе въ наукѣ.	77.
5. В. А. Францевъ. Русская икона, чтимая въ Чехіи.	93.
Приложеніе: 2 снимка на отд. листахъ.	

Редакторъ В. А. Францевъ.

Сокращенные протоколы

засѣданій Общества исторіи, филологіи и права при
Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ
за 1904 годъ.

I. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

1-го февраля 1904 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ
Е. О. Карскаго, присутствовало 25 членовъ.

Засѣданіе было посвящено памяти нѣмецкаго философа
Иммануила Канта, по случаю исполнившагося столѣтія со дня
его смерти.

Е. А. Бобровъ въ рѣчи: „Жизнь и труды Иммануила
Канта” сообщилъ важнѣйшіе факты изъ жизни кенигсбергскаго
философа. Кантъ готовился въ богословы, просился въ учителя
элементарной латинской школы и былъ забракованъ. Послѣ де-
вятилѣтняго гувернерства въ разныхъ домахъ, Кантъ начинаетъ
службу при родномъ университетѣ. Г. Бобровъ остановился на
эпизодѣ біографіи Канта о неудачномъ соисканіи имъ каѳедры
философіи въ 1758 году и о предпочтеніи, оказанномъ русскимъ
губернаторомъ его конкуренту Букку, затѣмъ сообщилъ о по-
слѣдующей службѣ и дѣятельности Канта и о неожиданномъ
гоненіи на него и на его идеи со стороны прусскаго министер-
ства нар. просв. Описавши наружность Канта, особенности его
физическаго и душевнаго организма, лекторъ отмѣтилъ его ра-

боту надъ собою въ духѣ Макробіотики и начертить жалкую картину постепеннаго увяданія тѣлесныхъ и духовныхъ силъ великаго старца. Далѣе онъ далъ характеристику Канта, какъ профессора, ученаго и писателя, и отмѣтилъ любопытное сочетание въ политическихъ взглядахъ Канта строгаго и лойяльнаго монархизма съ самыми широкими либеральными и свобододолюбивыми тенденціями. Что касается литературныхъ успѣховъ сочиненій Канта и судьбы его идей, то еще при жизни Кантъ имѣлъ радость видѣть горячихъ своихъ приверженцевъ и поклонниковъ и ознакомиться съ талантливыми философами (Фихте), думавшими повести начатое имъ дѣло „Критики“ далѣе. Всѣ послѣдующіе германскіе мыслители, стяжавшіе себѣ громкую славу, такъ или иначе, положительно или отрицательно, исходили отъ Канта: Фихте, Шеллингъ, Гегель, Гербартъ, Шлейермахеръ, Краузе, Шопенгауэръ. Послѣ нѣкотораго перерыва въ популярности Канта его доктрины около 1855 г. получили неожиданное новое и великое возрожденіе въ лицѣ т. н. *ново-кантіанцевъ*; это движеніе сильно и до сихъ поръ. Главнѣйшіе его представители: Когенъ, Ф. А. Ланге, Либманъ, Паульсенъ, Фолькельтъ, Наторнъ, Виндельбанцъ. Болѣе самостоятельными кантіанцами являются Лаасъ и Риль. Отъ этихъ кантіанцевъ - философовъ надо отличать *кант-филологовъ*, возстановляющихъ букву и текстъ сочиненій Канта: Гарфенштейнъ, Розенкранцъ, Бенно-Эрдманнъ, Кербахъ, Файгингеръ, Рейке, Адикесъ, Краузе, Арнольдъ. Канту обязанъ вліяніемъ знаменитый богословъ — Альбрехтъ Ричль, реформаторъ протестантской теологіи, и величайшіе естествовѣды XIX в. Гельмгольцъ и Целльнеръ. Вліяніе Канта во Франціи сказалось на Викторѣ Кузенѣ, Ренувье и Ляшелье, въ Англіи на Вильямѣ Гамильтонѣ. Свою рѣчь проф. Бобровъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы въ наше время всяческаго декаданса образъ Канта, всецѣло посвятившаго себя наукѣ и проникнутаго чувствомъ долга, служилъ источникомъ нравственнаго очищенія и оздоровленія.

В. А. Фляксбергъ въ своей рѣчи говорилъ о „Теоретической и практической философіи Канта“. *Теоретическая философія* Канта, изложенная въ „Критикѣ чистаго разума“, изслѣдуетъ нашу способность познанія. Она названа самимъ Кантомъ *критической*, ибо, въ противоположность догматическимъ системамъ, явившимся до Канта, она критически изслѣдуетъ, анализируетъ „чистый“ разумъ и рѣшаетъ вопросъ о достовѣрности и предѣлахъ нашего познанія и о составѣ нашего опыта. Достовѣрность же познанія обусловлена не содержаніемъ его, а *формами* пространства, времени и причинности, составляющими принципы

чистой математики и естествознанія. Такъ какъ эти формы суть формы *сознанія*, то и познаніе наше не выходитъ за предѣлы сознанія, слѣдовательно — всегда остается въ предѣлахъ опыта. Но не зная, что находится за предѣлами сознанія, мы всетаки говоримъ о Богѣ, безсмертіи и свободѣ. Послѣдніе же объекты составляютъ предметъ *вѣры*, объ основаніяхъ которой говорить „Критика *практическаго* разума”. Основаніями нашей вѣры въ Бога, безсмертіе и свободу служатъ предписанія „категорическаго императива”. Исполненіе его основано на его *автономіи*, т. е. на томъ, что это — законъ, данный *нашей* собственной волей. И такъ, мы теперь знаемъ, до какихъ предѣловъ простирается наше знаніе; знаемъ также, во что мы должны вѣрить. Знаніе и вѣра—двѣ различныя области. Ихъ примиряетъ *прекрасное*, предметъ „Критики *способности сужденія*”; прекрасное же, въ отличіе отъ добраго, пріятнаго, возвышеннаго, совершеннаго, есть то, что нравится намъ только своей *формой*, нравится непосредственно и необходимо *всѣмъ*, и что доставляетъ намъ одной своей формой, цѣлесообразностью безъ цѣли, безкорыстное, чистое, *незаинтересованное* удовольствіе. Съ „Критикой *практическаго* разума” Канта связанъ вопросъ о *религіи*, которая для Канта служить лишь дополненіемъ, а не основаніемъ нравственности: основаніемъ же послѣдней служить категорическій императивъ, обусловленный автономіей воли. Съ теоретическими взглядами Канта связана его теорія *образованія міра* изъ огромнаго вращающагося шара, теорія извѣстная подъ названіемъ *Канто-Лапласовой*; она господствуетъ въ современной астрономіи. Изъ всего вышеизложеннаго видно, что Кантъ съ громадной глубиной философскаго мышленія соединилъ широту естественно-научныхъ точекъ зрѣнія. Не все имъ сказанное достовѣрно, но и ошибки его поучительны. Кантъ великъ своей самобытностью, великъ тѣмъ, что своей философіей онъ показалъ, что можно знать міръ, не видѣвъ его, если носишь его въ самомъ себѣ.

Рѣчь *Е. В. Спекторскаго*: „Кантъ и общественная философія”. Философія пріобрѣтаетъ нынѣ немалый авторитетъ среди отдѣльных наукъ. Онѣ надѣются эмансипироваться съ ея помощью отъ метафизики и догматизма. Задача эта осуществима только при посредствѣ критической философіи. Къ сожалѣнію, ее часто понимаютъ слишкомъ догматически. И у одного изъ величайшихъ ея представителей, именно у Канта, часто стараются находить не разрушеніе, а обоснованіе метафизики. Между тѣмъ непреходящій моментъ Кантовой философіи образуетъ

не метафизика, а идеализмъ и притомъ строго критическій. Такой идеализмъ, вопреки ходячему представленію о сущности идеализма, отказывается отъ всего трансцендентнаго. Онъ состоитъ въ признаніи раціональныхъ идей, т. е. сознательныхъ человѣческихъ принциповъ единственно нормальными и цѣлесообразными регулятивами мысли, воли и чувства. Безсмертную заслугу Канта составляетъ то, что онъ доказалъ необходимость такого идеализма для всего мало-мальски прочнаго, что создается нами въ наукѣ, этикѣ и эстетикѣ. Наукѣ идеализмъ даетъ регулятивные принципы, въ родѣ идеи природы или вещи въ себѣ: все это проблемы, которыя задаетъ себѣ разумъ и которыя онъ стремится осуществить при посредствѣ эмпирическаго матеріала. Процессъ этотъ безконеченъ, какъ и все, что дѣлается во имя идеализма. И эта безконечность предохраняетъ науку отъ догматизма и застоя. Идеализмъ знанія ведетъ за собой идеализмъ желанія; наука, критически очищенная отъ метафизики, вызываетъ необходимость раціональной, идеалистической этики. Кантъ и построилъ ее, не прибѣгая къ метафизикѣ. Это имѣетъ не только индивидуальное, но и очень большое общественное значеніе. Категорическій императивъ — это единственно достойный науки принципъ соціальной этики. Онъ ставитъ ей цѣлью превращеніе эмпирическихъ людей въ идеалъ чловѣка, какъ существа разумнаго и свободнаго. Единственно же раціональнымъ для этого средствомъ можетъ быть просвѣщеніе. Таково настойчивое требованіе разумной воли. И никакія ссылки на трудность проблемы при этомъ не допускаются: ты можешь, потому что ты долженъ. Этимъ устраняется изъ общественной философіи фатализмъ, вѣра во всемогущество внѣчеловѣческихъ стихійныхъ силъ. Это имѣетъ большое значеніе для современнаго обществовѣдѣнія. Историзмъ XIX вѣка обогатилъ его обширнымъ эмпирическимъ матеріаломъ и сдѣлалъ его несравненно болѣе положительнымъ, чѣмъ апріорный раціонализмъ вѣка предшествовавшаго. Но это привело къ матеріализму, т. е. къ признанію эмпирическаго матеріала нашего познанія послѣдней и окончательной истиной. Только критическій идеализмъ можетъ вывести обществовѣдѣніе изъ безпомощности среди подавляющаго хаоса эмпирическихъ данныхъ. Онъ возвращаетъ теоретической мысли сознательность и самостоятельность, освобождая ее отъ натуралистическаго матеріализма.

Рѣчь *Θ. В. Тарановскаго*: „Кантъ и правовое государство”.

Правовымъ (*Rechtsstaat*) называется такое государство, которое облакаетъ свои отношенія, какъ носители власти, къ гражд-

данами въ строгія юридическія формы. Такой типъ государственности сложился исторически. Онъ настолько отличенъ отъ всѣхъ другихъ типовъ, что нѣкоторые ученые, напр. Робертъ Мольте, признають его за особый классификаціонный видъ.

Историческій путь развитія правового государства можетъ быть сведенъ къ слѣдующей схемѣ историческаго взаимоотношенія права и государства. Право и государство въ ихъ историческомъ взаимоотношеніи проходятъ три основныя стадіи: 1) государственная власть только обезпечиваетъ осуществленіе права, организуя судъ и репрессію, а матеріальное содержаніе права предоставляетъ дѣйствию обычая въ предѣлахъ болѣе мелкихъ общественныхъ союзовъ; 2) государство принимаетъ на себя заботу о позитиваціи права, достигая этого путемъ редакціи обычаевъ и организованнаго законодательства; 3) государство облачаетъ свои властныя отношенія къ гражданамъ въ строгія юридическія формы; этого оно достигаетъ путемъ установленія т. н. законности управленія, разлученія властей, дифференцированія правотворящихъ актовъ (законовъ и указовъ) и, наконецъ, чрезъ признаніе за гражданами субъективныхъ публичныхъ правъ, охраняемыхъ особымъ судомъ публичнаго права (т. н. административной юстиціей). Безъ признанія субъективныхъ публичныхъ правъ гражданъ нѣтъ правового государства: рефлексъ т. н. объективной законности не достаточенъ. Объективная законность, основанная на одномъ лишь добровольномъ самоограниченіи власти (на дѣствія ея „предѣлами себѣ ею же самою положенными“), существовала и въ полицейскомъ государствѣ и мирно уживалась съ принадлежавшимъ власти *ius reformandi politicum*, въ силу котораго власть по своему усмотрѣнію могла въ любомъ случаѣ дѣствовать въ „полномъ своемъ теченіи“, игнорируя всякое самоограниченіе. Историческое развитіе правового государства покоится на сложномъ комплексѣ соціальныхъ условій, разсмотрѣніе которыхъ выходитъ за предѣлы рѣчи, посвященной памяти Канта и, слѣдовательно, исторіи идей, а не реальныхъ жизненныхъ условій. Идеи отражаютъ въ себѣ жизнь, собирая, какъ въ фокусъ, выраженіе назрѣвшихъ потребностей и предваряя, т. о., положительное осуществленіе послѣднихъ. Что же сдѣлалъ Кантъ для идейнаго развитія правового государства? Прежде всего, Кантъ совершилъ поворотъ отъ Вольфіанскаго полицейизма, указавъ, что цѣль государства не въ достиженіи счастья, но въ охранѣ правопорядка. А такъ какъ въ основу права онъ полагалъ внѣшнее свободное самоопредѣленіе индивида, то государство въ его пониманіи находило предѣлы своей власти въ субъ-

ективной правовой сферѣ своихъ гражданъ. Т. о., намѣчался логически неизбѣжный путь къ признанію со стороны власти субъективныхъ публичныхъ правъ гражданъ и, слѣд., къ установленію правового государства, какъ осуществленія разумнаго политическаго общенія.

Слѣдуетъ замѣтить, что самъ Кантъ не дѣлалъ всѣхъ выводовъ изъ своей основной мысли, въ подробномъ развитіи которой онъ останавливался на полупути. Кантъ безусловно отстаивалъ начало объективной законности и этимъ примыкалъ къ высшимъ формамъ полиціизма, среди котораго жилъ: недаромъ политическимъ его идеаломъ былъ Фридрихъ II, „первый слуга” своего государства. Никакихъ гарантій законности Кантъ не требовалъ, кромѣ свободы слова, и то лишь въ предѣлахъ уваженія и любви къ существующему государств. строю. Но высказанная имъ основная мысль объ охранѣ правопорядка, какъ цѣли государства, и объ автономіи личности, какъ основѣ всякаго права, сама указывала на направленіе дальнѣйшаго его развитія, въ логическомъ ходѣ котораго неизбѣженъ былъ переходъ отъ объективной законности къ субъективнымъ публичнымъ правамъ и отъ свободы слова къ свободѣ дѣйствій въ смыслѣ организованной юридич. защиты послѣднихъ. Мысль Канта о томъ, что цѣлью государства должна быть охрана правопорядка, въ ближайшее къ Канту время была понята односторонне въ духѣ индивидуалистической доктрины невмѣшательства. Въ ученіи В. Гумбольдта правовое государство Канта было низведено, по мѣткому выраженію Лассаля, къ роли ночного сторожа.

Такая односторонность отнюдь не требуется основными воззрѣніями Канта. Право, по его мысли, опредѣляетъ собой не содержаніе политич. жизни, но формы ея проявленія, не то, что дѣлаетъ государственная власть, а какъ она дѣйствуетъ. Не даромъ вѣдь главное вниманіе Канта привлекала не форма властвованія (*forma imperii*, *Staatsform*) въ государствѣ, а форма правленія (*f. regiminis*, *Regierungsform*). Понимаемое въ смыслѣ формы правленія, правовое государство не связано неразрывно съ индивидуалистич. строемъ жизни и м. б. разумною формою и болѣе широкихъ общественныхъ задачъ. Правовое государство заключаетъ въ строгіе юридическіе предѣлы способы воздѣйствія власти на гражданина. Т. о., оно вноситъ должное равновѣсіе во взаимоотношеніе личности и общества. Въ этомъ смыслѣ правовое государство имѣетъ значеніе необходимаго момента развитія, который врядъ ли можно пережить идейно, какъ принято у насъ въ иныхъ случаяхъ выражаться.

II. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

18-го февраля 1904 г.

Въ засѣданіи, подъ предѣдательствомъ О. О. Зигеля, присутствовало 17 членовъ Общества.

По предложенію О. О. Зигеля постановили выразить бывшему предѣдателю юридическаго отдѣленія В. Н. Александренко признательность за его дѣятельность въ этомъ званіи.

Слушали докладъ О. В. Тарановскаго: „*В. Н. Чичеринъ, какъ историкъ русскаго права*“.

Какъ историкъ, Чичеринъ связанъ преемственно съ Грановскимъ. Онъ воспринялъ отъ него не только тотъ нравственный подъемъ, который сообщался всѣмъ слушателямъ Грановскаго, но также и Гегелеву идею послѣдовательно раскрывающагося у различныхъ народовъ развитія, какъ стремленія духа къ сознанію своей свободы. Идея эта была усвоена какъ славянофилами, такъ и западниками. Но славянофилы обратили главное вниманіе только на національный моментъ. Абсолютный духъ проявляется только у отдѣльныхъ національностей. И вотъ они надстроили надъ Гегелевой исторической схемой еще одинъ этажъ и признали славянскую и въ частности русскую національность главной и единственною носительницей абсолюта въ настоящее время. Между тѣмъ западники обратили главное вниманіе на моментъ развитія и притомъ развитія одинаковаго для всего человѣчества. Содержаніемъ этого развитія является постепенное стремленіе человѣческаго духа къ сознанію своей свободы.

В. Н. Чичеринъ примкнулъ къ западникамъ и сообразно съ этимъ освѣщалъ прошлое Россіи. Особенно характерны въ этомъ отношеніи его „Опыты по исторіи русскаго права“ (М. 1858). Авторъ констатируетъ и въ исторіи русской общественности діалектическій законъ Гегеля: союзъ кровный переходитъ въ гражданское общество, которое смѣняется государствомъ. Исторію нельзя строить на апріорномъ умозрѣніи. Она должна быть основана на детальной разработкѣ фактовъ. Но когда связь между фактами совпадаетъ съ умозрѣніемъ, тогда результаты изслѣдованія приобретаютъ полную достовѣрность. Такую достовѣрность и представляетъ для Чичерина совпаденіе законовъ діалектической философіи съ данными памятниковъ русской старины (изъ нихъ духовныя и договорныя грамоты князей разработаны имъ впервые).

Чичеринъ особенно подробно останавливается на русской общинѣ. Онъ безусловно не соглашается съ Гакетгаузеномъ, который видѣлъ въ ней патріархальное и притомъ специально славянское явленіе. Община, возражаетъ Чичеринъ, есть явленіе, свойственное исторической жизни всѣхъ народовъ. Что же касается патріархальности, то онъ отказывается признать, что вся многовѣковая русская исторія играла только на поверхности народа. Патріархальная община могла бы удержаться въ своей первобытности только при однородности и неподвижности всего общественного быта. Между тѣмъ нашествіе западныхъ дружинъ, преимущественно варяговъ, внесло въ русскую жизнь частноправное, договорное начало, разложившее первобытную патріархальность. Разложило оно и общинный бытъ. Возрожденіе его началось не ранѣе XV вѣка, когда гражданское общество русскаго средневѣковья начинаетъ собираться въ единую государственность. И возрожденіе общины или, вѣрнѣе, ея возникновеніе на новыхъ началахъ было дѣломъ государства, преслѣдовавшаго при этомъ свои судебныя и фискальныя задачи. Только въ древности сельская община была родовой. Затѣмъ она сдѣлалась владѣльческой. Съ XV же вѣка вплоть до нашей современности она имѣетъ лишь государственное значеніе, и нельзя видѣть въ ней, какъ это дѣлаетъ Бѣляевъ, общину товарищескую или мірскую, которою правительство только мудро воспользовалось для своихъ цѣлей.

Въ другихъ статьяхъ „Опытовъ” Чичеринъ даетъ подробную характеристику частноправныхъ отношеній русскаго средневѣковаго общества. Переходу къ новымъ порядкамъ, именно государственнымъ, посвящена его книга „Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ” (1856 г.). Окончательное обобщеніе своихъ историческихъ воззрѣній Чичеринъ далъ въ изслѣдованіи „О народномъ представительствѣ” (1866 г.). Онъ констатируетъ здѣсь единство европейскаго развитія на западѣ и на востокѣ, что не исключало различія въ частности. Именно, въ Россіи не развились свободные союзы, эти естественные противовѣсы абсолютной власти. Объясняется это громадною русскою территоріею. Населеніе по ней разбредлось. И связь отдѣльныхъ членовъ гражданскаго общества была не поземельная, а личная. Благодаря отсутствію корпоративности не выработалось въ свое время сословное представительство. Проявлялось и отсутствіе накопленнаго просвѣщенія. Татарское вліяніе помогло естественному ходу исторіи. Слабость общественныхъ элементовъ повела къ усиленію власти. Какъ видно изъ исторіи земскихъ соборовъ, она прибѣгала

къ общественной поддержкѣ лишь въ моменты собственной слабости. Сознавая свою крѣпость и не встрѣчая въ обществѣ организованнаго единства, она не искала такой поддержки и не видѣла въ ней необходимости. Этимъ, полагаетъ Чичеринъ, подтверждается то обобщеніе, что чѣмъ меньше единства въ обществѣ, тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть власть и наоборотъ (обобщеніе это было сдѣлано вполнѣ въ послѣдствіи также и французскимъ ученымъ Пасси).

Спрашивается, что же внесли эти воззрѣнія въ науку исторіи русскаго права? Во-первыхъ, Чичеринъ разрабатывалъ весьма важные вопросы по первоисточникамъ. Во-вторыхъ, онъ внесъ въ русскую исторіографію идею развитія эволюціи. Въ третьихъ, вслѣдъ за Соловьевымъ и Кавелинымъ онъ упрочилъ исторію русскаго права, какъ особую науку. Въ лицѣ ихъ, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Гегеля, въ русской исторіографіи образовалась спеціально юридическая школа.

Все это заслуга Чичерина, какъ гегельянца. Въ чемъ же состоятъ его заслуги, какъ гегельянца-западника, въ отличіе отъ другихъ гегельянцевъ, именно славянофиловъ? Во-первыхъ, онъ возсталъ противъ ихъ утвержденія, что вся русская исторія играла только на поверхности народной жизни; является Петръ Великій, и — вся многовѣковая историческая эволюція Россіи будто бы падаетъ, и остается будто бы только повернуть обратно колесо ея исторіи. Чичеринъ рѣшительно осуждалъ такой взглядъ. Полемизируя по поводу „Областныхъ учреждений” съ Никитой Крыловымъ, онъ рѣзко нападалъ на доктрину Русской Бесѣды, по которой „народъ не принимаетъ ни въ чемъ участія; онъ стоитъ поодаль, иронически смотритъ на случайную игру событий и все думаетъ какую-то думу”. Во-вторыхъ, онъ боролся противъ націонализма въ наукѣ. Славянофилы считали національнымъ не только предметъ науки русской исторіи, но и ея методу. Противъ перваго Чичеринъ не возражалъ. Онъ не игнорировалъ своеобразія русской исторіи: отсутствіе союзности, крайнее развитіе государственности. Но эти особенности онъ объяснялъ вполнѣ реально, безъ всякаго мистицизма. Зато тѣмъ рѣшительнѣе онъ возражалъ противъ заявленій о національномъ своеобразіи русской научной методы.

Проедшее чревато будущимъ. И это дѣлаетъ историка компетентнымъ въ вопросахъ общественнаго прогнозиса. Тутъ Чичеринъ былъ вѣренъ своей теоріи. Общество и правительство находятся въ обратномъ отношеніи. И такъ какъ общественность донинѣ слабо развита въ Россіи, то въ будущемъ власть будетъ

идти впереди общества. Такая послѣдовательность привела къ отчужденію Чичерина отъ соратниковъ по западничеству. Въ 1857 году Катковъ, бывшій тогда англоманомъ, упрекалъ его въ страсти къ диктатурѣ и соглашался по этому поводу съ Грановскимъ, что изученіе русской исторіи портитъ самыя лучшія умы. Въ 1858 г. произошло столкновеніе Чичерина съ Герценомъ изъ за статьи Чичерина въ „Колоколъ“, гдѣ онъ отстаивалъ свою государственную теорію. Нежеланіе Чичерина поступаться своими теоретическими убѣжденіями въ партійныхъ интересахъ повело къ тому, что какъ славянофилы, такъ и западники отшатнулись отъ него и стали его замалчивать. Но это замалчиваніе не могло конечно привести къ забвенію крупныхъ историческихъ заслугъ покойнаго.

Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей. И. Я. Софійскій замѣтилъ, что кормленіе имѣетъ скорѣе административный, чѣмъ хозяйственный смыслъ. Терминъ этотъ того же происхожденія, что и кормило, и кормчая. Поправка эта важна не только въ филологическомъ, но также и въ юридическомъ смыслѣ. Она свидѣтельствуетъ, что государственное начало въ мѣстной администраціи Россіи проявилось раньше и съ большей интенсивностью, чѣмъ принято думать. На это О. В. Тарановскій возразилъ, что такое пониманіе кормленія не подтверждается памятниками. Смыслъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о кормленіи, слишкомъ ясенъ, чтобы могли оставаться какія бы то ни было сомнѣнія относительно значенія этого института. Мнѣніе это поддержали О. О. Зигель и А. К. Сарандо. Е. В. Спекторскій сослался на „Письма къ ученымъ людямъ“ Н. К. Михайловскаго, какъ на примѣръ тѣхъ нападокъ, которыя незаслуженно навлекалъ на себя Б. Н. Чичеринъ. Затѣмъ былъ возбужденъ вопросъ объ особенностяхъ юридической разработки исторіи. В. В. Есиновъ указалъ, что Іерингъ дѣлилъ римскую правовую исторію по системамъ права. О. В. Тарановскій объяснилъ, что не все то, что эволюционируетъ соціально, эволюционируетъ также и юридически. Юридическія измѣненія—это измѣненія принциповъ, измѣненія, имѣющія по большей части радикальный, революціонный характеръ. Е. В. Спекторскій указалъ на введеніе судебныхъ уставовъ въ Россіи, какъ на примѣръ радикальной юридической реформы.

III. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

17 марта 1904 г.

Въ засѣданіи, подъ предѣдательствомъ О. О. Зигеля, присутствовали 15 членовъ Общества.

Ф. П. Будкевичъ прочелъ докладъ: „О владѣніи“.

Наука и большинство законодательствъ признаетъ владѣніемъ всякое фактическое обладаніе имуществомъ, хотя бы и не собственникомъ. И каждому обладающему предоставляется защита, состоящая въ возстановленіи нарушеннаго обладанія. Но обладать имуществомъ можно по тремъ причинамъ: по праву собственности, по праву пользованія чужимъ имуществомъ и безъ всякаго права — вслѣдствіе завладѣнія. Очевидно, что первые два вида обладанія, нарушенные завладѣніемъ, слѣдуетъ возстановлять, третьяго же не слѣдуетъ. Отсюда референтъ заключаетъ, что не всякое обладаніе должно быть возстановляемо. Требованіе возстановленія всякаго владѣнія — это законодательная ошибка, которой не было до введенія Судебныхъ Уставовъ. Въ 1893 г. эта ошибка исправлена для волостныхъ судовъ; при разрѣшеніи владѣльческихъ исковъ имъ предоставлено разсматривать всѣ доказательства о правѣ. Далѣе возстановленіемъ фактическаго обладанія не достигается охрана отъ завладѣнія каждаго собственника и каждаго, имѣющаго право пользованія чужимъ имуществомъ, хотя бы они фактически имъ и не обладали. Для устраненія этихъ неудобствъ референтъ предлагаетъ слѣдующее опредѣленіе: владѣніе есть законная возможность собственника (только собственника) изъявлять свою волю въ своемъ имуществѣ; оно есть слѣдствіе права собственности и состоитъ въ правѣ собственника пользоваться или не пользоваться своимъ имуществомъ, распоряжаться имъ и даже отчуждать или уничтожать его. Но, кромѣ права собственности, — перваго института вещнаго права, — есть еще другой его институтъ — право пользованія чужимъ имуществомъ, имѣющее безконечное число видовъ. Какъ первый институтъ предоставляетъ собственнику владѣніе, такъ второй предоставляетъ субъекту права пользованія. Пользовладѣніе есть законная возможность пользовладѣльца изъявлять свою волю на чужомъ имуществѣ въ предѣлахъ того закона или договора, на основаніи которыхъ пользованіе чужимъ имуществомъ предоставлено; оно есть слѣдствіе права пользованія и состоитъ въ правѣ пользовладѣльца пользоваться или не пользоваться чужимъ имуществомъ и въ распоряженіи имъ безъ права

отчужденія и уничтоженія. Этими самостоятельными и независимыми другъ отъ друга институтами — собственностью и пользованіемъ — исчерпываются всѣ вещныя права. Съ этой точки зрѣнія ошибоченъ принципъ возстановленія всякаго фактическаго обладанія и законъ, на немъ основанный (ст. 73 У. Г. С.). Онъ приводитъ къ отнятію недвижимыхъ имуществъ у собственниковъ и предоставленію ихъ обладавшимъ захватчикамъ, а также къ личнымъ столкновеніямъ, къ увеличенію завладѣній, а также проступковъ и преступленій. Болѣе 100 милліоновъ рублей потеряло государство отъ завладѣнія казенныхъ нефтеносныхъ земель благодаря все той же ошибкѣ, которую референтъ предлагаетъ исправить на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) каждое владѣніе и каждое пользованіе должно быть возстановляемо мѣстнымъ, а не окружнымъ судомъ и притомъ безсрочно, т. е. во все время существованія того и другого права; 2) то и другое должно быть защищаемо и возстановляемо отъ завладѣній всѣхъ и каждого, т. е. не только отъ виновнаго въ завладѣніи, но и отъ того, у котораго недвижимое имущество находится въ обладаніи; 3) то и другое должно быть возстановляемо въ охранительномъ порядкѣ судебнымъ опредѣленіемъ, а не въ исковомъ порядкѣ судебнымъ рѣшеніемъ. Это конечно относится только къ недвижимостямъ; завладѣніе движимостью возстановляется лишь въ исковомъ порядкѣ, такъ какъ всякое отнятіе движимой вещи есть пріобрѣтеніе на нее права, хотя незаконнымъ способомъ.

Рефератъ вызвалъ продолжительныя пренія.

И. Н. Трепицынъ указалъ на сложность вопроса о владѣніи. Его можно разсматривать и съ теоретической, и съ практической стороны. Не останавливаясь пока на послѣдней, онъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, докладчикъ несправедливъ къ такимъ теоретикамъ, какъ Савиньи и Герингъ. Хотя Савиньи дѣйствительно было всего 23 года, когда появилась его теорія владѣнія, тѣмъ не менѣе съ несущественными поправками она имѣетъ значеніе и донинѣ. Докладчикъ говоритъ, что теорія Савиньи не мирится съ жизнью. Съ этимъ можно согласиться, если имѣть въ виду нашу современную жизнь. Но не слѣдуетъ забывать, что Савиньи имѣлъ въ виду римскую жизнь. Римское же право писалось не въ кабинетахъ. Сама жизнь создавала нормы права. Савиньи же ихъ только сформулировалъ. Что касается Геринга, то нельзя не признать и его идеи правильными. Конечно, владѣніе должно было бы быть защищаемо противъ захватчиковъ. Но вѣдь неизвѣстно каждый разъ, кто собственникъ, кто захватчикъ, и у кого правооснованіе собственности. Вопросъ этотъ можетъ быть раз-

рѣшенъ только въ петиторномъ порядкѣ. А такъ какъ для этого требуется продолжительное время, то и установленъ предварительный искъ о захватѣ, искъ посессорный. Конечно, при этомъ судъ постоянно рискуетъ возратить владѣніе лицу неуправомоченному. Но для возстановленія права есть петиторный искъ. Итакъ, неустранимы два способа защиты: быстрый, но невѣрный посессорный искъ, медленный, но основательный петиторный. Могутъ быть, пожалуй, сомнѣнія относительно продолжительности срока. Но это уже вопросъ практики. Во всякомъ случаѣ срокъ необходимъ и притомъ не слишкомъ продолжительный. При всемъ этомъ цѣлесообразно не позволять низшему суду входить въ обсужденіе документовъ, какъ основанія права. Впрочемъ, сенатскія рѣшенія нисколько не запрещаютъ *представлять* документы при владѣльческомъ искѣ; однако лишь — поскольку этимъ облегчается опредѣленіе низшаго суда о *фактѣ*, но никакъ не его рѣшеніе о правѣ.

А. К. Сарандо спросилъ, въ чемъ же состоитъ удобство предлагаемаго докладчикомъ проекта. Выходить, что тотъ, у кого захватятъ кусокъ земли, долженъ продолжительнымъ процессомъ доказывать свое право.

Ф. П. Будкевичъ отвѣтилъ, что вовсе нѣтъ. Тотъ, у кого захвачено недвижимое имущество, долженъ доказать фактъ отнятія. А затѣмъ захватчикъ долженъ отчитаться, почему онъ отобралъ имущество. Положимъ, что въ отсутствіе помѣщика кто-нибудь въ теченіе 7 мѣсяцевъ обладалъ пустошью изъ его имѣнія. Пріѣзжаетъ помѣщикъ и отбираетъ пустошь. Захватчикъ, не отрицая факта сдѣланнаго имъ передъ тѣмъ завладѣнія, все же отбираетъ судебнымъ порядкомъ свое владѣніе отъ помѣщика.

И. П. Селиверстовъ замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ придется упразднить всякую вообще давность.

Ф. П. Будкевичъ сказалъ, что дѣйствительно съ природой вещей никакіе сроки несовмѣстимы. На сѣверѣ Россіи крупныя поземельные собственники постоянно рискуютъ потерпѣть ущербъ отъ захватовъ при нынѣшнемъ порядкѣ вещей. Странно, что состоящимъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ волостнымъ судамъ предоставлено разсматривать документы и возраженія о правѣ при разрѣшеніи исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, а судьи со спеціальнымъ юридическимъ образованіемъ лишены этого права и должны возстановлять только голый фактъ обладанія.

Н. С. Эйсмонтъ замѣтилъ, что совершенно правиленъ существующій порядокъ, въ силу котораго мировые судьи разма-

триваютъ дѣла о возстановленіи нарушенія владѣнія, когда со времени нарушенія прошло не болѣе 6 мѣсяцевъ, а окружные суды — тѣ же дѣла, когда со времени нарушенія прошло болѣе 6 мѣсяцевъ (ст. 213 Уст. Гражд. Суд.). Сообразно задачамъ и средствамъ этихъ судовъ, упомянутыя дѣла разрѣшаются ими на различныхъ основаніяхъ.

Положительнаго запрещенія закономъ мир. судьямъ разсматривать документы, нпр. планы, нѣтъ, хотя докладчикъ очень о томъ сѣтуетъ. На самомъ дѣлѣ судьи разсматриваютъ документы, поскольку это можетъ напомнить свидѣтелямъ фактическое пользованіе недвижимостью и помочь разрѣшенію дѣла.

Докладчикъ уже не въ первый разъ приводитъ примѣръ, ярко характеризующій, по его мнѣнію, печальное положеніе, въ которомъ мы находимся по дѣйствующимъ законамъ объ охранѣ владѣнія. Примѣръ такой: у нѣкоего господина А. захватилъ часть земли господинъ Б. Первый въ самый короткій срокъ предъявляетъ у мир. судьи искъ о возстановленіи нарушенія владѣнія, а спустя нѣсколько дней, но до разсмотрѣнія дѣла судомъ, продаетъ захватчику ту землю, и затѣмъ къ разбору дѣла не является. Въ такомъ случаѣ, какъ думаетъ докладчикъ, произойдетъ нѣчто ужасное, — судья возстановитъ фактическое владѣніе землею лица, которое уже не имѣетъ на нее права. Примѣръ этотъ не убѣдителенъ. По закону судья безъ просьбы истца не постановитъ рѣшенія и при неявкѣ его прекратитъ дѣло; если же истецъ проситъ рѣшить дѣло безъ него, то при возраженіи отвѣтника о покупке у истца спорной земли судья отложить дѣло для личной явки истца и затѣмъ уже, при вторичной неявкѣ истца, прекратитъ дѣло. Предположить же, что истецъ явится и, продавъ землю отвѣтчику, будетъ требовать возврата ея путемъ возстановленія нарушеннаго владѣнія, немыслимо. Такое поведеніе истца уже носило бы характеръ чисто уголовного проступка.

IV. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

19-го марта 1904 г.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Е. О. Карскаго, 21 членъ Общества.

В. В. Власовъ прочелъ докладъ, подъ заглавіемъ: „Религіи въ Японіи“, который предполагено помѣстить въ одной изъ книжекъ „Записокъ“ Общества.

V. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

17-го апрѣля 1904 г.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Е. О. Карскаго, 14 членовъ Общества.

По прочтеніи и утвержденіи протокола предшествовавшаго засѣданія, *В. А. Францевымъ* былъ сдѣланъ докладъ: „Къ исторіи каѣдры славяновѣдѣнія въ Варшавскомъ Александровскомъ Университетѣ (1825 г.).“ На основаніи новыхъ, главнымъ образомъ архивныхъ данныхъ авторъ указалъ, что при учрежденіи каѣдры славяновѣдѣнія было предположено дать заграничную командировку лицу, избранному къ замѣщенію этой каѣдры. Послѣ нѣкотораго колебанія выборъ остановился на Кухарскомъ, который былъ снабженъ подробной инструкціей относительно будущихъ его занятій и отправленъ за границу. Судя по документамъ и отзывамъ современниковъ, можно думать, что Кухарскій очень усердно занимался въ теченіе своей продолжительной командировки, какъ собственной научной подготовкой, такъ и собираніемъ различныхъ матеріаловъ въ области славяновѣдѣнія. Къ сожалѣнію, всѣ эти труды остались безрезультатны, такъ какъ вслѣдствіе перемѣнившихся обстоятельствъ ему не удалось занять каѣдры, да и трудовъ его осталось очень мало.

Въ преніяхъ, вызванныхъ этимъ докладомъ, принимали участіе гг. члены: А. К. Сарандо, Н. Н. Любавичъ, А. П. Косминскій, В. Н. Александренко и А. Л. Погодинъ.

Затѣмъ прочитанъ былъ докладъ *С. Н. Алексѣева*: „Къ долгому вопросу въ Римѣ“. Докладъ напечатанъ въ „Запискахъ“ Общества (кн. III).

Докладъ вызвалъ оживленныя пренія, въ коихъ принимали участіе О. О. Базинеръ, Е. О. Карскій, А. В. Михайловъ, А. К. Сарандо и О. В. Тарановскій.

VI. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

5-го мая 1904 г.

Въ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ О. О. Зигеля, присутствовали 15 членовъ Общества.

К. Н. Туръ сдѣлалъ докладъ: „О предѣлахъ судейскаго усмотрѣнія въ дѣйствующемъ законодательствѣ“.

Необходимо возможно болѣе широкое право толкованія законовъ, и, что еще важнѣе, расширеніе предѣловъ судейскаго усмотрѣнія. Первое изъ этихъ требованій до извѣстной степени удовлетворяется судебными уставами 1864 г. Зато второе остается донинѣ неосуществленнымъ. Законодатель какъ бы не до- вѣряетъ судьямъ и опасается произвола съ его стороны. Парализуютъ судейское усмотрѣніе и кассационные департаменты Сената, проявляющіе въ своихъ рѣшеніяхъ нерѣдко крайній формализмъ. Съ этимъ еще можно примириться по отношенію къ гражданскому праву. Но въ области уголовного права это никакъ не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Относительно такихъ дѣлъ, какъ, на примѣръ, оскорбленіе чести, клевета, мелкія кражи и т. п., судья постоянно приходится единственно въ силу закона, вопреки своему убѣжденію и житейскому опыту, опредѣлять или слишкомъ слабыя или, напротивъ, не въ мѣру строгія наказанія. Когда же буква закона черезчуръ расходится съ голосомъ общественной совѣсти, то судьи, особенно присяжные, стремятся и совершенно освободить виновныхъ отъ наказанія. Такое явленіе, конечно, ненормально. Но устранимо оно только путемъ расширенія законныхъ предѣловъ судейскаго усмотрѣнія. И нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній опасаться произвола и недобросовѣстности судей.

По поводу доклада происходили пренія.

Н. С. *Эйсмонтъ* указалъ, что нерѣдки случаи, когда, при полной доказанности кражи ничтожнаго предмета, судьи предпочитаютъ оправдать завѣдомо виновныхъ, чѣмъ приговорить ихъ къ непомѣрно тяжелому наказанію, которое установлено закономъ. Эта ненормальность можетъ быть устранена только расширеніемъ судейскаго усмотрѣнія. Нечего опасаться, что по уголовнымъ дѣламъ оно превратится въ произволъ: вѣдь рѣшенія судьи контролируются публичностью процесса. Что касается гражданского процесса, то напрасно думаютъ, что законъ ставитъ судей въ безучастное отношеніе къ тяжущимся и существу дѣла. Статья 72 Уст. Гр. Суд. предоставляетъ судьямъ право задавать сторонамъ вопросы, необходимые для разясненія дѣла. Нѣтъ также въ законѣ запрещенія требовать отъ тяжущихся и представленія документовъ, необходимыхъ для той же цѣли.

И. Н. *Треницынъ* указалъ на трудность полного осуществленія на практикѣ принципа судейскаго усмотрѣнія. Быть можетъ, цѣлесообразнѣе ускорить кодификаціонную работу.

Въ такомъ же смыслѣ высказался и *О. К. Горбъ-Ромашкевичъ*. Идеальнымъ осуществленіемъ требованія референта было бы

принятіе порядка, установленнаго правилами о современномъ профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ. Даны перечень проступковъ и перечень наказаній — и больше ничего. Мѣра наказанія вполне предоставлена усмотрѣнію судей. Но едва ли это удобно, какъ для судей, такъ и для подсудимыхъ. У судей нѣтъ средствъ оправдать выбранное ими наказаніе, а подсудимымъ наказаніе можетъ показаться результатомъ произвола судей. Да и въ глазахъ общества или той среды, въ которой дѣйствуетъ дисциплинарный судъ, указанный порядокъ не обезпечиваетъ устойчивости и однообразія рѣшеній. Одни и тѣ же проступки будутъ различно рѣшаться различнымъ составомъ суда. Вотъ почему цѣлесообразно, чтобы судейскому усмотрѣнію были поставлены довольно узкіе предѣлы.

А. К. Сарандо замѣтилъ, что устойчивость гражданскаго оборота едва ли совместима съ расширеніемъ предѣловъ презумпцій въ конструкціи судьейю данныхъ матеріальныхъ правоотношеній. Это относится къ гражданскому праву. Что же касается уголовного права, то, какъ выяснилось изъ преній, можетъ быть рѣчь лишь о расширеніи рамокъ закона. Въ большей степени можетъ быть оправдана активность судьи въ процессѣ, въ которомъ при формальной равноправности въ дѣйствительности та изъ сторонъ сильнѣе, у которой защита ловчѣе. Посему для уравниня и необходимъ коррективъ въ видѣ судейской активности, что уже и установлено новымъ австрійскимъ процессомъ. Словомъ, слѣдуетъ различать право матеріальное и процессъ; и только относительно послѣдняго можно говорить объ усмотрѣніи или, лучше, убѣжденіи судьи. Далѣе, нельзя не признать недостаточно обоснованнымъ категорическое заявленіе референта, что въ первобытныхъ обществахъ отношенія регулировались единственно совѣстью, на смѣну которой явились законъ и право. Во всякомъ обществѣ существуютъ извѣстныя правовыя нормы. А совѣсть идетъ параллельно съ правомъ.

А. Л. Блокъ замѣтилъ, что если поставить разбираемый вопросъ въ связь съ общею проблемой о значеніи личной и общественной нравственности въ правѣ (какъ ближайшаго верховнаго критерія), то было бы правильнѣе установить обратную критическую перспективу, а не ту, которую, при различіи въ частности, повидимому принимаетъ и докладчикъ вмѣстѣ со своими оппонентами. Именно, матеріальное право, взятое со стороны его происхожденія и содержанія (нормирующаго хотя бы случаи вмѣняемости преступленій), ближе къ области этики, чѣмъ право формальное или процессуальное: послѣднее, въ качествѣ публич-

наго, относится уже къ политикѣ и посему болѣе стѣснительно для индивидуальнаго истолкованія (какъ показала неудавшаяся практика губернскихъ „совѣстныхъ судовъ“). На томъ же основаніи и гражданское право легче поддается „добросовѣстному (bona fide)“ исправленію, чѣмъ право уголовное, не допускающее (ибо „nullum crimen или nulla poena sine lege“) и аналогическаго примѣненія. Эти соображенія подтверждаются успѣшною дѣятельностью (adjuvandi, corrigendi vel supplendi juris causa) римскихъ преторовъ, а также историч. развитіемъ процесса въ Англіи, гдѣ институтъ суда присяжныхъ возникъ впервые по гражданскимъ дѣламъ (съ XII вѣка), и гдѣ такіе государственные органы, какъ канцлерскій „судъ справедливости“, творятъ и новый, вообще весьма устойчивый, но менѣ консервативный юридическій порядокъ только для имущественныхъ спорныхъ дѣлъ.

Ө. Ө. *Зигель* указалъ на цѣлесообразность англо-американскихъ порядковъ. Тамъ судьи руководятся прецедентами, но не связаны ими и посему всегда могутъ итти въ уровень съ потребностями общегитія. Возможный при этомъ съ ихъ стороны произволъ устраняется какъ ихъ солиднымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, такъ и свободой печати. Вообще процессъ англо-американскаго правообразованія существенно отличается отъ континентальнаго. Франція, Испанія, Германія подчинились нормамъ римскаго права и подъ нихъ искусственно подводили свои отношенія. Такъ, напримѣръ, въ XIV вѣкѣ вопросъ о томъ, можетъ ли ректоръ университета судить студента, рѣшенъ на основаніи одной статьи Юстиніанова сборника, говорящей о *rector artificum*, т. е. о хозяинѣ ремесленниковъ. Изъ словеснаго созвучія заключили и о примѣнимости нормы. Словомъ, континентъ привыкъ вѣрить, что всѣ нормы права ему уже даны. Англія же и Америка должны были сами выработать свои юридическія правила. Если Европа думала дедуктивно, то эти страны думали индуктивно. Каждое судебное рѣшеніе было опытомъ, который могъ быть исправленъ вновь.

К. Н. Шрейтерфельдъ призналъ весьма нежелательнымъ чрезмѣрное расширеніе судейскаго усмотрѣнія. Если судья можетъ приговорить къ заключенію въ предѣлахъ отъ 1 дня до 6 мѣсяцевъ, то на двухъ смежныхъ участкахъ можетъ оказаться различная юстиція, что напоминало бы юрисдикцію феодаловъ или помѣщиковъ эпохи крѣпостного права.

VII. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

11 сентября 1904 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдат. Е. Θ. Карскаго, присутствовали 42 члена и въ числѣ постороннихъ посѣтителей проф. Боннскаго унив. Гётцъ.

Были прочитаны два реферата: 1) Я. В. Юзефовича „О стремленіяхъ и надеждахъ молодой Японіи” и 2) Е. Θ. Карскаго „Къ вопросу о реформѣ русской орфографіи”. Содержаніе перваго доклада: Въ Европѣ имѣютъ преувеличенное представление о современномъ японскомъ прогрессѣ. Въ усвоеніи европейской техники японцы сдѣлали дѣйствительно большіе успѣхи, но: 1) наука находится въ зачаточномъ состояніи, 2) искусство при совершенствѣ формы страдаетъ отсутствіемъ идейнаго содержанія и 3) литература исключительно сводится къ дѣтски неумѣлому подражанію европейскимъ образцамъ и часто принимаетъ уродливыя формы. Отсюда ясно, что Японія далеко еще не усвоила европейской образованности.

Главнымъ мотивомъ сближенія съ европейцами и усвоенія европейской техники служила боязнь европейскаго нашествія, стремленіе создать могучую армию и флотъ, которые могли бы дать отпоръ „бѣлой опасности”. Примѣръ азіатскихъ народовъ усиливалъ подозрительное отношеніе къ европейцамъ и вызывалъ симпатіи къ родственнымъ монголо-азиатскимъ племенамъ, обусловливая мечты о союзѣ всѣхъ этихъ племенъ съ девизомъ „Азія для Азіатовъ”. Съ этою цѣлью въ настоящее время ведется въ Азіи дѣятельная пропаганда японскихъ политическихъ идеаловъ. Отсюда ясна полная противоположность японскихъ политическихъ задачъ въ Азіи и мирнаго европейскаго завоеванія стараго свѣта. Война съ Россіей—неизбѣжный результатъ этой противоположности. Сила Японіи въ дикомъ энтузіазмѣ и озлобленіи къ Россіи, какъ европейскому государству, преслѣдующему цѣли мирнаго завоеванія Азіи. Слабость Японіи въ неумѣніи соизмѣрить силы съ предпринимаемыми задачами, въ отсутствіи трезваго критическаго начала и вообще въ крайней самоувѣренности молодого зазнавашагося государства, мечтающаго о господствѣ надъ всей Азіей.

Докладъ проф. Е. Θ. Карскаго: Указавъ главнѣйшія работы, посвященныя вопросу о реформѣ русской орфографіи и охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ недостатки послѣдней, авторъ остановился на болѣе подробномъ разсмотрѣніи проекта реформы,

выработаннаго комиссіей и подкомиссіей Академіи наукъ. Въ „Предварительномъ сообщеніи“ предлагаются къ устраненію изъ русской азбуки *ѣ, љ, ѳ, і* и намѣчены нѣкоторыя другія измѣненія. Что касается *ѣ*, то авторъ находитъ возможнымъ исключить его изъ азбуки; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ безъ *ѣ* обойтись нельзя, напр., послѣ предлоговъ въ серединѣ словъ, допускается *ь* (сѣѣсть, вѣѣвъ). Устраненіе *ѣ* доставитъ сбереженіе времени, труда и средствъ. Доводы въ пользу сохраненія *ѣ* или не имѣютъ никакой научной цѣнности, или же могутъ имѣть строго лингвистическое значеніе, но не для практической орфографіи. Ъ рѣшительно пока долженъ остаться въ нашей азбукѣ: 1) замѣстители *ъ* и *е* даже въ литературной рѣчи не совпадаютъ во всѣхъ случаяхъ, а въ сѣверно-великорусскихъ и малорусскихъ говорахъ далеко не совпадаютъ съ *е*. 2) Удержаніе *ъ* необходимо для облегченія чтенія написаннаго и напечатаннаго. 3) Обученіе правильному употребленію *ъ* не такъ трудно, какъ обыкновенно говорятъ. 4) Съ устраненіемъ *ъ* затруднится пониманіе древнерусской письменности и др. *ѳ* употребляется только въ иностранныхъ словахъ, и ею дорожить не слѣдуетъ. Въ новыхъ заимствованіяхъ изъ греческаго черезъ Зап. Европу на мѣстѣ *ѳ* мы обыкновенно употребляемъ звукъ *t*. За сохраненіе двухъ *і* (*и* и *і*) врядъ ли можно стоять, хотя употребленіе ихъ и нѣсколько не затруднительно. Послѣ твердыхъ шипящихъ *ж* и *ш*, согласно съ проектомъ подкомиссіи, не слѣдуетъ писать *ѣ*; въ подражаніе имъ и послѣ *ч* и *щ*, произносимыхъ въ нѣкоторыхъ говорахъ мягко, тоже можно обойтись безъ *ѣ*. Послѣ всѣхъ шипящихъ и *ц* подъ удареніемъ слѣдуетъ, по аналогіи съ предыдущимъ, писать *о* вмѣсто *е* (жолтый, лжот, шол и т. д.), а безъ ударенія сохранять *е*. Въ родит. падежѣ именъ прилагательныхъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе окончанію *ого-его* (мѣстоименнаго происхожденія), какъ это уже само собой произошло въ дат., гдѣ *ому-ему*. Стремясь быть послѣдовательнымъ, и приставку *раз* слѣдуетъ всегда писать въ видѣ *роз*, вопреки предложенію комиссіи, допускающей двойственность. Приставки без, из, воз, раз, через и чрез, низ слѣдуетъ писать такъ, какъ они произносятся, т.-е. передъ голосовыми съ *з*, а передъ безгласными съ *с*: къ этому побуждаетъ исторія языка. Подкомиссія предлагаетъ вездѣ *з*, кромѣ случаевъ, гдѣ составъ слова не ясенъ. Такъ какъ можетъ быть рѣчь только объ орфографіи общерусскаго языка, сложившагося исторически не безъ вліянія разныхъ нарѣчій, то въ окончаніи имен. падежа прилагательныхъ въ случаѣ отсутствія ударенія нельзя допустить діалектической формы *ой-ей* вм. теперешней *ий*—

ий. Однообразное окончаніе въ имен. мн. ч. для всѣхъ родовъ на *e=ъ* очень желательно, равно какъ и формы *они-одни* для всѣхъ родовъ. Форму род. ед. *ея* слѣдуетъ замѣнить посредствомъ *еѣ*. Необходимо обратить вниманіе на выработку правилъ слитнаго и раздѣльнаго написанія словъ, употребленія знаковъ препинанія, правилъ переноса и т. д. Выводъ изъ всего реферата: въ настоящее время наша орфографія несомнѣнно нуждается въ нѣкоторыхъ частичныхъ поправкахъ, но для коренной ея реформы не настало время, да врядъ ли когда-либо это и случится. По прочтеніи доклада произошелъ обмѣнъ мнѣній между гг. Софійскимъ, Михайловымъ, Дорошеевымъ, Косминскимъ, Цвѣтковскимъ и докладчикомъ.

VIII. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

15 сентября 1904 г.

Въ засѣданіи, подъ предѣдательствомъ О. О. Зигеля, присутствовали 24 члена Общества.

Слушали докладъ В. В. Есипова: „Проектъ закона объ условномъ осужденіи“.

Институтъ условнаго осужденія получилъ особенно законченное развитіе въ законодательствахъ Англіи, Америки, Бельгіи и Франціи. Что касается Россіи, то ни наше старое Уложеніе о наказаніяхъ, ни новое уголовное уложеніе 1903 года не содержатъ никакихъ опредѣленій о немъ.

Въ 1903-мъ году была учреждена Комиссія для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовного уложенія.

По „Отдѣлу уголовныхъ вопросовъ“ былъ рассмотрѣнъ и вопросъ объ условномъ осужденіи и выработана редакція проектируемаго закона объ „отсрочкѣ наказанія“.

Проектъ закона объ условномъ осужденіи поражаетъ прежде всего тѣмъ, что въ немъ условное осужденіе вовсе не упоминается. Постоянно говоря въ объяснительной запискѣ объ „условномъ осужденіи“, редакторы проекта почему-то не рѣшились внести это вполне ясное понятіе въ самый текстъ закона, замѣнивъ его „отсрочкою наказанія“.

Но условное осужденіе есть не отсрочка наказанія, а самоцѣльное наказаніе — какъ-бы выговоръ съ острасткою большаго взысканія.

Въ отношеніи различныхъ системъ условнаго осужденія — континентальной и англо-американской — Отдѣлъ Комиссіи пришелъ

къ заключенію, что, по отечественнымъ условіямъ, континентальная система представляется у насъ болѣе примѣнимою, такъ какъ организація надзора за осужденными и поручительство являются у насъ трудно осуществимыми.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ призналъ желательнымъ предоставить суду право требовать особаго залога въ обезпеченіе исполненія испытуемымъ принятаго на себя обязательства. Между тѣмъ, требованіе залога аналогично требованію поручительства и исполнѣнъ цѣлесообразно можетъ быть проведено лишь при англо-американской системѣ.

По вопросу о предѣлахъ примѣненія условнаго осужденія большинство членовъ Отдѣла справедливо нашли, что оно должно быть поставлено въ зависимость отъ размѣра наказанія, назначаемаго судомъ.

Принявъ условное осужденіе въ формѣ континентальной, но съ залогомъ, редакторы признали желательнымъ допустить его по преступнымъ дѣяніямъ, за которыя судомъ назначено заключеніе въ крѣпости или тюрьмѣ до одного года, арестъ до 6-ти мѣсяцевъ и пеня до 500 рублей.

Но допущеніе его, какъ особаго вида наказанія, наравнѣ съ годичнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ или крѣпости, едва-ли не рискованно.

Не зайдетъ ли здѣсь русская система слишкомъ далеко, даже дальше своего первообраза?

Во главѣ лицъ, къ коимъ не можетъ быть примѣняемо условное осужденіе, поставлены несовершеннолѣтніе, учинившіе преступное дѣяніе до 17-ти лѣтъ. Между тѣмъ къ нимъ то именно и примѣнимы болѣе всего мѣры увѣщательнаго характера, замѣчанія и выговоры.

Затѣмъ, согласно проекту, отсрочка наказанія не можетъ быть примѣняема къ лицамъ, виновнымъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, подлежащихъ вѣдѣнію суда по жалобѣ потерпѣвшихъ, „въ виду невозможности лишать потерпѣвшихъ принадлежащаго имъ по дѣламъ этого рода исключительнаго права требовать наказанія обвиняемаго“.

Но вѣдь частнымъ лицамъ предоставляется не право наказанія, а право обращенія къ судебной власти, которая не можетъ быть признана только пассивнымъ орудіемъ ихъ мстительной склонности.

Затѣмъ, согласно проекту, условное осужденіе не будетъ примѣняться къ лицамъ служащимъ по преступленіямъ должно-стнымъ.

Но жизнь даетъ намъ рядъ случаевъ, когда во-время сдѣланный чиновнику выговоръ — простой или съ угрозою примѣнить на слѣдующій разъ еще большее взысканіе (напр., увольненіе), — приноситъ гораздо больше пользы, чѣмъ напр. арестъ, который имѣетъ не дисциплинарный, а общеуголовный характеръ.

Гораздо правильнѣе было бы, исключивъ его изъ числа дисциплинарныхъ взысканій, развить болѣе систему выговоровъ и замѣчаній, дополнивъ ихъ условнымъ осужденіемъ.

Въ проектѣ закона объ условномъ осужденіи институтъ этотъ превращенъ въ простую процессуальную мѣру отсрочки или отмѣны наказанія.

Но условное осужденіе есть особый видъ наказанія, а не поводъ къ его отмѣнѣ, и нельзя смѣшивать непримѣненіе наказанія по давности съ назначеніемъ по суду условнаго осужденія, какъ особаго вида пораженія чести — въ формѣ выговора, замѣчанія, предостереженія, острастки или угрозы примѣнить высшее наказаніе.

Противъ условнаго осужденія возражаютъ еще съ той точки зрѣнія, что оно не есть вовсе наказаніе, а лишь условное помилованіе, и что не можетъ быть и рѣчи ни объ устрашительности, ни объ исправительности его. Но при этомъ забываютъ самыя свойства человѣческой природы, для которой наибольшую муку является состояніе непрерывной боязни кары.

По окончаніи доклада между членами Общества происходилъ обмѣнъ мнѣній. *Н. С. Эйсмонтъ* замѣтилъ, что нѣкоторыя положенія проекта нельзя оставить безъ возраженій.

Условіе объ обязательномъ сознаніи обвиняемаго слѣдуетъ исключить изъ проекта.

Слѣдовало бы требованіе залога отъ обвиняемаго изъ проекта тоже исключить.

Было бы правильнѣе только тогда прерывать отсрочку наказанія, когда обвиняемый совершитъ однородный съ прежнимъ или болѣе тяжелый проступокъ.

Требованіе подробной мотивировки рѣшеній о допущеніи отсрочки наказаній слѣдовало бы изъ проекта исключить.

Наконецъ, относительно общаго вопроса о необходимости введенія у насъ закона объ условномъ осужденіи нужно замѣтить, что онъ находится въ нѣкоторой связи съ вопросомъ о границахъ судейскаго усмотрѣнія.

Д. В. Тютчевичъ призналъ введеніе условнаго осужденія весьма желательнымъ и указалъ на то, что въ бытность свою

мировымъ судьей онъ успѣшно примѣнялъ этотъ способъ воздѣйствія на преступниковъ.

И. Я. Софійскій указалъ на серьезное значеніе вопроса о срокѣ: если уже давать широкій просторъ судѣ, то нечего ограничивать его излишней регламентаціей срока.

Н. А. Логановъ выразилъ сомнѣніе, удастся ли обезпечить исполненіе проектируемаго закона, въ виду невозможности вполне цѣлесообразно организовать регистрацію случаевъ его примѣненія.

Г. В. Демченко вполне присоединился къ этой мысли и указалъ, что съ нею связано одно затрудненіе болѣе широкаго значенія. Именно, мы находимся наканунѣ реформы судовъ, о которой ничего опредѣленнаго пока сказать нельзя. А между тѣмъ съ нею тѣсно связанъ проектируемый институтъ. Вотъ почему его трудно обсуждать въ изолированномъ видѣ. Плохая процессуальная организація можетъ подорвать вполне цѣлесообразный самъ по себѣ институтъ.

Я. Д. Волковъ призналъ крайне важнымъ выясненіе вопроса, необходимо ли совершеніе однороднаго или же всякаго иного проступка для приведенія въ дѣйствіе отероченнаго наказанія.

В. В. Есиповъ замѣтилъ, что едва ли полезно совершенно исключать сознаніе изъ проекта: какъ проявленіе раскаянія, его не игнорируютъ англо-американскіе первообразы. Менѣе умѣстенъ залогъ, нарушающій требованіе: non bis in idem. Что касается вопроса объ однородности или разнородности преступленій, то регистрація станетъ чрезвычайно запутанной, если рѣшить его въ томъ смыслѣ, что меньшее преступленіе, совершенное послѣ большаго, не приводитъ въ исполненіе осужденіе, сдѣланное условно. Что касается мотивировки, то, не требуя большихъ подробностей, массачусетская система признаетъ необходимымъ указаніе основаній, по которымъ примѣнено условное осужденіе. Большаго въ сущности не требуетъ и новый русскій законъ.

Д. В. Туткевичъ настаивалъ на исключеніи сознанія. Неграмотное населеніе не знаетъ, какъ себя держать на судѣ, старается поддѣлаться подъ чуждыя ему понятія интеллигентныхъ судей и поэтому по большей части себѣ же во вредъ говоритъ неправду. Но это нисколько не означаетъ неисправимости и испорченности.

IX. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

20 октября 1904 г.

Въ засѣданіи, подѣ председательствомъ *О. О. Зигеля*, присутствовало 20 членовъ Общества.

Слушали докладъ Г. В. Демченка: „Уголовный законъ и усмотрѣніе судьи“.

Кодифицированное уголовное право Англіи по своей формѣ или внѣшней редакціи рѣзко отличается отъ права континентальнаго. Англійскіе кодексы, консолидированные статуты и даже отдѣльные законы поражаютъ посторонняго человѣка своей казуистичностью, массой самыхъ разнообразныхъ опредѣленій и разъясненій, своеобразнымъ стилемъ и неуклюжей обширностью статей или частныхъ постановленій (примѣры могутъ быть приведены изъ Англо-индійскаго уголовного кодекса 1860 г., изъ статутовъ 1861 г., изъ Проекта уголовного уложенія 1879 г. и изъ Англо-индійскаго устава уголовного судопроизводства 1882 г.). Такія особенности внѣшней редакціи англійскихъ уголовныхъ законовъ въ извѣстной степени зависятъ отъ тѣхъ своеобразныхъ требованій, которыя предъявляются въ Англіи къ редакторамъ кодексовъ или статутовъ: хотять создать настолько полный и обстоятельный законъ, чтобы устранить самую возможность судейскаго произвола или усмотрѣнія; хотять избѣжать той „обманчивой общности и мнимой точности“, которая, будучи присуща краткимъ формуламъ кодексовъ континента Европы, въ сущности — какъ думаютъ многіе англичане — открываетъ полный просторъ усмотрѣнію судовъ и ставитъ судей въ положеніе законодателей.

Такая точка зрѣнія является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вполне вѣрной, въ нѣкоторыхъ же частяхъ ошибочной. Вполнѣ вѣрно, что самые лучшіе уголовные кодексы континента Европы не въ силахъ устранить усмотрѣніе судовъ, не въ силахъ превратить ихъ въ автоматическихъ исполнителей велѣній нѣкоторой, такъ сказать, высшей всевѣдущей и всемогущей воли. Однако же ошибочно видѣть спасеніе отъ судейскаго произвола въ казуистичности и какой-то особой обстоятельности уголовныхъ законовъ.

Судейскаго усмотрѣнія не можетъ устранить никакой законъ, даже самый идеальный и совершенный. Принято думать — и на эту точку зрѣнія стала не только теорія, но и современное законодательство (У. у. с. ст. 22) —, будто степень судейскаго усмотрѣнія прежде всего зависитъ отъ степени ясности и точности закона: ясный законъ примѣняется „по точному разуму“, и такимъ образомъ рѣшеніе является результатомъ не усмотрѣнія судьи, а слѣдствіемъ точнаго разума самого закона. Однако же признакъ „ясности“ или „неясности“ закона представляется крайне условнымъ и неопредѣленнымъ. Въ сущности о каждомъ

законъ можно сказать, что онъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ ясенъ, а въ другихъ — неясенъ. Поэтому и такъ наз. „ясность“ закона не исключаетъ и не можетъ исключить судейскаго усмотрѣнія. И это не представляется простой случайностью, не обуславливается случайными несовершенствами законодателя, дающаго норму, или судьи, примѣняющаго ее. Это вытекаетъ изъ самой природы, изъ самаго существа закона; и это же зависитъ отъ самыхъ глубокихъ свойствъ процесса судебной интерпретаціи: искусство толкованія законовъ само по себѣ не содержитъ такихъ правилъ, которыя бы давали незыблемую опору, служили бы непоколебимымъ основаніемъ для всѣхъ частныхъ выводовъ, какіе должны вытекать изъ текста того или другого закона.

Но если законъ существующій и даже, какъ говорятъ, совершенно ясный не устраняетъ и не можетъ устранить усмотрѣнія судьи, то что же сказать о законѣ несуществующемъ, недостающемъ? Что сказать о тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ въ наличности или самого закона, или недостаетъ какого-либо изъ его существенныхъ элементовъ? Здѣсь для судейскаго усмотрѣнія открывается широкій и подчасъ почти безграничный просторъ.

Разсмотрѣніе этого вопроса приводитъ къ весьма важному ученію о такъ наз. аналогическомъ примѣненіи уголовныхъ законовъ, которому—въ связи съ проблемами кодификаціи уголовного права — будетъ посвящена вторая половина настоящаго доклада.

По окончаніи доклада происходилъ обмѣнъ мнѣній между присутствовавшими членами.

И. Н. Трепичинъ выразилъ предположеніе, что, можетъ быть, не всѣ англійскіе законы страдаютъ тѣми недостатками, которые указаны въ докладѣ. По крайней мѣрѣ, въ области гражданскаго права хотя бы кодификація купли-продажи ничѣмъ не отличается отъ континентальныхъ пріемовъ.

В. В. Есиновъ замѣтилъ, что казуистичность можно разсматривать какъ переживаніе древнихъ пріемовъ кодификаціи, которые всюду, и на континентѣ, носили именно такой характеръ. Казуистическая система нецѣлесообразна тѣмъ, что никогда всего не можетъ исчерпать: и чѣмъ законъ полнѣе, тѣмъ онъ, въ сущности, неполнѣе. Но мотивы къ закону чрезвычайно важны. Для примѣра можно сослаться на судьбу дуэли по французскомъ правѣ. Она не была внесена въ Code penal,—но не потому, чтобы убійство на дуэли считалось редакторами безнаказаннымъ, а потому единственно, что они, рѣшивъ, что наказуемость его сама собою разумѣется, сочли даже компрометирующимъ кодексъ

спеціальное напостановленіє объ этомъ. Но это вскорѣ привело къ совершенно противоположному результату: исходя изъ принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege*, судьи черезъ нѣсколько лѣтъ перестали вовсе наказывать за дуэль, пока въ 1839 г. одинъ прокуроръ (Dupin) не извлекъ изъ мотивовъ истинной причины умолчанія кодекса о дуэли.

И. Я. Софійскій указаль на то, что и при ясности закона примѣненіе его не можетъ обойтись безъ усмотрѣнія судьи. При-мѣромъ можетъ служить хотя бы необходимая оборона. Одна оцѣнка обстоятельствъ, сопровождавшихъ ее, открываетъ судѣй широкій просторъ.

А. К. Сарандо указаль на то, что различіе англійской кодификаціи права гражданскаго и уголовнаго объяснимо тѣмъ, что въ уголовномъ правѣ толкованіе по аналогіи не допускается. Нельзя поэтому довольствоваться въ немъ одними общими положеніями. Необходимо возможно точнѣе и недвусмысленнѣ установить всѣ признаки даннаго преступленія. Вотъ почему казуистичность англійскихъ уголовныхъ законовъ, быть можетъ, является скорѣе ихъ достоинствомъ, чѣмъ недостаткомъ. Устраненіемъ по возможности всякихъ недоразумѣній относительно того, что законодатель считаетъ наказуемымъ и что ненаказуемымъ, обезпечивается независимость человѣка, которая такъ цѣнится въ Англіи. Техника, быть можетъ, несовершенна, но направленіе вполне вѣрно. Вообще, въ уголовныхъ дѣлахъ можетъ и должна быть рѣчь объ усмотрѣніи судьи только въ смыслѣ болѣе его активности въ процессѣ, но никакъ не въ смыслѣ широты правъ при толкованіи матеріальнаго закона. Другое дѣло гражданскія дѣла, ибо къ нимъ примѣнимо толкованіе закона по аналогіи.

В. С. Карачаровъ указаль на важное значеніе мотивовъ закона. Изданіе судебныхъ уставовъ съ мотивами очень драгоцѣнно для каждаго судьи. И въ сенатскихъ рѣшеніяхъ, имѣющихъ преюдиціальное значеніе, мотивы далеко не безразличны.

В. В. Есиповъ въ подтвержденіе важности мотивовъ закона сослался на такія дѣянія, какъ, напримѣръ, переплавъ монеты, наказуемость котораго можетъ быть объяснена только историческою справкой о мотивахъ, вызвавшихъ въ свое время признаніе этого дѣянія преступнымъ.

А. К. Сарандо настаиваль на томъ, что, въ виду недопустимости аналогіи, уголовный законъ долженъ быть весьма обстоятеленъ. И нельзя не признать вполне правильнымъ, что англійское законодательство старается устранить всякую двусмысленность, при опредѣленіи состава преступленія, признаковъ

преступнаго дѣянія, что англійскій уголовный законъ требуетъ установленія намѣренія совершить преступленіе. Въ практикѣ нашихъ судовъ однажды былъ случай, когда сдѣланная путя подпись была признана подлогомъ, и лицо, не имѣвшее ни малѣйшаго намѣренія совершить преступленіе, приговорено было короннымъ судомъ къ совершенно незаслуженной карѣ. Весьма неоднобразна также практика при опредѣленіи состава мошенничества. При англійской обстоятельности въ опредѣленіи признаковъ преступленія такіе случаи едва ли возможны.

В. С. Карачаровъ призналъ невозможнымъ отказъ отъ распространительнаго толкованія уголовныхъ законовъ. Такъ, напри- мѣръ, къ торговлѣ женщинами для поставки въ Америку живого товара вполнѣ умѣстно примѣнить законъ о сводничествѣ.

В. В. Есиповъ возразилъ, что, пока это дѣяніе закономъ не предусмотрено, аналогіи примѣнять нельзя, и можно карать только за подговоръ къ эмиграціи или несоблюденіе врачебно-полицейскихъ правилъ. Вызываютъ большія затрудненія также и такіа дѣянія, какъ шантажъ, американская дуэль, сутенерство, пока на нихъ не обратитъ спеціальнаго вниманія законодательная власть.

А. Л. Блокъ замѣтилъ, что возраженія противъ казуистичности, возведенной въ принципъ, не лишены значительной убѣдительности. Но, быть можетъ, казуистичность англійскихъ законовъ не только является переживаніемъ старины, но имѣетъ и болѣе сознательный и глубокій смыслъ. Конечно, судьи, обладающіе какъ общимъ, такъ и спеціально юридическимъ образованіемъ, могутъ смѣло обойтись безъ обстоятельныхъ законовъ. Но вѣдь уголовные законы пишутся также и для тѣхъ, кто собирается грѣшить, для будущихъ преступниковъ и въ частности мошенниковъ. И вотъ тутъ казуистика вполнѣ умѣстна. Такъ, характерны заботы законодателя о томъ, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній относительно того, что слѣдуетъ, признавать честнымъ и что безчестнымъ. Однихъ отвлеченныхъ опредѣленій для проступковъ, безъ апелляціи къ болѣе популярному нравственному чувству, которымъ такъ много занимается и англійская философія, тутъ мало. Особенно это должно быть умѣстно по отношенію къ населенію Индіи: хотя оно и славилось когда-то отвлеченностью мышленія, но теперь, повидимому, ему необходимо возможно болѣе конкретное представленіе объ обязательныхъ для него нормахъ, тѣмъ болѣе, что эти нормы содержатъ чуждыя ему, англійскія понятія о правѣ и нравственности. Словомъ, казуистичность можетъ быть вполнѣ оправдана съ точки зрѣнія тѣхъ, кому предстоитъ не судить, а быть судимымъ.

Г. В. Демченко отвѣтилъ, что совершенно такого же мнѣнія и англійскіе юристы Стоксъ и Стифенъ. Они увѣряютъ, что нѣтъ другой страны въ мірѣ, гдѣ бы населеніе такъ хорошо знало уголовные законы, какъ въ Индіи; и это они приписываютъ многочисленнымъ иллюстраціямъ къ каждой нормѣ.

Ө. К. Горбъ-Ромашкевичъ замѣтилъ, что если кодификація и должна носить общій характеръ, то все же необходимо судьямъ знать ея намѣренія и мотивы. А для этого казусы какъ нельзя болѣе умѣстны. Но ихъ мѣсто не въ законѣ, а въ мотивахъ къ нему. Насколько драгоцѣнны мотивы законовъ, видно изъ того, что, напримѣръ, изслѣдователи экономического законодательства главнымъ образомъ интересуются его мотивами—парламентскими дебатами или трудами комиссій, какъ бы иногда эти труды и ни были малоцѣнны. Если, такимъ образомъ, мотивы столь необходимы уже для чисто теоретическаго изслѣдованія, то тѣмъ необходимѣе они для правильнаго практическаго примѣненія основанныхъ на нихъ законовъ.

Х. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

24 октября 1904 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣдательствомъ *Е. Ө. Карскаго*, присутствовали 9 членовъ Общества.

Н. А. Дубровскій прочиталъ докладъ: „Историческія воззрѣнія Петrarки въ связи съ вопросомъ о наукѣ его времени“.

Историческія воззрѣнія П-ки заслуживаютъ большаго вниманія, особенно съ точки зрѣнія общихъ вопросовъ современной исторической науки, а между тѣмъ ни въ одной изъ работъ, посвященныхъ личности П-ки и вообще Возрожденію, на нихъ нѣтъ даже и указаній.

Воззрѣнія П-ки на исторію и историческій процессъ должны изучаться такъ, какъ изучаются въ современной исторической наукѣ вообще всякаго рода идеологическія конструкторіи, теоріи и концепціи. Необходимо опредѣлить прежде всего, отъ какихъ простѣйшихъ впечатлѣній при выработкѣ того или иного воззрѣнія отправлялся П-ка, и въ какихъ социальнo-экономическихъ условіяхъ внѣшняго міра эти впечатлѣнія формировались. Въ виду этого изученіе историческаго міросозерцанія П-ки должно быть строго аналитическимъ.

Наука эпохи гуманизма была этикой прежде и больше всего: П-ка съ своей стороны понимаетъ ее не иначе; вотъ почему онъ

врагъ всякаго природовѣдѣнія. Исторію П-ка считаетъ настоящей наукой и при томъ въ лучшемъ значеніи этого слова: исторія всѣмъ гуманистамъ представляется этикой, сокровищницей практическихъ указаній на пути добра и зла.

Всѣ явленія жизни, по воззрѣніямъ П-ки, находятся въ тѣсной причинной связи, въ этомъ смыслѣ представляя собою процессъ развитія — непрерывный и по существу однородный. Въ конкретныхъ формахъ этотъ процессъ представляется въ борьбѣ страстей и интересовъ людей, народовъ, государствъ, отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Но эта борьба однако не представляетъ собою чего-то случайнаго и частнаго, — она есть не что иное, какъ отраженіе движенія человѣчества, какъ выражается П-ка, къ „свободѣ и единству“. Человѣчество и представляется П-кѣ субъектомъ историческаго процесса; оно для него организмъ, всѣ части котораго находятся въ тѣсной связи и зависимости другъ отъ друга, и исторія котораго и есть исторія въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Разлагая всѣ эти воззрѣнія на рядъ простѣйшихъ впечатлѣній, мы видимъ, какъ передъ нами вскрывается реальная основа ихъ: они несомнѣнно являются отраженіемъ социально-экономическихъ условій, въ которыхъ жилъ П-ка, и въ то же время дальнѣйшимъ развитіемъ идей, намѣчавшихся уже раньше въ различныхъ идеологическихъ построеніяхъ Салимбене, Брунетто Латини, Данте и др. Социально-экономическая дѣйствительность XIV в. представляетъ собою картину обмѣна между различными частями человѣчества, постоянной борьбы классовъ, партій, государствъ, — постоянного стремленія къ свободѣ, какъ бы она ни понималась, и къ объединенію Италіи, о чемъ уже говоритъ Данте, о чемъ мечтали всѣ гуманисты, въ виду различныхъ экономическихъ тенденцій итальянскаго народа, — и на этой то почвѣ и формировались впечатлѣнія, переработанныя П-кой въ цѣлый рядъ идей о человѣчествѣ, какъ организмѣ, о борьбѣ, какъ основѣ историческаго процесса, о „свободѣ и единствѣ“, какъ цѣли этого процесса.

Историческій процессъ П-ка рисуется не въ видѣ прогрессивнаго движенія человѣчества, а въ видѣ круговорота. Если свобода и единство и представляютъ собою основную цѣль этого движенія, тѣмъ не менѣе ни свобода, ни единство не достигаются человѣчествомъ обязательно. Лишь однажды оно достигло вершины историческаго развитія, — это было въ эпоху владычества римской республики, и съ тѣхъ поръ человѣчество идетъ по пути все большаго паденія: П-кѣ будущее рисуется картиной огрубѣнія и озвѣренія людей, жизни безъ счастья и свѣта, полной стра-

даній и ужасовъ. Но не представляетъ ли все это нѣчто законо-
мѣрное и планомѣрное? П-ка даетъ отрицательный отвѣтъ: онъ
заявляетъ, что историческій процессъ складывается изъ случай-
ныхъ дѣйствій людей, что все въ немъ случайность и произволъ.
Но, присматриваясь ближе къ его исторической идеологіи, мы ви-
димъ, что самъ П-ка не даетъ себѣ вполне яснаго отчета въ
своей собственной исторической конструкціи. Дѣло въ томъ, что
онъ указываетъ на цѣлый рядъ факторовъ историческихъ пере-
мѣнъ, о произвольности которыхъ говорить не приходится. Въ
самомъ дѣлѣ, что такое въ концѣ концовъ, по воззрѣніямъ П-ки,
историческій процессъ? Оказывается, что это въ концѣ концовъ
не что иное, какъ движеніе какого-то „духа“, воплощающагося
то въ той, то въ другой части человѣчества. Отъ чего зависитъ
это именно воплощеніе? Иначе говоря, отъ чего зависитъ боль-
шее или меньшее воплощеніе въ жизни того или иного общества
„свободы и единства“, во имя чего и происходитъ, по мнѣнію
П-ки, борьба, и представляющая собою содержаніе историческаго
процесса? Во—1-хъ, думаетъ П-ка, отъ божественной воли, разъ
навсегда все предопредѣлившей, и, стало быть, уже въ силу
этого историческій процессъ не можетъ быть абсолютно произ-
вольнымъ; во—2-хъ, отъ географическихъ условій, какъ это П-ка
говорить не разъ въ своихъ письмахъ, — стало быть, и въ дан-
номъ случаѣ историческій процессъ развертывается въ томъ или
иномъ видѣ по необходимости; въ—3-хъ, отъ матеріальныхъ усло-
вій жизни и, наконецъ, въ—4-хъ, отъ личной воли человѣка. Та-
ковы, по воззрѣніямъ П-ки, историческіе факторы. Спрашивается,
нельзя ли свести ихъ къ какому-либо единому началу? Петрарка
самъ всѣ источники историческихъ явленій и процессовъ сво-
дитъ въ концѣ концовъ къ „героямъ“, къ волѣ отдѣльныхъ лицъ.
Вотъ почему онъ такъ высоко ставитъ этику: она именно
направляетъ человѣческую волю на истинный путь высшаго до-
бра, а эта воля создаетъ счастье или несчастье человѣчества.

Докладъ вызвалъ обмѣнъ мнѣній.

Н. Н. Любавичъ замѣтилъ, что докладчикъ современное пред-
ставленіе о борьбѣ классовъ переноситъ въ XIV вѣкъ. Это не-
правильно. Въ эпоху Петрарки происходила борьба партій, фа-
милій за власть, а не классовъ. Несмотря на разныя неурядицы,
вызванныя въ Петраркѣ сожалѣніе о паденіи прежняго величія
родины, Италия въ XIII — XIV вв. переживаетъ тѣмъ не менѣе
блестящій періодъ и въ умственномъ и въ экономическомъ отно-
шеніяхъ. Въ политическомъ же отношеніи она переходитъ въ это
время отъ демократіи къ синьоріи, которая и захватила всю

власть въ свои руки. Народъ былъ бѣдливъ, а низшіе классы его—въ полномъ пренебреженіи. Конечно, экономическій переворотъ создалъ величіе Італіи, но современныя идеи историкѣ тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ переносить на XIV в. и подчеркивать борьбу классовъ.

XI. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

30 октября 1904 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовало 17 членовъ Общества.

По прочтеніи и утвержденіи протокола предшествовавшаго засѣданія, А. А. *Томинъ* демонстрировалъ гипсовую копію маски И. С. Тургенева, причемъ сообщилъ и исторію ея открытія. Она была имъ найдена въ Парижѣ у извѣстнаго художника П. Н. Тургенева, сына декабриста Н. Ив. Маска, снятая по желанію г-жи Віардо, воспроизводитъ, по словамъ П. Н. Тургенева, очень хорошо черты покойнаго И. С. По свидѣтельству М. Стасюлевича, Тургеневъ „никогда при жизни не былъ такъ красивъ—можно сказать, такъ величественъ; слѣды страданія, бывшіе еще замѣтными вчера, на второй день исчезли совсѣмъ, распустились, и лицо приняло видъ глубоко задумчивый съ отпечаткомъ необыкновенной энергіи, какой никогда не было замѣтно и тѣни при жизни на вѣчно-добродушномъ, постоянно готовомъ къ улыбкѣ лицѣ покойнаго. Одинъ мертвенно блѣдный цвѣтъ кожи и мраморная неподвижность чертъ лица говорили о смерти”—и это-то выраженіе его отразилось на снимкѣ. Къ этому докладчикъ присоединилъ обзоръ важнѣйшихъ событій его жизни, оказавшихъ особое вліяніе на развитіе характера И. С. Тургенева: его дѣтство, проведенное въ крѣпостной средѣ, вліяніе университета и кружка идеалистовъ 40-хъ годовъ, особенно Бѣлинскаго, который съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ отзывался объ его умѣ, талантѣ, юморѣ и т. д.

Къ тридцати годамъ жизни Тургенева относится начало его литературной дѣятельности—появляются его повѣсти „Записки Охотника“, которыя быстро создали ему славу. За повѣстями послѣдовалъ рядъ романовъ его, разошедшихся не только въ русской публикѣ, но въ многочисленныхъ переводахъ ставшихъ извѣстными и въ другихъ странахъ цивилизованнаго міра. Отмѣчая далѣе значеніе И. С. Тургенева въ русской литературѣ, доклад-

чикъ указаль на принадлежность его реальному направленію, котораго представителями ранѣе его были Пушкинъ и Гоголь; но въ сравненіи съ послѣдними Тургеневъ является реалистомъ болѣе тонкимъ и притомъ съ оттѣнкомъ того „настроенія“, которое особенно рѣзкое выраженіе находитъ у Чехова.

Затѣмъ *Г. К. Дорофеевъ* сдѣлалъ сообщеніе: „Къ вопросу о реформѣ средней школы“. Основные положенія его доклада слѣдующія:

1) Основные начала организаціи всякой государственной школы: а) единство ея содержанія и принциповъ, обязательное для всѣхъ школъ государства;

б) возможность сообразоваться съ историческими и этнографическими особенностями разныхъ окраинъ государства для достиженія наилучшаго нравственно-воспитательнаго вліянія школы на населеніе разныхъ частей Имперіи;

в) предоставленіе личности учителя извѣстной свободы инициативы, а ученику — возможности обнаруживать и удовлетворять личнымъ склонностямъ и запросамъ души;

г) организація разумнаго наблюденія за дѣятельностью учительскаго персонала и руководство ею.

2) Средства для осуществленія и взаимнаго примиренія указанныхъ началъ:

а) раздѣленіе учебно-воспитательнаго матеріала на часть учебную по преимуществу и воспитательную;

б) требованія, которымъ должна удовлетворять учебная часть курса: минимальность размѣра, строгая опредѣленность программы, обязательность ея для учителя и учениковъ;

в) условія, въ которыя должно быть поставлено пользование собственно воспитательною частью курса средней школы: составленіе списка книгъ для библіотеки каждаго класса школы, свобода и добровольный характеръ пользованія ими для чтенія, для классныхъ и внѣклассныхъ бесѣдъ, для домашнихъ письменныхъ работъ, отчеты учителей о бесѣдахъ и добровольныхъ письменныхъ работахъ и обсужденіе отчетовъ въ засѣданіяхъ комиссій и въ собраніяхъ педагогическихъ обществъ.

3) Учебная и воспитательная постановка преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ: приговорительномъ, первомъ и второмъ:

а) Воспитательная часть: чтеніе въ классахъ, на особо назначенныхъ для этого урокахъ, и дома произведеній сло-

весности, доступныхъ пониманію дѣтей, съ цѣлями—обога-
тить рѣчь дѣтей и доставить ихъ душѣ благотворно дѣй-
ствующія впечатлѣнія, развитіе навыкъ правильно писать
при посредствѣ самаго чтенія и списыванія въ широкихъ
размѣрахъ тѣхъ произведеній и отрывковъ, которые особен-
но понравились учащимся и произвели на нихъ сильное впе-
чатлѣніе;

б) учебная часть —разучиваніе наизусть и на рассказъ
обязательныхъ произведеній въ стихахъ и въ прозѣ, усво-
еніе главнѣйшихъ правилъ правописанія въ связи съ изуче-
ніемъ отдѣльных фактовъ; самая постановка учебного дѣла
должна имѣть въ виду развитіе активности мышленія, са-
модѣтельности и творчества.

4) Учебная и воспитательная постановка преподаванія рус-
скаго языка, исторіи и географіи въ среднихъ классахъ: третьемъ,
четвертомъ и пятомъ:

а) воспитательная часть курса по русск. языку, исторіи
и географіи: чтеніе произведеній поэзіи, литературы, исто-
ріи и географіи съ тѣми же цѣлями, что и въ низшихъ клас-
сахъ; но сверхъ этого еще и съ цѣлю пріучать учащихся
къ послѣдовательному письменному изложенію мыслей пу-
темъ устнаго и письменнаго пересказа прочитанныхъ произ-
веденій или законченныхъ отрывковъ, выдѣленія изъ нихъ
краткихъ конспектовъ и плановъ, а также и путемъ подра-
жанія имъ на основаніи личныхъ организованныхъ наблюде-
ній на экскурсіяхъ. Обязательность веденія и исправленія
письменныхъ работъ для учителей не только русскаго язы-
ка, но и преподавателей исторіи, географіи, при чемъ для
каждаго предмета въ среднихъ и высшихъ классахъ должны
быть отдѣльные спеціалисты.

б) Учебная часть по русск. яз. въ 3 и 4 классахъ —разу-
чиваніе наизусть и на рассказъ произведеній въ стихахъ и
въ прозѣ, сообщеніе въ связи съ этимъ необходимыхъ свѣ-
дѣній описательнаго характера о родахъ и видахъ произведе-
ній; прохожденіе этимологии и синтаксиса русск. языка въ
связи съ объясненіемъ формъ, обязанныхъ своимъ происхожде-
ніемъ вліянію церковно-слав. языка; чтеніе памятниковъ цер-
ковно-славянской письменности въ связи съ объясненіемъ
формъ и оборотовъ рѣчи въ предѣлахъ, необходимыхъ для по-
ниманія памятниковъ. Въ 5 классѣ — теорія періодовъ и теорія
словесности въ элементарныхъ описательныхъ предѣлахъ.

б) Учебная и воспитательная постановка преподавания словесности, истории и логики въ высшихъ классахъ:

а) Воспитательная часть: цѣли тѣ же, что въ низшихъ и среднихъ классахъ; сверхъ того — формированіе основъ міросозерцанія и ознакомленіе учащихся съ содержаніемъ и методами изслѣдованія главнѣйшихъ наукъ для подготовки къ научнымъ занятіямъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

б) Слѣдствія этого: болѣе тѣсная связь воспитательной части курса, добровольныхъ занятій учениковъ съ учебнымъ, обязательными ихъ работами; необходимость представленія возможности въ занятіяхъ учениковъ нѣкоторой специализаціи, въ результатѣ чего явится образованіе группъ, занимающихся преимущественно русск. языкомъ, или исторіей, или филологіей, или математикой и т. п.

в) Цѣли занятія словесностью и исторіей: воспитаніе нравственныхъ чувствъ, изящнаго вкуса, литературнаго чувства, умѣнья владѣть рѣчью; ознакомленіе съ главными видами литературной и исторической критики, съ методами научнаго изслѣдованія литературныхъ и историческихъ фактовъ.

г) Распределеніе курсовъ исторіи: въ низшихъ классахъ исторія Россіи; въ среднихъ — исторія Греціи и Рима, исторія западно европейскихъ народовъ и западныхъ и южныхъ славянъ; въ высшихъ классахъ — основательное изученіе главнѣйшихъ періодовъ и личностей княжескаго, царскаго, императорскаго періода русской исторіи; въ связи съ этимъ — сравненіе сходныхъ личностей и явленій у насъ и въ Зап. Европѣ; чтеніе памятниковъ древней и средней русской письменности, источниковъ и матеріаловъ и методическое веденіе письменныхъ работъ по исторіи.

б) Изученіе въ концѣ курса средней школы главныхъ чертъ теоріи научнаго мысленія въ связи съ серіозной постановкой письменныхъ работъ по всѣмъ предметамъ преподаванія въ высшихъ классахъ — какъ завершеніе подготовки оканчивающихъ среднюю школу къ занятіямъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

ХII. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

3-го ноября 1904 г.

Въ засѣданіи, подъ предѣдательствомъ О. О. Зигеля, присутствовало 20 членовъ Общества.

Слушали окончаніе доклада Г. В. Демченка: „Уголовный законъ и усмотрѣніе судьи“.

Всякій пробѣлъ въ законѣ открываетъ для судейскаго усмотрѣнія весьма широкій просторъ. Однако же въ уголовномъ правѣ такого простора для усмотрѣнія судьи допустить не желаютъ и не могутъ: *nullum crimen, nulla poena sine lege!* При этомъ, какъ раньше проводили существенное различіе между закономъ яснымъ и закономъ неяснымъ, такъ теперь важное значеніе придаютъ свойству законодательнаго пробѣла: иначе опредѣляются предѣлы судейскаго усмотрѣнія въ случаяхъ неполноты закона, иначе — въ случаяхъ недостатка закона.

Съ логической точки зрѣнія можно, конечно, отличать неполноту закона отъ его недостатка. Логически такое различіе не только возможно, но и правильно. Но не трудно замѣтить, что логически правильное различеніе понятій неполноты и недостатка уголовного закона въ дѣйствительности часто оказывается весьма условнымъ, такъ какъ оно зависитъ отъ пониманія и истолкованія судьей самой нормы. Практически и юридически вопросъ о примѣненіи уголовного закона вообще возникаетъ только при наличности извѣстнаго сходства между случаемъ, предусмотрѣннымъ въ законѣ, и даннымъ случаемъ, встрѣтившимся на практикѣ. Но и то, что судѣ строго воспрещено, т.-е. примѣненіе уголовного закона по аналогіи, предполагаетъ, что имѣется извѣстное сходство, имѣются въ наличности какіе-нибудь элементы для установленія аналогіи. Центръ тяжести обоихъ случаевъ лежитъ въ степени, свойствахъ и условіяхъ найденнаго сходства, которое взвѣшивается и оцѣнивается судьей. И здѣсь то обнаруживаются затрудненія, которыя нисколько не разрѣшаются однимъ только теоретическимъ построеніемъ понятій неполноты и недостатка закона. Отъ усмотрѣнія, судьи отъ такого или другого взгляда его на законъ, отъ способа истолкованія и пониманія закона зависятъ не только содержаніе нормы, но и ея объемъ, ея границы, предѣлы ея дѣйствія. Весьма нерѣдко именно усмотрѣніе судьи при разрѣшеніи того или другого частнаго случая авторитетно опредѣляетъ его квалификацію, его запрещенность или незапрещенность уголовнымъ закономъ. Въ судейской практикѣ на нашихъ глазахъ постоянно и ежедневно возникаютъ подобные вопросы, и многіе изъ этихъ вопросовъ для полного уясненія требуютъ напряженной и многолѣтней работы судовъ (примѣръ—уголовно-наказуемое самоуправство).

Такимъ образомъ, ни совершенство вышней редакціи кодекса, ни принципъ *nullum crimen, nulla poena sine lege*—ничто

не устраняеть и не может устранить усмотрѣнія уголовного судьи при примѣненіи законодательныхъ нормъ, при практическомъ разрѣшеніи отдѣльныхъ случаевъ. Какъ показываетъ опытъ, не достигаютъ этой цѣли и англійскіе законы, казуистическая редакція которыхъ затрудняетъ только судью и никому никакой пользы не приноситъ. Да и вообще нѣтъ основанія стремиться къ цѣли невозможной и недостижимой - вполнѣ устранить усмотрѣніе судьи, тѣмъ болѣе, что это усмотрѣніе не имѣетъ ничего общаго съ произволомъ. Напротивъ, избѣгая всякихъ мелочей и ненужныхъ опредѣленій въ кодексѣ, законодатель долженъ такъ поставить практику судовъ, чтобы она, дѣлая мѣсто судейскому усмотрѣнію, дѣлала это усмотрѣніе основательнымъ (качество судовъ), а затѣмъ устойчивымъ (единообразіе судебной практики).

Докладъ вызвалъ среди присутствовавшихъ членовъ обмѣнъ мнѣній.

А. Л. Блокъ замѣтилъ, что формулы, которыя докладчикъ начерталъ на доскѣ, суть не что иное, какъ примѣненіе къ праву англійской индуктивной логики съ ея рекомендованными Миллемъ методами согласія, различія, остатковъ, сопутствующихъ измѣненій. Другой извѣстный специалистъ по политической методологій Корнуэль Льюисъ въ сочиненіи: „О методахъ наблюденія и разсужденія въ политикѣ“ (появившемся непосредственно передъ индійской кодификаціей), прямо ссылается на судебную практику, какъ на примѣръ употребленія индуктивныхъ пріемовъ. Эта связь между юриспруденціей (даже практической) и философіей, которая отразилась и на самой формѣ изложенія доклада, является, можетъ быть, причиной успѣха какъ той, такъ и другой въ Англій.

И. П. Селиверстовъ обратилъ вниманіе на то, что поставленный Г. В. Демченко на теоретическую почву вопросъ объ усмотрѣніи судьи въ одномъ изъ прежнихъ засѣданій Общества былъ разсмотрѣнъ съ практической стороны К. Н. Туромъ. Тотъ же вопросъ связанъ и съ обсуждавшимся недавно проектомъ условнаго осужденія. И если во всѣхъ этихъ случаяхъ указывалась необходимость рѣшенія вопроса въ положительномъ смыслѣ, то это какъ нельзя лучше доказываетъ всю его настоятельность.

А. К. Сарандо замѣтилъ, что при обсужденіи вопроса о задачахъ законодателя и судьи никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду отличительныхъ чертъ уголовныхъ законовъ. Такъ, если обратиться къ Англій, то ея государственное право едва ли не исчерпывается двумя актами: Magna Charta и Habeas corpus. Въ ея гражданскомъ правѣ кодификація, можно сказать, совѣмъ нѣтъ. Зато ея уголовные законы стараются возможно точнѣе все пред-

усмотрѣть и регламентировать. Это, очевидно, вызывается запретительнымъ характеромъ уголовныхъ нормъ.

В. В. Есиповъ подтвердилъ важность такого различія и сослался на А. Д. Градовскаго, строго разграничивавшаго нормы гражданского и уголовного права. Имѣя въ виду быстроту развитія гражданскихъ и особенно торговыхъ отношеній, нельзя обойтись безъ примѣненія къ нимъ правовыхъ нормъ по аналогіи; но допустить аналогію въ уголовномъ правѣ значило бы объявить *in specie* преступнымъ то, что не запрещается *in genere*. Въ нашемъ Уложеніи есть статья (151 ая), согласно которой аналогія какъ будто допускается. Но проф. Будзинскій совершенно правъ, видя въ въ ней не аналогію преступления, а аналогію наказанія, что можетъ имѣть мѣсто лишь при нѣкоторыхъ статьяхъ съ абсолютно-неопредѣленной санкціей, каковы статьи 301 и 548 Уложенія о наказаніяхъ.

Ө. В. Тарановскій замѣтилъ, что возраженія противъ судейскаго усмотрѣнія основываются на недоразумѣніи, именно на смѣшеніи его съ т. н. дискреціонной властью и административнымъ усмотрѣніемъ. Между тѣмъ рѣчь идетъ о свободѣ толкованія закона судьей. Новыхъ принциповъ права, которые мѣняли бы всю его систему, судья конечно не можетъ устанавливать. Но въ предѣлахъ данныхъ принциповъ и данной системы безусловно необходимо представить ему свободу усмотрѣнія. Мало того, если, какъ это часто бываетъ, особенно въ области публичнаго права, рядомъ съ новой системой и новыми принципами сохранены и законодательныя переживанія старой системы, то и тутъ только судьи могутъ сгладить ихъ противоположности. Но за предѣлы признанныхъ современнымъ, новѣйшимъ законодательствомъ принциповъ они уже не въ правѣ переступать. Такъ, если бы дѣйствующая система права покоилась на принципѣ безусловной свободы договора, то, къ какимъ бы послѣдствіямъ этотъ принципъ ни приводилъ въ реальной жизни, судьи должны неуклонно его придерживаваться. Они свободны въ предѣлахъ догмы, но никакъ не политики права.

А. К. Сарандо возразилъ, что есть немало нарушеній (противъ благочинія, благоустройства, уставовъ казенныхъ управленій, наконецъ, самоуправство), которыя не всегда можно связать съ тѣми или иными принципами всей системы права. Законъ, карая опредѣленное нарушение устава казеннаго управленія, благоустройства или благочинія, долженъ поэтому возможно точнѣе опредѣлять и признаки нарушения, иначе возникаетъ опасность выхода за предѣлы догмы. То же слѣдуетъ сказать и относи-

тельно, напр., самоуправства. Законъ въ ст. 142 Уст. о нак., налагаемыхъ Мир. Судьями, караетъ нарушение предѣловъ дозволенной гражданской самообороны, не опредѣляя однако этихъ предѣловъ, не указывая признаковъ самоуправства, вслѣдствіе чего понятіе и признаки названнаго проступка опредѣляются судебною практикою самостоятельно и далеко не всегда одинаково.

Г. В. Демченко, резюмируя сдѣланныя по поводу его доклада замѣчанія, указалъ, что они главнымъ образомъ касаются, во-первыхъ, субъективной стороны судейскаго усмотрѣнія, а, во-вторыхъ, примѣненія аналогіи въ уголовномъ правѣ. Кромѣ того, затронуты были вопросы о кодификаціи въ Англіи и о связи ея юриспруденціи съ логикой. По поводу перваго пункта нельзя не согласиться, что единичные случаи ошибокъ при примѣненіи закона судьями всегда возможны, такъ же какъ и возможны случаи и ихъ неспособности и даже неразумности. Но это устранимо раціональною подготовкою юристовъ. Впрочемъ, въ докладѣ имѣлась въ виду иная, принципиальная сторона дѣла — указать на неправомерность той переоцѣнки силъ законодателя, которой положили начало Монтескье и Беккарія. Законъ будто бы обладаетъ магическимъ всемогуществомъ. Земного законодателя ставить въ болѣе высокое положеніе, чѣмъ небеснаго. Именно, мы полагаемъ, что совершенная воля божества не можетъ желать зла. Между тѣмъ для земного законодателя мы и такихъ границъ не ставимъ. Сообразно съ этимъ стремятся охватить желѣзными тисками дѣятельность судьи, котораго хотятъ уподобить автомату, механически выбрасывающему рѣшеніе, если бросить въ него тотъ или иной случай. Вотъ противъ такого взгляда и является единственно вѣрнымъ средствомъ судейское усмотрѣніе. А уровень судейской интеллигенціи связанъ съ общимъ ходомъ развитія страны. Далѣе, что касается непримѣнимости аналогіи къ уголовному праву, то на этотъ счетъ сомнѣній быть не можетъ. Но и этотъ принципъ возникъ исторически и предполагаетъ, что законодатель долженъ исполнять свою обязанность: тогда дѣйствительно пріобрѣтаетъ весь свой смыслъ требованіе: *nullum crimen, nulla poena sine lege*. Но докладъ имѣлъ въ виду не колебать это требованіе, а указать тѣ предѣлы, въ которыхъ и оно вызываетъ необходимость судейскаго усмотрѣнія: что значитъ, напримѣръ, дѣяніе, предусмотрѣнное и непредусмотрѣнное закономъ; какъ установить совпаденіе признаковъ даннаго конкретнаго дѣянія съ признаками преступленія, абстрактно сформулированными въ законѣ; и оказалось, что усмотрѣніе неизбежно. Что касается еще вопроса, почему нѣтъ кодификаціи въ Англіи, то

слѣдуетъ замѣтить, что она къ ней давно стремится. Законъ о кражѣ 1861 г. является лишь частью болѣе обширной консолидаціи статутовъ. И въ общей сложности одни уголовные законы по крайней мѣрѣ втрое превышаютъ по объему наше Уложение. Въ настоящее время мнѣнія о кодификаціи раздѣляются. Англійскіе практики приходятъ къ выводу, что кодексы не нужны. Иного мнѣнія теоретики. Но то, что они считаютъ кодексомъ, совсѣмъ не является таковымъ съ нашей точки зрѣнія. Наконецъ, по поводу вопроса о связи юриспруденціи и логики въ Англіи, можно согласиться, что такая связь дѣйствительно существуетъ. Но юристы понимаютъ ее иначе, чѣмъ специалисты по логикѣ. Именно, юриспруденція основывается на системѣ прецедентовъ, что съ логической стороны представляетъ чистую форму примѣненія индуктивной методы: даны конкретные случаи, и отъ нихъ отвлекаются общія начала. Между тѣмъ англійская логика, въ частности у Милля, требуетъ въ этой области дедукціи, т. е. вывода путемъ силлогизма заключеній изъ общихъ положеній. Такимъ образомъ, въ своемъ взглядѣ на логику въ правѣ, англійская теоретическая философія и юриспруденція расходятся между собой.

XIII. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

20-го ноября 1904 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовали 22 члена Общества.

По прочтеніи и утвержденіи протокола предшествовавшаго засѣданія, Предсѣдатель Отдѣленія Е. О. Карскій предложилъ желающимъ высказать свои замѣчанія по поводу сообщенія Г. К. Дорофеева, доложеннаго на предыдущемъ засѣданіи: „Къ вопросу о реформѣ средней школы“. Въ преніяхъ приняли участіе: А. В. Михайловъ, А. П. Косминскій, А. П. Соколовъ, Е. О. Карскій, Д. В. Цвѣтаевъ и докладчикъ.

По окончаніи преній *А. Л. Погодинымъ* былъ сдѣланъ докладъ: „Еврейскія народныя пѣсни въ Россіи“. Референтъ разсматрѣлъ содержаніе сборника, изданнаго въ 1901 году редакціей „Восхода“, подъ заглавіемъ: „Еврейскія народныя пѣсни въ Россіи, собраны и изданы подъ редакціей Гинцбурга и Марека“. Авторъ доклада старался на основаніи этого матерьяла отмѣтить, насколько и какъ отражаются въ пѣняхъ воззрѣнія евреевъ на воинскую повинность, эмиграцію, особ. въ Америку, Палестину—

сіонистское движеніе, ихъ взгляды на любовь, женитьбу и вообще семейныя отношенія. Какъ на особенно характерную черту этихъ пѣсень докладчикъ указалъ на рѣзкій реализмъ ихъ и почти полное отсутствіе поэзіи.

Въ дальнѣйшемъ обмѣнѣ мыслей приняли участіе: А. В. Михайловъ, А. П. Косминскій, М. Дм. Скрибинъ, Н. Н. Любовичъ, О. О. Зигель и Д. В. Цвѣтаевъ.

XIV. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

1-го декабря 1904 г.

Въ засѣданіи, подѣ председательствомъ О. О. Зигеля, присутствовали 21 членъ Общества.

И. П. Филевичъ прочелъ докладъ: „Памяти А. Д. Градовскаго”.

Значеніе трудовъ Градовскаго какъ по русскому, такъ и по европейскому государственному праву признается всеми. Но Гр. не только юристъ, а и историкъ. Въ его трудахъ по русской исторіи ярко выступаютъ не только „противорѣчія” русской жизни, но и ея положительныя черты и притомъ за все время русской исторической жизни. Отзывъ о книгѣ Сергѣевича характеризуетъ укладъ Кіевской Руси; въ исторіи мѣстнаго управленія чрезвычайно выпукло очерчена организаціонная дѣятельность Москвы; наконецъ, изслѣдованіе „Высшая администрація” представляетъ весьма яркое изображеніе реформъ Петра и Екатерины. Все эти труды до сихъ поръ не потеряли значенія и, можно думать, еще не скоро потеряютъ его.

Публицистическая дѣятельность Гр. представляетъ лишь расширеніе рамокъ его ученой работы. Оттого Гр., какъ публицистъ, не былъ человѣкомъ партіи, а однимъ изъ лучшихъ представителей своего времени—„эпохи великихъ реформъ”, подѣ вліяніемъ которой онъ сложился и завѣтамъ которой остался вѣренъ до конца своей жизни. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на залогъ всесторонняго обновленія Россіи, почему особенное значеніе въ его глазахъ получалъ вопросъ о политическомъ воспитаніи русскаго общества. Это воспитаніе должно быть національнымъ, да по существу оно и не могло быть инымъ. „Национальность и трудъ, національность и творчество, національность и школа, національность и свобода—эти слова должны, по мнѣнію Гр-аго, сдѣлаться однозначными”. Мало того, онъ былъ

убѣжденъ, что именно въ Россіи могутъ окончательно сгладиться противорѣчія національнаго вопроса.

Осуществленія этихъ надеждъ Гр-му не суждено было дождаться. Въ русской жизни еще разъ обозначились ея „противорѣчія“. Въ значительной степени они ускорили его преждевременную кончину. Онъ умеръ 48 лѣтъ. „Его принципы были такъ же далеки отъ консерватизма въ его недѣльной односторонности, какъ и отъ революціонности, въ ея безнравственной и страстной самоувѣренности, они составляли начало прогресса разумнаго, а не безтолковаго броженія“. Эти слова Хомякова, которыми онъ опредѣлилъ свое направленіе, лучше всего, по мнѣнію докладчика, характеризуютъ Градовскаго за все время его дѣятельности.

Въ заключеніе И. П. Филевичъ указалъ на захватывающій интересъ „Краткаго очерка жизни и дѣятельности А. Д. Градовскаго“, приложеннаго къ IX т. его сочиненій и рекомендовалъ его слушателямъ. Однимъ онъ даетъ возможность живо обновить въ памяти многое изъ пережитаго и перечувствованнаго, другіе — помоложе — найдутъ здѣсь чрезвычайно яркое отраженіе замѣчательной эпохи въ жизни одного изъ замѣчательныхъ ея представителей.

XV. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

2-го декабря 1904 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовало 18 членовъ Общества.

По прочтеніи и утвержденіи протокола предшествовавшаго засѣданія, профессоромъ Д. В. Цыплевичемъ сдѣланъ былъ докладъ: „Плѣненіе царя Василія Ивановича Шуйскаго съ братьями“.

Смутное время, бывшее тяжелымъ кризисомъ во внутренней жизни Московской Россіи, осложняемымъ сторонними вмѣшательствами и воздѣйствіями, долго не давало никому укрѣпиться на царскомъ престолѣ и положить начало новой династіи, на мѣсто угасшаго рода святого Владиміра Великаго. Массѣ претендентовъ, дѣйствительныхъ или считаемыхъ таковыми, досталась горькая чаша. Много лицъ погибло или потерпѣло по одному подозрѣнію, что они могутъ оказаться кандидатами и соперниками; иные носили царскій титулъ, но не вступили и въ Москву; достигшіе, казалось, цѣли, Годуновъ съ сыномъ и Лжедимитрій трагически погибли у подножія трона, который заняли было они; процар-

ествовавший четыре года и два мѣсяца (19 мая 1606 г. — 17 июля 1610 г.), Василий Ивановичъ Шуйскій насильственно былъ сведенъ съ престола и постриженъ въ монашество.

Лица, свергнувшаго родовитаго Василия Ивановича и сочувствовавшія его низверженію, не позволили занять себя царевѣиствомъ, какъ ни опасались, что, оставаясь живымъ, онъ можетъ воротиться къ власти и явиться соперникомъ каждому претенденту на престолъ. Возбуждали къ себѣ подозрѣнія также его братья; князя Дмитрій Ивановичъ, женатый на честолюбивой сестрѣ жены Бориса Годунова, въ качествѣ большого воеводы проигравшій Клушинскую битву, и Иванъ Ивановичъ, начальникъ стрѣльцовъ. Для недруговъ Василия было дѣломъ не одной простой осторожности, чтобы удалить, сдать всѣхъ Шуйскихъ въ такія „надежныя“ руки, которыя никоимъ образомъ не выпустили бы ихъ на свободу.

Лицомъ, располагавшимъ такими средствами избавить этихъ недруговъ отъ ихъ тяжелаго бремени, представлялся тогда стоявшій (съ 24 июля) подъ Москвой гетманъ Жолкѣвскій. Хотя по заключенному имъ договору (17 авг.) объ избраніи Владислава на царскій престолъ никого изъ жителей Московскаго государства нельзя было ни переводить, ни уводить въ плѣнъ, однако онъ настойчиво старался такъ или иначе удалить въ Польшу лицъ, бывшихъ опасными для польскихъ интересовъ. Подобной участи онъ желалъ и всей семьѣ Шуйскихъ. Противъ выдачи бывшаго государя королю рѣшительно стояли патріархъ Гермогенъ и единомышленныя съ нимъ бояре. Независимо отъ сознанія позора и непристойности такого дѣла, они, въ виду неизвестности, согласится ли Сигизмундъ III отпустить своего сына на предложенныхъ условіяхъ, повидимому, еще питали надежду, что Василий Ивановичъ можетъ пригодиться, если до поры до времени проживетъ гдѣ-либо въ безопасномъ мѣстѣ.

Составъ боярскаго правительства между тѣмъ быстро измѣнялся. Одинъ за другимъ вступали въ него и въ высшую администрацію подсылаемые Сигизмундомъ прежніе тушинцы — Мих. Солтыковъ, Федоръ Андроновъ и др. По мѣрѣ усиленія ихъ слабѣла прежняя боярская дума, и глава правительства князь Мстиславскій дѣлался все уступчивѣе. Прибывшій къ Жолкѣвскому съ наказомъ гетману дѣйствовать прямо въ королевскую пользу, литовскій рефендарій Александръ Гостѣвскій тѣсно сошелся съ московскимъ кружкомъ усиливавшихся агентовъ Сигизмунда. Задумано было, чтобы удобнѣе достигнуть цѣли, постараться пока объ отсылкѣ Василия Ивановича въ Іосифовъ Волоколамскій мо-

настырь, стоявшій у тогдашней дороги къ Смоленску, наполоеъ расположеніа польскихъ отрядовъ. Догадываясь, очевидно, о скрытыхъ намѣреніяхъ гетмана и его подручныхъ, патріархъ съ единомышленными боярами говорили, чтобы послать Василія въ Троицко-Сергіевъ монастырь или, еще лучше, за русско-польскою стражей, въ отдаленные Кирилло-Бѣлозерскій или Соловецкій монастыри и тамъ держать его въ соотвѣтственной чести. Но Сигизмундовы агенты, эти, по опредѣленію лѣтописи, „измѣнники московскіе“, стали „уже сильны въ Москвѣ“, а сборы Великаго посольства къ Сигизмунду о Владиславѣ дѣлали для польской стороны неотложно настоятельнымъ, чтобы позади его не оставалось чего-либо грозившаго его успѣхамъ, и Шуйскіе, чрезъ Гостѣвскаго и при порывистой помощи Солтыкова и т. п. лицъ, были въ рукахъ гетмана еще до выѣзда (11 сент.) пословъ изъ Москвы.

Жолкѣвскій обѣщалъ не вывозить Василія Ивановича изъ Іосифова монастыря, куда онъ чрезъ своихъ подручныхъ отпиривилъ его, объясняя боярамъ, что держать Василія въ отдаленіи отъ Москвы, какъ хотѣли бы единомышленники патріарха, опасно, что оттуда могутъ быть отъ него возмущенія. Монастырь былъ занятъ отрядомъ подвѣдомственнаго гетману Рущаго, подъ стражу котораго Жолкѣвскій и отдалъ теперь Василія Ивановича. Заключенный получалъ отъ Рущаго питаніе скудное, едва не умиралъ съ голоду. Братьевъ Шуйскаго гетманъ нѣкоторое время держалъ у себя, въ подмосковномъ станѣ. Тутъ засталъ (12 сент.) ихъ у него Янъ Сапѣга. Вскорѣ гетманъ отправилъ ихъ съ Невядомскимъ въ крѣпость Бѣлую, ближе къ Смоленску. До своего выхода къ Жолкѣвскому подъ Москву ее занималъ съ своимъ полкомъ Гостѣвскій. Для заточенія въ ней князей Шуйскихъ она была выбрана, очевидно, по его указанію. О нихъ бояре ставили также условіемъ, чтобы „они не были допущены къ королю“.

Но мѣстами заточенія, расположенными въ сторону къ Смоленску, гетманъ хитро воспользовался, какъ передаточными пунктами. Впущенный боярскимъ правительствомъ въ Москву (21 сент.) и чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ вынужденный обстоятельствами направиться къ королю, онъ по дорогѣ заѣхалъ въ монастырь Іосифа Волоцкаго, гдѣ томился Василій Ивановичъ. Узникъ былъ въ простомъ монашескомъ платьѣ; Жолкѣвскій облекъ его въ мірекую одежду польскаго покроя; Василій не хотѣлъ этого, но гетманъ поступилъ съ нимъ уже „правомъ плѣнническаго обычая“ и взялъ съ собой. Къ Смоленску до-

ставлялись изъ Бѣлой и князя Дмитрій Ивановичъ съ женой и Иванъ Ивановичъ. Гетману препятствовать тутъ уже никто не могъ. Подъ Смоленскомъ, послѣ первой же конференціи (2 ноября) съ русскими послами, митроп. Филаретъ Никитичъ энергично укорялъ его за это. „Ты, говорилъ ему митрополитъ, на томъ крестѣ цѣловаль, и то сдѣлалось отъ васъ мимо договора“. Укоры гетману, ни переговоры съ нимъ не могли уже поправить дѣла. Жолѣвскій дважды, въ качествѣ военныхъ трофеевъ, тщеславно представилъ Шуйскихъ Сигизмунду — подъ Смоленскомъ при сенаторахъ и воеводахъ и въ Варшавѣ на сеймѣ, и они испытали все нравственное униженіе и тяжесть плѣна.

Въ заключеніе докладчикъ указалъ на оцѣнку событія современниками и на дальнѣйшія отъ него послѣдствія для Россіи и Польши, а также подвергъ критическому разбору существующія въ исторической наукѣ сообщенія о времени и ближайшихъ обстоятельствахъ выдачи и вывоза Шуйскихъ. Критическую оцѣнку ихъ профессоръ Д. В. Цвѣтаевъ обосновывалъ на сличеніи первоисточниковъ, русскихъ и польскихъ, изданныхъ и неизданныхъ, которые тутъ же и прочитывались имъ въ самихъ подлинникахъ.

Годи́чное Собра́ніе Общества.

25 сентября 1905 г.

Годи́чное собра́ніе Общества состоялось подъ предѣдательствомъ товарища предѣдателя Н. Н. Любовича. Въ этомъ собраніи Н. А. Дубровскій произнесъ рѣчь: „Итальянская школа и педагогическія теоріи въ эпоху гуманизма“. Послѣ рѣчи Н. А. Дубровскаго секретаремъ Общества былъ прочитанъ:

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи и дѣятельности Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ за четвертый годъ существованія Общества, съ 1-го января по 31-ое декабря 1904 года.

1. Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества.

Къ 1-му января 1904 г. Общество состояло изъ 20 членовъ-учредителей, которые принадлежали къ составу профессоровъ и преподавателей Университета, и изъ 161 дѣйствительнаго члена и одного члена-сотрудника. Въ теченіе 1904 г. въ Общество вступило новыхъ членовъ 10 и избранъ въ почетные члены Общества бывшій его предѣдатель проф. Ѳ. И. Леонтовичъ. Выбыло изъ числа членовъ 5. Такимъ образомъ, въ настоящее время Общество состоитъ изъ 185 дѣйствительныхъ членовъ, одного почетнаго члена и одного члена-сотрудника.

Общество слагается изъ двухъ отдѣленій: историко-филологическихъ наукъ и наукъ юридическихъ.

Изъ числа проживающихъ въ Варшавѣ членовъ Общества нѣкоторые по избранію входятъ въ составъ Бюро и Совѣта Общества и завѣдываютъ текущими дѣлами и имуществомъ его.

Бюро Общества въ истекшемъ отчетномъ году состояло изъ слѣдующихъ должностныхъ лицъ, избранныхъ въ общихъ собраніяхъ 2-го февраля 1903 г. и 1 февраля 1904 г.: председателя Н. Н. Любовича, товарища председателя Ѳ. К. Горбъ-Ромашкевича, казначея О. Ѳ. Базинера, секретаря П. А. Заболотскаго и бібліотекаря С. И. Вѣхова. Председателемъ отдѣленія историко-филологическихъ наукъ состоялъ Е. Ѳ. Карскій, секретаремъ В. А. Погорѣловъ; въ отдѣленіи юридическихъ наукъ председательствовалъ Ѳ. Ѳ. Зигель, при секретарѣ Е. В. Спекторскомъ.

Въ составъ Совѣта Общества, которому принадлежитъ завѣдываніе текущими дѣлами, входятъ по должности: председатель, товарищъ председателя, председатели обоихъ отдѣленій Общества и секретарь его; кромѣ того, по особому избранію: отъ отдѣленія историко-филологическихъ наукъ А. П. Косминскій, отъ отдѣленія юридическихъ наукъ А. К. Сарандо.

Редакторомъ „Записокъ“ Общества состоялъ Н. И. Новосадскій. Въ составъ ревизіонной комиссіи вошли по избранію: В. С. Карачаровъ, А. П. Соколовъ и Н. С. Эйсмонтъ.

II. Свѣдѣнія о состояніи бібліотеки, имущества и денежныхъ средствъ Общества.

Въ бібліотекѣ Общества къ 1-му января 1904 г. состояло книгъ и періодическихъ изданій: 146 названій въ 583 томахъ и тетрадахъ. Въ 1904 г. поступило: а) книгъ—7 названій въ 7 т., б) продолженій періодическихъ изданій—20 названій въ 219 томахъ, в) новыхъ періодическихъ изданій—7 названій въ 51 томѣ. Всего поступило вновь 14 названій въ 277 томахъ. Такимъ образомъ, къ 1 января 1905 г. въ бібліотекѣ Общества состоитъ 160 названій въ 860 томахъ.

Что касается изданій Общества, то на храненіи въ бібліотекѣ находится: а) 1-го вып. „Записокъ“ 92 экз., б) 2-го вып. „Записокъ“ 100 экз. и в) 3-го вып. „Записокъ“ 100 экз. Остальные экземпляры 3-го вып. „Записокъ“, изданнаго въ 1904 г. въ количествѣ 400 экз., распределены такъ: 12 экз. отправлено въ Цензурный комитетъ, 159 роздано членамъ Общества, 80 выслано другимъ Обществамъ и редакціямъ въ обмѣнъ на изданія, 10 выдано въ распоряженіе г. Председателя Общества, 30 от-

дано на комиссію въ книжный магазинъ Карбасникова и 29 находится у г. Ректора.

Движеніе суммъ Общества выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

къ 1-му января 1904 г. состояло въ остаткѣ	685 р. 64 $\frac{1}{2}$ к.
въ 1904 г. поступило	928 р. 58 к.
Всего въ приходѣ къ 1 му января 1905 г. .	1614 р. 22 $\frac{1}{2}$ к.
Израсходовано въ 1904 г.	515 р. 75 к.

Такимъ образомъ, къ 1-му января 1905 г. состоитъ 1098 р. 47 $\frac{1}{2}$ к., изъ коихъ 1062 р. 77 к. хранятся въ Государственной Сберегательной Кассѣ по книжкамъ за №№ 33612 и 2348 (по книжкѣ за № 33612 состоитъ 615 р. 25 к., по книжкѣ за № 2348 состоитъ въ 4% Государственной Рентѣ за № № сер. 57, 113, 165, 165 и 214—447 р. 52 к.; номинальная стоимость этихъ бумагъ 500 р.). Остальные 35 р. 70 $\frac{1}{2}$ к. остаются на рукахъ у казначея Общества

Довольно значительная цифра прихода за 1904 г. объясняется—при неаккуратности въ уплатѣ членскихъ взносов—главнымъ образомъ тѣмъ, что Обществу было выдано съ разрѣшенія г. Министра Н. П. пособие въ размѣрѣ 300 руб., изъ котораго и была покрыта значительная часть расходовъ по изданію 3-го вып. „Записокъ“ Общества.

III. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Дѣятельность Общества выразилась въ организаціи публичныхъ лекцій, въ собраніяхъ для выслушанія и обсужденія докладовъ и рѣчей или для разрѣшенія текущихъ дѣлъ Общества и въ изданіи „Записокъ“.

1) Въ теченіе февраля, марта и апрѣля 1904 г. Обществомъ были организованы публичныя лекціи, въ которыхъ приняли участіе слѣдующіе члены Общества: *И. П. Филевичъ* („Россія и Азіаты“, очеркъ взаимныхъ отношеній и ихъ характеристика), *Ө. В. Тарановскій* („Объ осуществленіи права“), *Ө. Ө. Зигель* („Важнѣйшіе представители реалистической философіи — Огюсть Контъ, Гербертъ Спенсеръ и Лестеръ Уордъ“, двѣ лекціи), *А. Л. Погодинъ* („О буддизмѣ“), *А. А. Мансюнъ* („Феминизмъ во французской литературѣ съ XIII до XIX вѣка“, одна лекція на французскомъ языкѣ), *Е. В. Спекторскій* („Развитіе римскаго правовѣдѣнія“), *П. А. Заболотскій* („Высшее женское образованіе въ

Россіи“, историческій очеркъ); *И. И. Замотинъ* („Предразсвѣтныя тѣни“, къ характеристикѣ драматическихъ произведеній *А. Чехова*).

Всего было прочитано 9 публичныхъ лекцій, чистый доходъ отъ коихъ въ размѣрѣ 146 руб. передавъ Кружку Университетскихъ Дамъ для оказанія помощи нижнимъ чинамъ дѣйствующей арміи, отправляющимся на Дальній Востокъ.

2) Ученыхъ собраній Общества въ теченіе 1904 г. состоялось 16-ть.

Отдѣленіе историко-филологическихъ наукъ имѣло 8 собраній, въ коихъ было сдѣлано 14 докладовъ: *В. В. Власова* „Религія въ Японіи“, *В. А. Францева* „Къ исторіи кафедръ славяновѣдѣнія въ Варшавскомъ Александровскомъ Университетѣ (1825 г.)“, *С. Н. Алексѣева* „Къ долговому вопросу въ Римѣ“, *Е. Θ. Карскаго* „Къ вопросу о реформѣ русской орѳографіи“, *Я. В. Юзефовича* „О стремленіяхъ и надеждахъ молодой Японіи“, *А. А. Томина* „О маскѣ *И. С. Тургенева*“, *Н. А. Дубровскаго* „Историческія воззрѣнія *Ф. Петрарки* въ связи съ вопросомъ о наукѣ его времени. По поводу 600-лѣтія со дня его рожденія (1301 — 1904)“, *Г. К. Дорофеева* „Къ вопросу о реформѣ средней школы“, *А. Л. Погодина* „Еврейскія народныя пѣсни въ Россіи“, *Д. В. Цвѣтаева* „Плѣненіе царя *Василія Ивановича Шуйскаго*“. Одно засѣданіе специально было посвящено памяти *Канта*“, *В. А. Фляксбергера* „Теоретическая и практическая философія *Канта*“, *Е. В. Спекторскій* „*Кантъ* и общественная философія“ и *Θ. В. Тарановскій* „*Кантъ* и правовое государство“.

Отдѣленіе юридическихъ наукъ имѣло 8 засѣданій, въ коихъ было прочитано 10 докладовъ и сообщеній: *Ф. П. Будкевича* „О владѣніи“, *К. Н. Тура* „О предѣлахъ судейскаго усмотрѣнія въ дѣйствующемъ законодательствѣ“, *В. В. Есипова* „Проектъ закона объ условномъ осужденіи“ и „Уголовные законы въ Японіи“, *Г. В. Демченка* „Уголовный законъ и усмотрѣніе судьи“, *В. Н. Александренка* „*Н. М. Коркуновъ*“, *В. С. Карачарова* „Объ условномъ осужденіи“. Одно засѣданіе специально было посвящено памяти *Б. Н. Чичерина* и одно — памяти *А. Д. Градовскаго*. *О. Б. Н. Чичеринъ* сдѣлалъ сообщеніе *Θ. В. Тарановскій*: „*Б. Н. Чичеринъ*, какъ историкъ русскаго права“. *О. А. Д. Градовскій* говорилъ *И. П. Филевичъ*: „Памяти *А. Д. Градовскаго*“. Два засѣданія были посвящены обсужденію вопроса и разбору проекта новаго закона объ условномъ осужденіи. Этотъ проектъ былъ присланъ въ юридическое отдѣленіе Общества изъ Министерства Юстиціи съ предложеніемъ обсудить его и дать свои заключенія.

Идя на встрѣчу желаніямъ Министерства Юстиціи, Общество препроводило на имя г-на Министра какъ представленные объ условномъ осужденіи доклады В. В. Есипова и С. В. Карачарова, такъ и свои заключенія, а равно полные протоколы засѣданій, посвященныхъ вопросу объ условномъ осужденіи, содержащіе разнообразныя мнѣнія мѣстныхъ юристовъ, теоретиковъ и практиковъ.

Кромѣ того, въ годичномъ засѣданіи Общества 25 января 1904 г. *Е. В. Спекторскимъ* была произнесена рѣчь: „Органическая теорія Общества“.

Для обсужденія текущихъ дѣлъ и избранія новыхъ членовъ Общества устраивались распорядительныя засѣданія, обыкновенно совмѣстно съ засѣданіями отдѣленій. Всѣхъ распорядительныхъ засѣданій въ 1904 г. было 8. Совѣтъ Общества собирался въ теченіе истекшаго года 6 разъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе 1904 г. всѣхъ засѣданій Общества было 31, въ томъ числѣ: распорядительныхъ—8, ученыхъ—16, торжественныхъ—1, совѣтскихъ—6. Въ ученыхъ и торжественныхъ собраніяхъ было прочитано 25 рѣчей, рефератовъ и сообщеній, вызвавшихъ оживленный обмѣнъ мнѣній между присутствовавшими въ засѣданіяхъ членами Общества.

3) Въ истекшемъ году Общество издало 3-ій вып. своихъ „Записокъ“ (78 стр.+150 стр.), заключающій въ I отдѣлѣ сокращенные протоколы засѣданій Общества и во II отдѣлѣ доклады и статьи слѣдующихъ лицъ: *П. А. Заболотскаго* „Поэтъ гуманности и свѣтлыхъ идеаловъ (памяти А. Н. Плещеева)“, *Е. В. Спекторскаго* „Органическая теорія общества“, *В. А. Фляксбергера* „Философія Канта“ и *С. Н. Алексѣева* „Къ долговому вопросу въ Римѣ“.

XVI. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

2 октября 1905 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ *Е. Θ. Карскаго*, присутствовало 11 членовъ Общества.

О. Θ. Базинеромъ былъ прочтенъ докладъ: „Nixi di и другія античныя божества родовъ“. Краткое содержаніе реферата представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Опровергая основательность утвержденія извѣстнаго новѣйшаго историка древне-римской религіи *Wissow'a*, что сообщеніе

римскаго антикварія Феста (Веррія Флакка) о почитаніи римлянами поставленныхъ во II-мъ столѣтіи до Р. Хр. на Капитоліи передъ святилищемъ богини Минервы трехъ греческихъ изображеній колѣнопреклоненныхъ *Nixi di.* какъ божествъ-покровителей женскихъ родовъ, основано на „этіологическомъ вымыслѣ“ позднѣйшихъ римскихъ сисегоні, лекторъ, съ цѣлью подтвержденія указаннаго Фестомъ сакрального и культоваго значенія упомянутыхъ изображеній, выступилъ съ двумя предположеніями о формѣ и существѣ послѣднихъ. Въ пользу перваго изъ нихъ, состоящаго въ томъ, что греко-римскіе *Nixi di* представляли собою 3 мужскихъ божества, которыя были изображены раждающими на колѣняхъ, проф. Базинеръ указалъ какъ на аналогіи, съ одной стороны, на древнія мифическія представленія грековъ о Зевсѣ „Лекеатѣ“, какъ мужскомъ божествѣ, „родившемъ“ богиню Аиону и бога Діонисія, а съ другой стороны на весьма распространенный у примитивныхъ народовъ древнихъ и новыхъ временъ и существовавшій, несомнѣнно, вѣкогда и у древне-греческихъ и италійскихъ племенъ обычай такъ называемой „*couvade*“, т. е., „мужскихъ родинъ“, который состоитъ въ томъ, что мужья раждающихъ женщинъ посредствомъ символическихъ дѣйствій словно принимаютъ на себя потуги и страданія этихъ родильницъ. Признавъ это первое предположеніе свое о формѣ и существѣ греко-римскихъ *Nixi di* вполне возможнымъ, лекторъ, однако, указалъ на то, что гораздо болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ это объясненіе, онъ считаетъ другое, на которое его наводятъ: 1) многородное, т. е. двуродное, выраженіе въ замѣткѣ Нонія: „*enihae dicuntur feminae . . . a Nixis, quae religionum genera parientibus praesunt*“; 2) подтверждаемое древними латинскими глоссами, а также Овидіевымъ стихомъ (*Metamorphoseon* l. IX, v. 294) „*Lucinam Nixasque pares clamore vocabam*“ существованіе у римлянъ религіозныхъ представленій о *Nixae*, какъ о женскихъ божествахъ-покровителяхъ родовъ, и въ 3) одна спартанская мраморная группа отъ VI столѣтія до Р. Хр., изображающая одну богиню раждающей на колѣняхъ и поддерживаемой при этомъ актѣ двумя божествами — покровителями родовъ, исполняющими при ней роль божественныхъ „акушеровъ“. Въ виду этихъ трехъ данныхъ проф. Базинеръ считаетъ необходимымъ предполагать, что и капитолійскія изображенія греко-римскихъ *Nixi di* представляли собою группу изъ трехъ фигуръ, среднюю изъ которыхъ являлась раждающая на колѣняхъ богиня родовъ, а боковыми — два мужскихъ божества, покровителя родовъ, исполнявшихъ въ колѣнопреклоненномъ положеніи роль божественныхъ

„акушеровъ”. Доказавъ это предположеніе множествомъ данныхъ, античной мифологіи и античнаго быта, лекторъ затѣмъ перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса о первоначальномъ значеніи всѣхъ раньше разсмотрѣнныхъ имъ, а также другихъ греческихъ и римскихъ божествъ родовъ, значеніи, могущемъ намъ объяснить возникновеніе такихъ художественныхъ культовыхъ изображеній, какъ группа греко-римскихъ *Nixi di* и спартанская группа. При этомъ проф. Базинеръ въ нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ изложилъ свое убѣжденіе, что указанный вопросъ удовлетворительнымъ и убѣдительнымъ образомъ можетъ быть разрѣшенъ только предположеніемъ, что всѣ греческія и римскія, а также другія богини родовъ первоначально представляли собою лунныхъ богинь, т. е. антропоморфическія олицетворенія луны, которой всѣ народы приписывали непосредственное вліяніе на половую жизнь женщинъ вообще, а на женскіе роды въ частности. Это предположеніе свое проф. Базинеръ предполагаетъ обстоятельно изложить и доказать въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Общества.

Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣніями между профессорами Вѣховымъ и Новосадскимъ—съ одной стороны и докладчикомъ—съ другой.

Проф. Вѣховъ, отмѣтивъ выдающійся интересъ доклада О. Базинера, тщательный подборъ матеріала и остроуміе выставленной имъ гипотезы, что группа *Nixi di*, упоминаемая Фестомъ, состояла не исключительно изъ мужскихъ фигуръ, а изъ женской фигуры роженицы (богини) и двухъ мужскихъ, изображавшихъ демоновъ, помогающихъ при родахъ на подобіе известной группы, опубликованной Marx'омъ въ *Mittheilungen d. Athenisch. arch. Inst.* Важность этого предположенія обуславливается тѣмъ, что оно устраняетъ одно изъ наиболѣе существенныхъ возраженій Виссова противъ пониманія группы, какъ изображенія, имѣвшаго культовое значеніе. Однако признать вопросъ окончательно рѣшеннымъ, проф. Вѣховъ не считаетъ возможнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) группа *Nixi di*, упоминаемая Фестомъ, является на римской почвѣ единичнымъ явленіемъ и, кромѣ того, несомнѣнно иноземнаго (греческаго) происхожденія и потому сама по себѣ не даетъ еще права сдѣлать выводъ о существованіи соответственнаго культа въ Римѣ; 2) источникъ сообщенія Феста (и по всей вѣроятности Нонія) Веррій Флаккъ жилъ приблизительно на два вѣка позже постановки въ Капитолійскомъ храмѣ изображенія *Nixi di*, т. е., когда истинный смыслъ этого изображенія и обстоятельства его постановки могли быть

уже забыты, подобно тому, какъ было забыто и истинное его происхожденіе, что видно изъ двухъ версій, сообщаемыхъ Фестомъ, изъ которыхъ одна приурочиваетъ постановку группы къ войнѣ Манія Ацилія Глабріона съ Антиохомъ, т. е. къ 191-му году до Р. Хр., а другая къ покоренію Коринѳа, т. е. къ 146 г. Последнее обстоятельство показываетъ, кромѣ того, что Веррій Флаккъ пользовался въ настоящемъ случаѣ или устнымъ преданіемъ, или письменнымъ источникомъ, сравнительно позднимъ. Такимъ образомъ, не исключена возможность разсматривать слова Феста: „*praesidentes parientium nixibus*” лишь какъ мнѣніе относительно значенія группы *Nixi di*, существовавшее въ средѣ антикваріевъ времени Веррія Флакка. 3) Кромѣ упомянутыхъ мѣстъ Феста и Нонія, восходящихъ, повидимому, къ одному источнику, ни въ литературныхъ, ни въ эпиграфическихъ памятникахъ древности мы не встрѣчаемъ упоминанія о *Nixi di*, что, если предположить существованіе соотвѣтственнаго культа въ древнемъ Римѣ, представлялось бы неестественнымъ. Правда, сопоставляють мѣсто Овидія (*Metam.* IX, 2nd4), гдѣ Алкмена рассказываетъ о рожденіи ею Геракла. Но распространенное въ изданіяхъ чтеніе: *Nixosque patres* представляетъ догадку Меркеля, основанную именно на мѣстѣ Феста, а изъ рукописныхъ чтеній ни чтеніе большинства рукописей—*nixusque pares*, ни *Codex Laurentianus*—*nixasque pares* не позволяютъ ставить это мѣсто Овидія въ непосредственную связь съ свидѣтельствомъ Феста. Особенно слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что, хотя до насъ сохранилось много цитатъ, заимствованныхъ изъ *Indigitamenta*, если не непосредственно, то чрезъ посредство *Antiquitates Var-рона*, и хотя эти цитаты сообщаютъ намъ наименованія множества божествъ, помогающихъ человѣку въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ его жизни отъ зачатія до кончины, и въ томъ числѣ божествъ, содѣйствующихъ благополучному разрѣшенію отъ бремени,—*Nixi di* въ нихъ не упоминаются. 4) Группа *Nixi di* помещалась, по свидѣтельству Феста, *ante cellam Miner-вае*. Отсюда ясно, что если эта группа имѣла культовое значеніе, то последнее должно было стоять въ связи съ культомъ Минервы. Между тѣмъ, хотя основное значеніе Минервы въ римской религіи, какъ покровительницы труда и искусства во всевозможныхъ проявленіяхъ, отъ домашнихъ работъ и ремеслъ до наукъ и художествъ, постепенно расширялось подъ вліяніемъ греческихъ религіозныхъ представленій и въ частности—перенесенія на Минерву чертъ Аѳины-Паллады, но ни у древнихъ писателей, ни въ надписяхъ нѣтъ указаній на существованіе пред-

ставленій о Минервѣ, какъ покровительницѣ при беременности или родахъ.

Приведенныя соображенія, препятствующія признать вопросъ о Nixi di окончательно разрѣшеннымъ О. О. Базинеромъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяютъ и въ дальнѣйшихъ попыткахъ его разрѣшенія игнорировать ту версію, сообщенную Фестомъ, по которой группа Nixi di была найдена въ Коринѣ subiecta mensae, т. е. какъ бы играла роль такъ называемаго теламона.

Проф. Н. И. Новосадскій выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы всѣ богини - покровительницы родовъ были первоначально лунными божествами, и просилъ О. О. Базинера указать черты лунной богини въ Даміи. О. О. Базинеръ сослался на предположеніе Узенера, что имя *Damia* происходитъ отъ корня *di* (*di-fos*, свѣтлый), и на томъ фактѣ, что Дамія и Авксесія встрѣчаются на одной надписи совместно съ божествомъ свѣта Зевсомъ. Проф. Новосадскій возразилъ на это, что предположеніе Узенера только недостаточно мотивированная догадка, а упоминаніе Даміи въ той надписи, которую имѣетъ въ виду г. Базинеръ, едва ли можетъ подтвердить его мнѣніе, потому что тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, Дамія поставлена рядомъ съ Авксесіей; такимъ образомъ, получается два лунныхъ божества, т. е. двѣ луны вмѣстѣ, а это не соответствуетъ естественнымъ представленіямъ о лунѣ. Далѣе проф. Новосадскій отмѣтилъ тотъ фактъ, что Артемида въ древнѣйшей фазѣ развитія этого божества едва ли признавалась покровительницей родовъ, какъ полагаетъ проф. Базинеръ. О. О. Базинеръ, доказывая справедливость своего мнѣнія, указалъ на изображеніе Артемиды, какъ *Artemis locheia* на одной вазѣ VII в. до Р. Хр. Проф. Новосадскій возразилъ, что основныя представленія слѣдуетъ искать въ болѣе отдаленныхъ временахъ развитія греческой религіи, и что признаніе Артемиды покровительницей родовъ на первыхъ же шагахъ развитія типа этого божества требуетъ болѣе тщательной провѣрки и болѣе вѣскихъ доказательствъ. Въ заключеніе проф. Новосадскій указалъ на обиліе матеріала и большой интересъ, возбуждаемый рефератомъ проф. Базинера.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи и дѣятельности Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ за пятый годъ существованія Общества, съ 1-го января по 31 декабря 1905 г.

І. Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества.

Къ 1-му января 1905 г. Общество состояло изъ 20 членовъ-учредителей, 165 дѣйствительныхъ членовъ, одного почетнаго члена и одного члена сотрудника. Въ теченіе года вышло изъ числа членовъ Общества 6 лицъ за смертію и столько же по причинѣ отъѣзда и т. п. Такимъ образомъ, въ настоящее время Общество состоитъ изъ 19-ти членовъ-учредителей, 154 дѣйствительныхъ членовъ, одного почетнаго члена и одного члена - сотрудника.

Общество слагается изъ двухъ отдѣленій: историко-филологическихъ наукъ и наукъ юридическихъ.

Изъ числа проживающихъ въ Варшавѣ членовъ Общества нѣкоторые по избранію входятъ въ составъ Бюро и Совѣта Общества и завѣдываютъ текущими дѣлами и имуществомъ его.

Бюро Общества въ истекшемъ отчетномъ году состояло изъ слѣдующихъ должностныхъ лицъ, избранныхъ въ общихъ собраніяхъ 2 февраля 1903 г., 1 февраля 1904 г. и 2 октября 1905 г.: председателя Н. Н. Любовича, товарища председателя Ө. К. Горбъ-Ромашкевича, казначея О. Ө. Базинера, секретаря Г. В. Демченка и бібліотекаря С. И. Вѣхова. Председателемъ отдѣленія историко - филологическихъ наукъ состоялъ Е. Ө. Карскій, секретаремъ В. В. Власовъ; въ отдѣленіи юридическихъ наукъ председательствовалъ Ө. Ө. Зигель, при секретарѣ Е. В. Спекторскомъ.

Въ составъ Совѣта Общества, которому принадлежитъ завѣдываніе текущими дѣлами, входили по должности: председатель, товарищъ председателя, председатели обоихъ отдѣленій Общества и секретарь его; кромѣ того, по особому избранію: отъ отдѣленія историко - филологическихъ наукъ А. П. Косминскій, отъ отдѣленія юридическихъ наукъ А. К. Сарандо.

Редакторомъ „Записокъ” Общества состоялъ Н. И. Новосадскій. Въ составъ ревизіонной коммисіи вошли по избранію: Э. С. Вехтерштейнъ, И. И. Замотиянъ и Н. С. Эймонть.

II. Свѣдѣнія о состояніи библіотеки, имущества и денежных средств Общества.

Въ библіотекѣ Общества къ 1-му января 1905 г. состояло книгъ и періодическихъ изданій: 160 названій въ 860 томахъ. Въ 1905 г. поступило: а) книгъ — 12 названій въ 13 томахъ, б) продолженій періодическихъ изданій — 23 назв. въ 48 т., в) новыхъ періодическихъ изданій — 6 назв. въ 12 т. Всего поступило вновь 18 названій въ 73 т. Такимъ образомъ, къ 1-му января 1906 г. въ библіотекѣ Общества состоитъ 178 названій въ 933 томахъ.

Что касается изданій Общества, то на храненіи въ библіотекѣ находится: а) 1-го вып. „Записокъ” Общества—92 экз., б) 2-го в. „Записокъ”—100 экз., в) 3-го в. „Записокъ”—100 экз.

Движеніе суммъ Общества выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Къ 1-му января 1905 г. состояло въ остаткѣ	1098 р. 47½ к.
Въ 1905 г. поступило	439 р. 25 к.

Всего въ приходѣ къ 1-му января 1906 г.	1537 р. 72½ к.
Израсходовано въ 1905 г.	49 р. 69 к.

Такимъ образомъ, къ 1-му января 1906 г. въ кассѣ Общества состоитъ 1488 р. 3½ к., изъ коихъ 1387 р. 52 к. хранятся въ Государственной Сберегательной Кассѣ по книжкамъ за №№ 143203 и 2348 (по книжкѣ за № 143203 состоитъ 434 р. 79 к., по книжкѣ за № 2348 состоитъ: въ 4% госуд. рентѣ за номерами сер. 57, 113, 165, 165 и 214—447 р. 52 к., номинальная стоимость ренты 500 р.; въ облигаціяхъ втор. 5% госуд. займа 1905 г. за номерами 127302—6 всего 505 р. 21 к., номинальная стоимость облигацій 500 р.) и 100 р. 51½ к. остается на рукахъ у казначея, секретаря и библіотекаря Общества.

III. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Въ теченіе 1905 г. Общество собиралось два раза для выслушанія рѣчей и рефератовъ: въ годичномъ собраніи произнесъ рѣчь Н. А. Дубровский на тему: „Итальянская школа и педагогическія теоріи въ эпоху гуманизма” и въ отдѣленіи историко-филологическихъ наукъ сдѣлалъ докладъ О. Θ. Вазинеръ на тему „Nixi di и другія античныя божества родовъ”. Кромѣ того, для разрѣшенія текущихъ дѣлъ было собрано годичное распоряди-

тельное собраніе и четыре засѣданія имѣлъ Совѣтъ Общества. Такимъ образомъ, въ 1905 г. всего было 7 засѣданій. По сравненію съ прежними годами жизни Общества минувшій годъ во всѣхъ отношеніяхъ представляется весьма печальнымъ. Дѣятельность Общества, еще недавно столь кипучая и плодотворная, почти совершенно замерла. Несомнѣнно, это было обусловлено внѣшними обстоятельствами: съ одной стороны, вся мѣстная жизнь протекала въ 1905 г. крайне бурно, постоянно волнуемая политическими событіями величайшей важности, которыя отвлекали членовъ Общества отъ спокойной научной работы, съ другой стороны, благодаря университетскимъ волненіямъ, повлекшимъ за собой закрытіе Варшавскаго Университета, Общество въ теченіе трехъ четвертей года не могло собираться, т. е. было, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, лишено возможности пользоваться университетскими помѣщеніями.

XVII. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

8-го ноября 1908 г.

Въ засѣданіи, подъ предѣтельствомъ Е. О. Карскаго, присутствовали 8 членовъ Общества.

Были заслушаны доклады: 1) *В. А. Фляксбергера* на тему: „Современное положеніе философіи Канта“.

Докладчикъ указалъ сначала на важнѣйшія современные сочиненія, касающіяся біографіи Канта, а также на сочиненія по Кантовой библіографіи и на исключительное явленіе въ исторіи новой философіи—на возникновеніе такъ называемой канто-филологіи, т. е. науки, главной задачей которой является интерпретація сочиненій Канта на основаніи точнаго соблюденія правилъ филологической критики. Далѣе докладчикъ перешелъ къ характеристикѣ современнаго кантіанскаго движенія, къ которому онъ относитъ не только мнѣнія послѣдователей Канта, но и вообще всѣ тѣ мнѣнія, кои признають необходимымъ считаться съ Кантомъ, и защитники коихъ полагають, что даже заблужденія Канта весьма поучительны. Къ кантіанскому же движенію докладчикъ относитъ слѣдующія явленія современной философской мысли: ученіе марбургской школы во главѣ съ Когеномъ, возстановившей значеніе Канта, какъ основателя критическаго метода; ученіе Виндельбанда, Риккерта и др., настаивающихъ на развитіи теоріи познанія Канта въ духѣ Фихте, слѣдовательно, въ духѣ телеологическаго или нормативнаго ея толкованія; ученіе школы

имманентной философіи во главѣ съ Шуппе, Ремке, Шуберт-Зольдерномъ и др.; ученіе школы эмпириомонизма или эмпирикритицизма, во главѣ съ Авенариусомъ, Махомъ и др.; ученіе школы индуктивной метафизики, во главѣ съ Вундтомъ; наконецъ, ученіе школы мистическаго эмпиризма и оккультизма.

Въ заключеніе докладчикъ далъ характеристику вліянія критической философіи на науки не философскаго характера — на математику, на естествознаніе и, наконецъ, на социологію и исторію.

По содержанію этого доклада были сдѣланы замѣчанія Е. В. Спекторскимъ и Е. А. Бобровымъ.

2) Докладъ *Е. А. Боброва*: „Нѣсколько словъ къ исторіи сюжета „Мертвыя Души“ Н. В. Гоголя“. Краткое резюме доклада слѣдующее:

Съ половины XVIII в., со времени „Сентиментальнаго Путешествія“ англичанина Лаврентія Стерна, перваго представителя „юмора“, вошла въ Западной Европѣ въ большую моду новая литературная форма — „путешествія“. Эта мода держалась почти до половины XIX вѣка, вплоть до Гейне и Диккенса, еще прибѣгавшихъ къ этой формѣ изложенія. И у насъ, въ Россіи форма „путешествія“ привилась рано, вмѣстѣ съ появленіемъ у насъ направленія сентиментализма въ лицѣ Радищева и Карамзина. Къ этому же роду „путешествій“ надо отнести и „Мертвыя Души“ Гоголя, на что до сихъ поръ еще не обращали вниманія. „Мертвыя Души“ представляютъ собой именно описаніе путешествія или поѣздки — съ лирическими замѣчаніями автора по поводу приключеній героя, или чего-либо встрѣченнаго имъ.

Анализируя самый сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“, мы находимъ, что онъ распадается на двѣ части: первая часть — это путешествие, какъ таковое, и вторая — „пріобрѣтательскій“ замыселъ, ради котораго Чичиковъ и предпринимаетъ свои поѣздки.

Начало работъ Гоголя надъ „Мертвыми Душами“ исследователи относятъ къ 1835 году. По признанію самого Гоголя, сюжетъ ихъ далъ ему Пушкинъ, желая тѣмъ побудить Гоголя къ созданію большого произведенія, достойнаго его таланта. Пушкинъ самъ хотѣлъ разработать этотъ сюжетъ — вѣроятно, въ видѣ забавнаго, веселаго разсказа. Уступилъ ли Пушкинъ Гоголю свой сюжетъ добровольно, или же Гоголь, случайно услышавъ сообщеніе объ анекдотѣ изъ устъ Пушкина, упрямилъ его въ обработкѣ, остается нѣсколько неяснымъ. И Гоголь сначала формировалъ путешествіе героя „Мертвыхъ Душъ“ въ видѣ забавнаго и смѣшнаго разсказа; глубокой смыслъ произве-

денія выяснился для самого автора значительно позднѣе. Тогда „Мертвыя Души” стали для Гоголя главнымъ дѣломъ его жизни, надъ которымъ онъ и проработалъ послѣднія семнадцать лѣтъ вплоть до самой смерти.

Первая часть сюжета „Мертвыхъ Душъ” сводится къ путевымъ запискамъ самого Гоголя о его путешествіи 1835 года, и Пушкинъ, указывая ему на предметъ для обработки, имѣлъ уже въ виду эти записки Гоголя; стало быть, то, что передалъ Гоголю Пушкинъ, есть только вторая часть сюжета, т. е. самый мошенническій замыселъ скупить на предметъ заклада въ Опекунскомъ Совѣтѣ мертвыя души, еще пока не исключенныя до новой переписи изъ ревизскихъ сказокъ.

Тутъ является вопросъ, откуда же самъ то Пушкинъ могъ располагать этимъ сюжетомъ или этой частью общаго сюжета, самымъ анекдотомъ о сказанной скупкѣ мертвыхъ душъ и о цѣли такой скупки, изобрѣлъ ли онъ его самъ, или слышалъ отъ кого-либо другого.

По мало достовѣрнымъ сообщеніямъ родственниковъ Пушкина, онъ самъ наблюдалъ такую плутню, имѣвшую мѣсто гдѣ-то неподалеку отъ села Михайловскаго, когда въ немъ проживалъ поэтъ. Но въ общемъ надо замѣтить, что Пушкинъ сравнительно мало зналъ жизнь русскихъ провинціальныхъ захолустій, гдѣ могла имѣть мѣсто продѣлка со скупкой мертвыхъ душъ. Всего вѣроятнѣе, что подобная продѣлка могла возникнуть въ умѣ лица заинтересованнаго, т. е. какого-либо плута, а не поэта. Затѣмъ, даже для николаевскихъ временъ продѣлка, приписанная Чичикову, была, вѣроятно, единичною, и рассказъ о ней не могъ быть ходячимъ. Скорѣе можно предположить, что о такой рѣдкостной и никому или мало кому извѣстной продѣлкѣ могло быть извѣстно лицу, долго служившему въ провинціи и сталкивавшемуся часто съ крючкотворскими и приказными штучками и измышлениями. Не слышалъ ли Пушкинъ о замыслѣ скупать мертвыя души отъ кого-либо изъ своихъ пріятелей-провинціаловъ? Не было ли среди друзей Пушкина человѣка, хорошо знавшаго нравы и обычаи тогдашней русской провинціи со всею ея темными сторонами? Такой человѣкъ имѣлся, а именно—это былъ очень близкій Пушкину В. И. Даль, большой знатокъ провинціального русскаго быта, благодаря своей наблюдательности и службѣ то въ видѣ морскаго офицера, то врача, то удѣльнаго чиновника. Поучительность рассказовъ Даля для себя признавалъ самъ Гоголь, ставившій по таланту Даля выше всехъ со-временныхъ ему бытописателей (кромѣ Сологуба). Многочисленные

бчерки и рассказы Даля нестрять сообщеніями о разныхъ рѣд-
костныхъ и изумительныхъ ухищреніяхъ и плутняхъ, не уступа-
ющихъ подчасъ выдумкѣ Чичикова.

Анекдотъ о мошеннической скупкѣ мертвыхъ душъ Пуш-
кинъ могъ получить именно отъ Даля. Въ романѣ послѣдняго
„Вакхъ Сидоровичъ Чайкинъ” какъ разъ имѣется этотъ анекдотъ,
переданный мимоходомъ и нѣсколькими строками. Необходимо
установить соотношеніе между сюжетомъ, переданнымъ Пушקי-
нымъ Гоголю въ 1835 г., и анекдотомъ, приведеннымъ у Даля.

Первое знакомство Пушкина съ Далемъ произошло за пол-
тора года передъ тѣмъ, въ 1833 г. въ Оренбургѣ, гдѣ тогда Даль
служилъ, и куда Пушкинъ пріѣхалъ собирать матеріалы для исто-
ріи Пугачевского бунта. Даль тогда снабдилъ Пушкина многими
матеріалами для этой „исторіи”, а наряду съ тѣмъ, вѣроятно,
разсказалъ поэту курьеза ради выдумку неизвѣстнаго для насъ
проходимца, послужившаго прототиномъ Чичикову. Анекдотъ по-
нравился Пушкину, который запомнилъ его, имѣя въ виду лите-
ратурно его обработать.

Самъ Даль не предвидѣлъ, что можно сдѣлать изъ этого
сюжета; Пушкинъ понималъ, что изъ него выйдетъ цѣлое лите-
ратурное произведеніе, Гоголь же сдѣлалъ изъ него безсмертную
эпопею, какая не была по силамъ ни Далю, ни даже Пушкину,
который самъ въ этомъ признался Гоголю. Былъ ли Гоголь по-
священъ въ то, что свой анекдотъ Пушкинъ услышалъ отъ Даля,
неизвѣстно, но довольно вѣроятно.

Въ заключеніе надобно признать, что, хотя сюжетъ „Мерт-
выхъ душъ” Гоголемъ былъ позаимствованъ, но это, конечно,
ничуть не умаляетъ оригинальности Гоголева творенія и не ума-
ляетъ несравненной геніальности безсмертнаго писателя въ глав-
номъ его произведеніи „Мертвыя души”, оказавшемъ, несомнѣнно,
громадное воспитательное значеніе въ облагораживающемъ смы-
слѣ на все русское общество.

Возраженія по этому докладу сдѣланы были А. П. Космин-
скимъ.

XVIII. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

5-го декабря 1908 года.

Въ засѣданіи, подъ предѣлательствомъ О. О. Зигеля, Е. В.
Спекторскій прочелъ докладъ: „Эргардъ Вейгель, учитель Пуф-
фендорфа и Лейбница”.

Хотя раціоналістів XVII вѣка часто считаютъ безплодными и ненаучными схоластиками, однако они преслѣдовали строго научную и позитивную задачу. Они стремились построить раціональную механику физическаго міра, раціональную механику духовнаго міра и, наконецъ, раціональную механику міра какъ единого цѣлаго. Однимъ изъ раціоналістовъ XVII вѣка, такъ именно понимавшимъ свою задачу, и былъ забытый нынѣ іенскій математикъ Эдуардъ Вейгель. Сообщивъ его біографію, докладчикъ отмѣтилъ слѣдующія стороны ученія Вейгеля, могущія, по его мнѣнію, представить не только историческій, но и принципиальный интересъ: теорію реального силлогизма, взглядъ на уголовное возмездіе какъ на своего рода математическое уравненіе, математическую постановку проблемы цѣнности, ученіе о т. н. моральныхъ вещахъ и лицахъ и, наконецъ, попытку свести къ математикѣ этику долженствованія. Въ заключеніе докладчикъ отмѣтилъ вліяніе Вейгеля на юридическія теоріи Пуффендорфа, на философскія и математическія воззрѣнія Лейбница и высказалъ предположеніе о вліяніи его книги *Analysis Aristotelica ex Euclide restituta* на „Этику” Спинозы.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи и дѣятельности Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ

съ 1906 г. по 1 января 1909 года.

Закрытіе университета въ 1905 г. не могло не отразиться крайне неблагопріятнымъ образомъ на дѣятельности Общества. Внѣшнія, а также разныя внутреннія причины препятствовали правильному ходу его занятій, и ученныя засѣданія Общества могли лишь очень рѣдко собираться:

I. Сводныя о личномъ составѣ Общества.

Число членовъ Общества значительно уменьшилось вслѣдствіе отъѣзда изъ Варшавы многихъ изъ нихъ, а также перехода на службу въ другіе города. Сверхъ того, нѣсколько членовъ было изъ состава Общества за смертію (О. К. Горбъ-Ромашкевичъ, И. А. Крыловъ, П. В. Болотниковъ). Новыхъ членовъ поступило 3. Что касается членовъ бюро Общества, то ихъ выбыло за указанный періодъ нѣсколько. Товарищъ предсѣдателя Общества

Ө. К. Горбь-Ромашкевичь скончался 2 ноября 1907 г. Секретарь Общества Г. В. Демченко за переходомъ на кафедру въ Кіевскій университетъ отказался отъ этой должности 31-го октября 1908 г. Казначей О. Ө. Базинеръ вслѣдствіе тяжелой болѣзни вышелъ въ отставку, и его обязанности, по просьбѣ Совѣта Общества, принялъ на себя временно членъ Совѣта А. П. Косминскій. Редакторъ изданій Общества Н. И. Новосадскій вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву. Секретарь отдѣленія историко-филологическихъ наукъ В. В. Власовъ за переходомъ на службу въ Ченстоховъ сложилъ съ себя эти обязанности. Наконецъ, членъ Совѣта Общества отъ отдѣленія юридическихъ наукъ А. К. Сарандо перешелъ на службу въ Петербургъ. Пополненіе бюро путемъ въборовъ новыхъ лицъ не могло происходить за невозможностью созвать требуемое для этого уставомъ (§ 25, п. I) собраніе Общества. Тѣмъ временемъ истекли полномочія и прочихъ членовъ бюро. Такимъ образомъ, въ настоящемъ годичномъ собраніи предстоитъ избрать весь составъ бюро Общества.

II. Свѣдѣнія о состояніи библіотеки, имущества и денежныхъ средствъ Общества.

Въ библіотекѣ Общества къ 1-му января 1906 года состояло книгъ и періодическихъ изданій: 178 названій въ 933 томахъ. По 1 января 1909 года поступило: а) книгъ и періодическихъ изданій — 26 названій въ 69 томахъ и тетрадахъ; б) продо. женій періодическихъ изданій 28 названій въ 177 томахъ и тетрадахъ. Такимъ образомъ, въ библі-текѣ Общества къ 1 января 1909 г. имѣется 204 названія книгъ и періодическихъ изданій въ 1179 томахъ и тетрадахъ.

Что касается денежныхъ средствъ Общества, то къ 12 марта 1906 года, т. е. ко дню послѣдней ревизіи, оставалось 1467 руб. 84½ коп. По 1 января 1909 года поступило — 174 руб. 93 коп. Итого къ 1 января 1909 года было 1642 руб. 77½ коп. Израсходовано по 1 января 1909 года — 246 руб. 66 коп. Итого въ остаткѣ по 1 января 1909 года числится 1396 руб. 11½ коп. Изъ этой суммы находится на храненіи въ Государственной Сберегательной кассѣ въ процентныхъ бумагахъ 952 руб. 73 коп. (по номинальной стоимости 1000 рублей); наличными въ той же кассѣ 401 рубль 2 коп. и на рукахъ у казначея Общества 42 рубля 36½ коп.

III. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Въ 1906 году было всего лишь одно засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія, а именно 2 февраля, на которомъ В. А. Францевъ сдѣлалъ докладъ: „Славянскій сѣздъ въ Прагѣ въ 1848 году”. Сверхъ того, въ распорядительномъ собраніи общества 28 января того же года обсуждался присланный Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ проектъ объ охранѣ памятниковъ старины. Соображенія Общества были затѣмъ препровождены въ Министерство Внутр. Дѣлъ. Въ томъ же году Общество командировало В. А. Францева, въ качествѣ своего депутата, въ Москву на Предварительный сѣздъ по устоявшему археологическаго конгресса въ Черниговѣ. Послѣ долгаго перерыва въ ученыхъ засѣданіяхъ Общества они возобновились 8 января 1908 года. Въ засѣданіи историко-филологическаго отдѣленія, состоявшемся въ этотъ день, были сдѣланы доклады: В. А. Фляксберггеромъ: „Современное положеніе философіи Канта” и Е. А. Бобровымъ: „Нѣсколько словъ къ исторіи сюжета „Мертвыхъ Душъ” Гоголя”. 5 декабря, въ засѣданіи юридическаго отдѣленія, Е. В. Спекторскимъ былъ сдѣланъ докладъ: „Эргардъ Вейгель, учитель Пуффендорфа и Лейбница”.

За отчетное время состоялось, кромѣ того, 4 распорядительныхъ засѣданія и 5 засѣданій Совѣта Общества.

Возобновленіе правильнаго теченія академической жизни въ университетѣ дастъ полное основаніе Обществу надѣяться, что, при дѣятельномъ содѣйствіи всѣхъ своихъ членовъ, научная работа его пойдетъ такъ же оживленно, какъ и до 1905 года. Въ настоящее время Общество предполагаетъ заняться изданіемъ 4-го выпуска своихъ „Записокъ”. Имѣется также въ виду устройство въ скоромъ времени чтенія публичныхъ лекцій.

XIX. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

31 января 1909 года.

Въ засѣданіи, подѣ председательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовали 10 членовъ Общества.

Были заслушаны доклады: 1) *Н. Н. Любовича*: „Международный историческій конгрессъ въ Берлинѣ въ 1908 году”, и 2) *Н. В. Юзефовича*: „Разсказъ Тургенева „Живыя мощи” и „Le lépreux de la cité d'Aoste” графа Xavier de Maistre”.

Оба доклада напечатаны: 1) въ „Запискахъ” Общества, 2) въ „Русск. Филолог. Вѣстникъ”.

XX. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

2 февраля 1909 года.

Въ засѣданіи, подъ предѣдательствомъ О. О. Зигеля, присутствовали 11 членовъ Общества.

И. Н. Трещининъ сдѣлалъ докладъ на тему: „Авторское право”.

По поводу законопроекта объ авторскомъ правѣ, внесеннаго Министерствомъ Юстиціи въ Госуд. Думу, докладчикъ отмѣтилъ почти одновременное оживленіе того же вопроса и на западѣ Европы, имѣя въ виду 2-ю Берлинскую конференцію, которая пересматривала постановленія Бернской Литерат. Конвенціи 1886 г. Но кромѣ этого новѣйшаго матеріала для сравнительной оцѣнки нашего законопроекта, докладчикъ счелъ нужнымъ дать общій очеркъ авторскаго права въ его историческомъ развитіи и въ современной постановкѣ въ различныхъ государствахъ Европы. Начавъ исторію авт. права съ изобрѣтенія книгопечатанія, докладчикъ констатировалъ всюду однѣ и тѣ же фазы въ развитіи этого правового института: сначала — привилегіи и чаще въ пользу издателей, чѣмъ авторовъ, и только впоследствии — общее и принципиальное признаніе авторскаго права самого по себѣ; при этомъ всюду авторское право является срочнымъ (кромѣ Гватемалы, Венецуэлы и Мексики), но сроки съ теченіемъ времени постоянно удлиняются.

Въ такомъ видѣ авторское право съ его защитой и охраной сначала примѣнялось каждымъ законодательствомъ только къ своимъ подданнымъ. Но въ послѣднее время защита постепенно, все больше и больше распространяется и на авторовъ-иностранцевъ. По этому поводу, начиная съ 1840 г. заключается цѣлый рядъ литературныхъ конвенцій между отдѣльными государствами. Однако так. обр. установилась крайняя пестрота въ нормахъ объ авторскомъ правѣ. Значительное объединеніе внесла сюда Бернская конвенція 1886 года, къ которой примкнули все культурнѣйшія государства стараго и новаго свѣта. Здѣсь иностранцы охраняются уже не только отъ прямой перепечатки ихъ произведеній, но и отъ самовольныхъ переводовъ на иностр. языки. Россія къ этой конвенціи не примкнула и до сихъ поръ. Указавши, так. обр., какъ рѣшаются на Западѣ три основныя вопроса авт. права: кто, отъ

чего и какъ долго защищается, докладчикъ обратился къ разсмотрѣнію законопроекта Минист. Юстиціи и отмѣтилъ его сравнительную отсталость не только по отношенію къ иностранцамъ, но даже и къ своимъ подданнымъ: право на переводы лишь частично вводится въ составъ авт. права. Но еще болѣе консервативными оказываются, по мнѣнію докладчика, пожеланія Петерб. Литерат. Общества. Въ заключеніе докладчикъ выставилъ слѣд. тезисы: Россія должна примкнуть къ Бернской конвенціи. Иностранцы должны быть одинаково защищаемы, независимо отъ мѣста изданія ихъ сочиненій. Право на переводы должно быть включено въ составъ автор. права. Охрана автор. права должна быть вѣчной. Докладчикъ проводилъ ту мысль, что указанные тезисы соотвѣтствуютъ и исторической тенденціи въ развитіи авторск. права, и основнымъ принципамъ современной правовой жизни.

По окончаніи доклада *И. Я. Софійскій* замѣтилъ, что съ авторскимъ правомъ тѣсно связано право собственности на промышленныя изобрѣтенія, и что поэтому напрасно эти два института не были соединены вмѣстѣ въ думскомъ законопроектѣ. *С. И. Выховъ* замѣтилъ, что предлагаемое референтомъ заключеніе литературной конвенціи съ иностранными государствами можетъ принести вредъ интересамъ просвѣщенія и культуры въ Россіи. То обстоятельство, что произведенія иностранныхъ авторовъ переводятся на русскій языкъ безъ вознагражденія авторовъ, вполнѣ возмѣщается тѣмъ, что на такихъ же основаніяхъ переводятъ на иностранные языки Тургенева, Толстого и другихъ авторовъ. *И. Н. Тренциминъ* возразилъ, что, хотя такой взглядъ очень распространенъ въ русскомъ обществѣ и нашелъ поддержку въ дѣйствующемъ законодательствѣ, однако съ нимъ необходимо порвать. Благодаря конкуренціи между издателями, которые торопятся какъ можно скорѣе выпустить на русскій рынокъ ту или иную иностранную книгу, качество переводовъ все болѣе и болѣе понижается. Благодаря дешевизнѣ они не только распространяются и тѣмъ приносятъ нерѣдко вредъ русскому просвѣщенію, но еще и вытѣсняютъ книги русскихъ авторовъ. О равномѣрномъ возмѣщеніи убытковъ отъ отсутствія конвенціи нельзя говорить потому, что нѣкоторые русскіе авторы догадались печатать свои произведенія, кромѣ Россіи, также и въ какомъ нибудь иностранномъ государствѣ на русскомъ же языкѣ и тѣмъ обезпечиваютъ себѣ авторскія права за границею. *С. И. Выховъ* замѣтилъ, что никто не мѣшаетъ и иностраннымъ авторамъ печатать въ Россіи особое изданіе своихъ книгъ. *Н. Н. Любавичъ*, соглашаясь принципиально съ докладчикомъ, отказался признать

вмѣстѣ съ нимъ, что въ XVI вѣкѣ авторскій трудъ не вознаграждался и писатели бѣдствовали. Этого никакъ нельзя сказать про такихъ гуманистовъ, какъ Эразмъ Роттердамскій или Рейхлинъ. Крупные книготорговцы были вмѣстѣ съ тѣмъ и меценатами. И какъ можно судить по отчетамъ франкфуртскихъ ярмарокъ того времени, книжная торговля не оставляла въ убытокъ также и авторовъ. *Е. О. Карскій* замѣтилъ, что нельзя, какъ это дѣлаетъ докладчикъ, приравнивать авторское право къ всякому другому праву собственности, напримѣръ, на землю, и вслѣдствіе этого не ограничивать его никакими сроками, признать его вѣчнымъ. Въ созданіи литературныхъ цѣнностей участвуетъ, кромѣ автора, также и все общество. *И. Н. Трепичинъ* возразилъ, что каково бы ни было вліяніе эпохи или общества на авторовъ, всетаки именно они пишутъ свои произведенія въ силу личнаго дара или таланта. Въ заключеніе, онъ повторилъ, что хотя его взглядъ и расходится съ господствующимъ въ Россіи онъ продолжаетъ настаивать на немъ. Необходимость защиты авторскаго права вызывается требованіями справедливости, цѣлесообразности, а также общимъ историческимъ развитіемъ этого института.

XXI. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

2 октября 1909 года.

Въ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ *Е. О. Карскаго*, присутствовали 10 членовъ Общества.

Были заслушаны два доклада:

- 1) *И. И. Замотина*: „А. В. Кольцовъ и русскіе модернисты”.
- 2) *В. А. Францева*: „А. В. Кольцовъ въ чешской литературѣ”.

Оба доклада напечатаны въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ”.

XXII. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

21 ноября 1909 года.

Въ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ *О. О. Зигеля*, присутствовали 7 членовъ Общества.

Е. В. Спекторскій произнесъ рѣчь, посвященную памяти проф. *В. Н. Александренко*.

Проф. *Александренко* былъ историкъ по призванію, не историкъ синтетическаго типа, который занимается обобщеніями по

поводу имѣющихся уже и извѣстныхъ фактовъ, а историкъ аналитическаго типа, который умѣетъ искать и находить новые факты. Онъ въ высокой степени обладалъ качествами архивнаго изслѣдователя. Эти качества вполне гармонировали какъ съ полученною имъ школою, такъ и съ предметомъ, по которому онъ въ теченіе 21 года занималъ кафедру въ Варшавскомъ университетѣ. Въ лицѣ своего учителя А. Д. Градовскаго онъ имѣлъ живой примѣръ государствовѣда-историка. Международное право, которое онъ читалъ, какъ самая юная отрасль правовѣдѣнія, находится еще въ той стадіи, когда праву предшествуетъ фактъ, когда юристъ не отъ нормы нисходитъ къ факту, а, напротивъ, отъ фактовъ восходитъ къ нормамъ и интересуется прецедентами больше, чѣмъ отвлеченными конструкціями. Такъ какъ и теорія исторіи, какъ видно изъ ученій Виндельбанда и Риккерта, и практика историческихъ изслѣдованій все болѣе и болѣе возвращаются отъ увлеченія абстрактными схемами и обобщеніями къ изученію конкретныхъ фактовъ, то призваніе покойнаго какъ нельзя лучше гармонировало съ научными задачами современности. Въ своей работѣ объ „Англійскомъ тайномъ совѣтѣ и его исторіи“ онъ одинъ изъ первыхъ дерзнулъ усомниться въ непоколебимомъ еще тогда авторитетѣ Гнейста и противопоставить его эрудиціи архивные первоисточники. Кромѣ пятидесяти съ лишнимъ сравнительно мелкихъ изслѣдованій, онъ изучилъ и издалъ реляціи кн. А. Д. Кантемира, написалъ обширную двухтомную монографію „Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ“, издалъ собраніе важнѣйшихъ трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, начиная съ 1774 г. и вплоть до нашей современности. Но наибольшую цѣнность должно было представить предпринятое имъ изслѣдованіе дипломатической исторіи Смутаго времени, а также тѣхъ относящихся къ этой эпохѣ неизвѣстныхъ документовъ, которые ему удалось найти въ восточной Пруссіи. Смерть застала его въ разгарѣ именно этой работы.

Затѣмъ Н. С. Эйсмонтъ прочелъ докладъ: „По поводу проекта реформы мѣстнаго суда“. Докладчикъ отмѣтилъ слѣдующіе недостатки проекта: требованіе, чтобы мировой судья, кромѣ умственнаго, нравственнаго и имущественнаго ценза, непременно принадлежалъ къ жителямъ той мѣстности, гдѣ онъ избирается; требованіе постоянныхъ выѣздовъ судьи для разбора дѣлъ на мѣстѣ ихъ возникновенія; требованіе, чтобы судья производилъ разысканія о существованіи мѣстныхъ обычаевъ; чрезмѣрное расширеніе его компетенціи; увеличеніе судебной волокиты благода-

ря допущенію апелляціи по искамъ до 30 руб. въ гражданскомъ процессѣ и установленію особой процедуры по отзывамъ на заочные приговоры въ процессѣ уголовномъ. Положительныя стороны проекта слѣдующія: недопущеніе отзывовъ на заочныя рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ въ томъ случаѣ, когда повѣстка о вызовѣ въ судъ была вручена отвѣтчику лично; отсрѣчка исполненія приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ при присужденіи къ тюрьмѣ или аресту; охрана имущества арестованнаго обвиняемаго и попеченіе о его малыхъ дѣтяхъ. Предположеніе проекта о судебныхъ приказахъ и неотложномъ разбирательствѣ были вполне правильно отклонены думскою комиссіею. Признавая проектъ непріемлемымъ въ отношеніи подсудности дѣлъ мировымъ судьямъ и нѣкоторыхъ деталей гражданского и уголовного процесса, Н. С. Эйсмонтъ привѣтствовалъ возстановленіе института мировыхъ судей по уставамъ 20 ноября 1864 года.

Докладъ вызвалъ обмѣнъ мнѣній.

И. Н. Тренцицкій вполне присоединился къ отрицательному взгляду докладчика на рѣшеніе дѣлъ по обычаю. Въ меньшей степени правъ докладчикъ, когда онъ, повидимому, относится пренебрежительно къ тенденціи проекта замѣнить состязательность процесса активностью судьи. При отсутствіи обязательной адвокатуры и слабомъ развитіи юридическихъ знаній въ населеніи состязательный процессъ не отвѣчаетъ тѣмъ побужденіямъ, которыя приводятъ стороны въ судъ. Наконецъ, докладчикъ напрасно обошелъ вопросы о выборномъ или назначаемомъ судѣ, о судѣ единоличномъ или коллегіальномъ, а также о томъ, слѣдуетъ ли упразднить волостной судъ.

И. Я. Софійскій замѣтилъ, что судѣ необходимо войти въ бытовую сферу населенія, и что поэтому никакъ нельзя совѣмъ отказаться отъ обычнаго права. Докладчикъ напрасно предполагаетъ, что порученіе судѣ разбирать дѣла до 1000 р. чрезмерно обременить его: вѣдь и теперь судѣ приходится имѣть дѣла и свыше 1000 рублей, именно при возстановленіи нарушеннаго владѣнія.

Н. С. Эйсмонтъ возразилъ, что въ указанныхъ случаяхъ судья не разсматриваетъ документовъ. Между тѣмъ по проекту ему придется рѣшать дѣла по существу. И это приведетъ къ тому, что, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западнаго края судѣ придется изучать акты XVI и болѣе раннихъ вѣковъ.

И. Я. Мартыновъ, вполне соглашаясь съ докладчикомъ, что проектируемые постоянные разъѣзды судьи обременять послѣдняго, настаивалъ на ихъ пользѣ для населенія. Благодаря разъ-

ѣздамъ маловажныя гражданскія дѣла не будутъ уже впредь рѣшаться въ первой инстанціи заочно.

XXIII. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

25 ноября 1909 года.

Въ засѣданіи, подъ предѣдательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовали 10 членовъ Общества.

Былъ заслушанъ докладъ профессора *И. П. Козловскаго*: „Св. Димитрій Ростовскій и его время“. Программа доклада слѣдующая:

Біографія Данила Туптала (впослѣдствіи митрополита Димитрія). Его церковно-учительская дѣятельность въ Малороссіи. Культурные вопросы въ Московскомъ государствѣ въ XVII вѣкѣ и отношеніе къ нимъ Малороссіи вообще и игумена Димитрія въ частности. Патріархи Іоакимъ и Адріанъ въ ихъ отношеніяхъ къ ученымъ трудамъ игумена Димитрія. Царь Петръ и перемѣны въ судьбѣ малороссійскихъ ученыхъ въ Москвѣ. Димитрій митрополитъ Сибирскій, а затѣмъ Ростовскій. Отношеніе митрополита Димитрія къ современной ему эпохѣ: сочувствіе реформамъ и порицаніе отступленій отъ освященныхъ преданіемъ обычаевъ. Просвѣтительная и проповѣдническая дѣятельность митрополита Димитрія. Матеріальныя невзгоды епархіи и самого митрополита. Характеристика его личности и дѣятельности вообще. („Онъ былъ одною изъ тѣхъ яркихъ личностей, которыя даютъ тонъ и направленіе цѣлой эпохѣ, руководятъ партіями, задерживаютъ или ускоряютъ ходъ историческихъ событій. Онъ былъ однимъ изъ мало замѣтныхъ, но необходимыхъ звеньевъ той цѣпи, которая тогда связывала царя-преобразователя съ его народомъ“).

XXIV. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

29-го ноября 1909 г.

Въ засѣданіи, подъ предѣдательствомъ О. О. Зигеля, присутствовали 10 членовъ Общества.

О. О. Зигель сдѣлалъ докладъ: „О вліяніи Дарвина на обществовѣдѣніе“.

Докладчикъ ограничился одною англо-американскою и французскою литературой. Прежде всего онъ остановился на Бэджд-

готѣ, которымъ ранѣ всего было выяснено значеніе борьбы за существованіе. Взаимная борьба вслѣдствіе неустойчивости первобытныхъ людей приводитъ къ возникновенію правительства, которое воспитываетъ людей въ духѣ законности. Постепенно слагается обычай, дѣлающій возможнымъ мирное сожителство людей и охраняющій людей отъ произвола. Необходимое для прогресса освобожденіе людей изъ-подъ ига обычая, которое въ концѣ концовъ убило бы стремленіе общества къ измѣненію, совершается посредствомъ принципіальнаго обсужденія государственныхъ дѣлъ, и весь прогрессъ опредѣляется Баджготомъ, какъ увеличеніе человѣческой способности приспособляться къ окружающей средѣ. Также и Спенсеръ всецѣло признавалъ громадное значеніе борьбы за существованіе. Ей мы обязаны, что земля населена самыми сильными и развитыми расами, что разрозненныя общества сложились въ большія группы, что характеръ челоѣка сдѣлался болѣе послѣдовательнымъ. Далѣе, Спенсеръ усовершенствовалъ идею борьбы за существованіе, подведя ее подъ болѣе общій законъ равновѣсія даннаго существа съ окружающей его средою. Наконецъ, Спенсеръ часто пользуется борьбою за существованіе при выясненіи измѣненій въ человѣческихъ обществахъ.

На американской почвѣ, вслѣдствіе практическаго направленія американской мысли, замѣчается стремленіе придать идеямъ Дарв на практическое примѣненіе.

Лестеръ Уордъ признаетъ борьбу за существованіе и естественный подборъ существеннѣйшими причинами челоѣческаго прогресса, но настаиваетъ на томъ, что этотъ прогрессъ выполнили все возможное, ибо онъ отличается чрезвычайною и притомъ безцѣльною растратою силъ, подлежитъ извѣстному ихъ приливу и отливу, наконецъ, не соотвѣтствуетъ современному состоянію общества, въ которомъ труды ученыхъ и изобрѣтателей остаются безъ вознагражденія, а побѣждаютъ не столько сила и умъ, сколько изворотливость, низкопоклонство, реклама. Поэтому необходимо замѣнить естественный прогрессъ прогрессомъ искусственнымъ, въ которомъ руководящую роль долженъ занять умъ, вооруженный знаніями. Такимъ образомъ, если Спенсеръ ожидалъ движенія впередъ челоѣчества отъ приспособленія послѣднѣго къ средѣ, то Л. Уордъ требуетъ приспособленія среды къ потребностямъ челоѣка.

Наконецъ, въ Америкѣ, а также въ Англіи и Японіи проявляются стремленія усовершенствовать челоѣческую расу посредствомъ искусственнаго подбора, а именно съ 90-ыхъ годовъ

прошлаго вѣка въ Америкѣ возникло общество, куда вступаютъ сильныя тѣломъ и духомъ, обязуются жить по строжайшимъ правиламъ гигиены, развивать возможно болѣе свои мускулы и умъ, наконецъ, выходить замужъ и жениться только въ средѣ своего общества.

Въ громадной французской соціологической литературѣ вліяніе Дарвина невелико. Vacher de Lapouge въ своемъ сочиненіи „Соціальные подборы“ подвергаетъ разбору наслѣдственность и искусственный подборъ. Наслѣдственность есть отбѣлившаяся и возстановленная, какъ самостоятельное цѣлое, часть производителей. Отсюда вытекаютъ и законы наслѣдственности, которые выражаются въ томъ, что каждая клѣточка восходящихъ дѣйствуетъ на каждую клѣточку нисходящихъ и притомъ, какъ показываютъ случаи атаксизма, до безконечности, а возможныя комбинаціи наслѣдственной передачи разрѣшаются равнодѣйствующей силой. Естественный подборъ ведетъ къ уничтоженію лучшихъ худшими, чему не можетъ помочь и образованіе, ибо оно не въ состояніи придать смѣлости и предприимчивости и уничтожить рабскія качества обыкновенныхъ людей.

Такимъ образомъ, единственная возможность прогресса заключается въ замѣнѣ естественнаго подбора искусственнымъ, который долженъ состоять въ возможно полномъ уничтоженіи всего слабаго, хилаго, болѣзненнаго и замѣнѣ его людьми, сильными духомъ и тѣломъ, что можетъ быть достигнуто примѣненіемъ къ человѣчеству мѣръ, которыя практикуются въ сельскомъ хозяйствѣ.

Профессоръ лозаннскаго университета Туртулонъ не даетъ по вопросу о дарвинизмѣ ничего новаго, хотя и посвящаетъ ему цѣлую главу въ сочиненіи, только еще выходящемъ.

Итакъ, во Франціи, хотя часто упоминается о борьбѣ за существованіе въ прессѣ, тѣмъ не менѣе выдающихся трудовъ въ этомъ отношеніи не появляется. Причины этому двѣ: вліяніе контизма и стремленіе соціологіи оказать воздѣйствіе на жизнь. Огюсть Контъ смотритъ на человѣчество, какъ на единое цѣлое, постоянно развивающееся вслѣдствіе переработки умомъ жизненнаго опыта. Въ такомъ міропониманіи нѣтъ мѣста для борьбы за существованіе, а выдвигается идея постепенности развитія вслѣдствіе дѣйствія силъ психическихъ; выясненіе этихъ психическихъ силъ и занимаетъ множество французскихъ соціологовъ. Что же касается до стремленія отвѣтить на жизненные вопросы, то и здѣсь выдвинуты были сначала вопросы политическіе въ смыслѣ примиренія идей порядка и свободы (у Огюста Конта).

затѣмъ вопросы экономическіе, которымъ съ 1848 г. посвящается особенное вниманіе, далѣе появляются опять вопросы политическіе (возникновеніе республики), общественные, наконецъ, религіозно-нравственные (отдѣленіе церкви отъ государства). Всѣ эти вопросы ставились не съ точки зрѣнія борьбы за существованіе.

Е. В. Спекторскій обратилъ вниманіе на идею борьбы, какъ она проявилась у Гоббеса и даже въ древней Греціи. Проф. Зигель отвѣтилъ на это, что онъ стремился держаться исключительно положительныхъ данныхъ, изъ которыхъ видно только вліяніе одного Мальтуса на Дарвина.

Е. В. Спекторскій и Н. Н. Любичъ отмѣтили далѣе, что въ новѣйшее время начинаютъ выдвигаться въ Европѣ вопросы взаимопомощи и солидарности. На это возразилъ проф. Зигель, что эти вопросы не получили еще конкретныхъ формъ.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи и дѣятельности Общества исторіи, филологіи и права
при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ
за 1909 годъ.

I. Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества.

Въ отчетномъ году Общество понесло тяжелую потерю вслѣдствіе смерти двухъ своихъ членовъ: В. Н. Александренко и А. Л. Блока. Новыхъ членовъ вступило 10.

Бюро Общества состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ, избранныхъ въ годичномъ собраніи Общества 24 янв. 1909 г.: председателя—Н. Н. Любича, товарища председателя—И. Н. Трепицына, секретаря — И. И. Замотина, казначея — А. М. Придика, бібліотекаря—С. И. Вѣхова, редактора—В. А. Францева, члена Совѣта отъ историко-филологическаго отдѣленія—А. П. Косминскаго, члена Совѣта отъ юридическаго отдѣленія—Н. С. Эйсмонта. Въ историко-филологическомъ отдѣленіи председателемъ избранъ Е. О. Карскій, а секретаремъ—В. А. Каминскій; въ юридическомъ отдѣленіи председателемъ—О. О. Зигель, секретаремъ—Е. В. Спекторскій.

II. Свѣдѣнія о состояніи библіотеки и денежныхъ средствъ Общества.

Въ библіотекѣ Общества къ 1-му января 1909 г. числилось 204 названія книгъ и періодическихъ изданій въ 1179 томахъ и тетрадахъ. Поступило вновь въ теченіе 1909 г. книгъ и періодическихъ изданій 25 названій въ 572 томахъ, тетрадахъ и листахъ; продолженій книгъ и періодическихъ изданій поступило 33 названія въ 58 томахъ и тетрадахъ. Такимъ образомъ, къ 1-му января 1910 года въ библіотекѣ Общества находится книгъ и періодическихъ изданій 229 въ 1809 томахъ, тетрадахъ и листахъ.

Что касается денежныхъ средствъ Общества, то къ 1-му января 1909 г. числилось 1396 р. 11½ к. Въ отчетномъ году поступило 361 р. 88 к. Итого въ приходѣ было 1757 р. 99½ к. Расходовъ было въ 1909 г. 246 р. 85 к. Такимъ образомъ, къ 1-му января 1910 г. числилось 1511 р. 14½ к. Изъ нихъ находится на храненіи въ Государственной Сберегательной Кассѣ въ процентныхъ бумагахъ 952 р. 73 к. (по номинальной стоимости 1000 р.); наличными же деньгами въ той же кассѣ имѣется 425 р. 84 к. и на рукахъ у казначея 132 р. 57½ к.

III. Свѣдѣнія о научной дѣятельности Общества.

Такъ какъ въ 1909 г. исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Н. В. Гоголя, то 20 марта прошлаго года было устроено торжественное засѣданіе Общества совмѣстно съ Совѣтомъ Императорскаго Варшавскаго Университета, на которомъ были произнесены рѣчи Е. О. Карскимъ и И. И. Замотиннымъ. Сверхъ того, въ виду полученнаго Обществомъ приглашенія отъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности принять участіе въ торжествѣ открытія въ Москвѣ 26 апрѣля памятника Н. В. Гоголю, наше Общество командировало на юбилейныя торжества въ Москву, въ качествѣ своего представителя, В. А. Францева и поручило ему передать привѣтственный адресъ. По случаю исполненія столѣтія со дня рожденія А. В. Кольцова историко-филологическое отдѣленіе Общества устроило 2 октября засѣданіе, въ которомъ были прочитаны доклады, посвященные этому писателю. Отмѣчено было Обществомъ и двухсотлѣтіе кончины Дмитрія, митрополита Ростовскаго, докладомъ И. П. Козловскаго. Юридическое отдѣленіе откликнулось на юбилейныя торжества,

связанный съ чествованіемъ памяти Дарвина, устройствомъ спеціального засѣданія, на которомъ былъ сдѣланъ докладъ О. О. Зигелемъ.

Ученыхъ собраній Общества было 10: одно годовое, одно совмѣстно съ Совѣтомъ Императорскаго Варшавскаго университета, три засѣданія историко-филологическаго отдѣленія и пять юридическаго. Въ историко-филологическомъ отдѣленіи были сдѣланы слѣдующіе доклады: Н. Н. Любавичемъ: Международный историческій конгрессъ въ Берлинѣ въ 1908 году; Я. В. Юзефовичемъ: Разсказъ Тургенева „Живыя Моцци” и „*Le lépreux de la cité d'Aoste*” графа Xavier de Maistre’a; И. И. Замотинимъ: А. В. Кольцовъ и русскіе модернисты; В. А. Францевымъ: А. В. Кольцовъ въ чешской литературѣ; И. П. Козловскимъ: Памяти Дмитрія, Митрополита Ростовскаго (1709—1909). Въ отдѣленіи юридическихъ наукъ были сдѣланы доклады: И. Н. Трепицынымъ: Авторское право (по поводу законопроекта, внесеннаго Министерствомъ Юстиціи въ Государственную Думу); Ф. П. Будкевичемъ: Разборъ проекта министра юстиціи о реформѣ мѣстнаго суда; І. Я. Мартыановымъ: Исслѣдованіе еврейскаго вопроса въ связи съ историческимъ прошлымъ евреевъ и вліяніемъ Талмуда; Е. В. Снекторскимъ: Памяти В. Н. Александренко; Н. С. Эймонтомъ: По поводу проекта реформы мѣстнаго суда; О. О. Зигелемъ: Вліяніе Дарвина на обществовъѣдѣніе. Кромѣ того, въ годовомъ собраніи Общества И. И. Замотинимъ была произнесена рѣчь: „Русская Нора и ея духовныя стремленія”; въ торжественномъ собраніи, совмѣстно съ Совѣтомъ университета, Е. О. Карскій произнесъ рѣчь: „Значеніе Гоголя въ исторіи русскаго литературнаго языка”, а И. И. Замотинъ рѣчь на тему: „Общественные завѣты Гоголя въ русской художественной литературѣ пореформеннаго періода”.

Кромѣ ученыхъ засѣданій, было еще 5 распорядительныхъ засѣданій, а Совѣтъ Общества собирался 8 разъ.

Въ заключеніе нужно также отмѣтить появленіе новаго тома трудовъ Общества. Въ истекшемъ отчетномъ году вышелъ 4-ый выпускъ „Записокъ Общества” (стр. V+254), посвященный первому предсѣдателю Общества — О. И. Леонтовичу по случаю исполненія въ 1908 г. сорокалѣтнѣтія его ученой дѣятельности. Въ началѣ этого выпуска помѣщенъ списокъ трудовъ О. И. Леонтовича, а затѣмъ слѣдуютъ статьи О. В. Тарановскаго, Н. Н. Любавича, И. И. Замотина, Е. В. Снекторскаго, Г. В. Демченко и В. А. Францева.

XXV. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

7 февраля 1910 г.

Засѣданіе состоялось подъ предѣтельствомъ Е. О. Карскаго, въ присутствіи Н. Н. Любовича, О. О. Зигеля, В. А. Францева, И. И. Замотина, И. Н. Трепицына, И. П. Козловскаго и другихъ: при секретарѣ историко-филологическаго отдѣленія В. А. Каминскомъ.

Были заслушаны доклады: 1) А. П. Косминскаго: Новые историческіе матеріалы о войнѣ 1812 года и 2) В. А. Францева: Три потери славянской филологіи.

Первый докладъ напечатанъ въ „Журн. Мин. Народн. Просв.“, второй—въ „Русск. Фил. Вѣстн.“

XXVI. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

3 апреля 1910 г.

Въ засѣданіи, подъ предѣтельствомъ Е. О. Карскаго, присутствовало 11 членовъ Общества.

Былъ заслушанъ докладъ В. А. Каминскаго: „Гоголь и Плетневъ. Къ вопросу объ отношеніяхъ между ними, въ связи съ указаніемъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ душевномъ настроеніи Гоголя“.

XXVII. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

9 мая 1910 г.

Въ засѣданіи, подъ предѣтельствомъ О. О. Зигеля, присутствовало 12 членовъ Общества.

Слушали докладъ П. В. Верховскаго: „Исторія конституціонныхъ идей въ Россіи въ XVIII и XIX в.в.“

XXVIII. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

10 октября 1910 г.

Въ засѣданіи, подъ предѣтельствомъ О. О. Зигеля, присутствовало 17 членовъ Общества. Былъ заслушанъ докладъ В. И. Синайскаго на тему: „Необходимо ли намъ въ настоящее

время гражданское уложение?" Докладчикъ обратилъ вниманіе на то, что многіе изъ недостатковъ X тома уже исправлены сенатскою практикою и частичнымъ законодательствомъ. Если съ большею интенсивностью продолжать начатое въ этомъ направленіи дѣло, то необходимость создавать новое уложение сама собою отпадетъ. Что же касается составленнаго редакціонною комиссіею проекта новаго гражданского уложенія, то онъ неудовлетворителенъ. Въ немъ слишкомъ много иностранныхъ элементовъ. Особенно много заимствовано изъ германскаго уложенія; для примѣра докладчикъ сравнилъ статьи 231, 236 п. 1, 532, 1943, 1830 проекта со статьями 1354, 1360 п. 1, 1786 п. 1 и 2, 618, 559, 585 германскаго уложенія. Къ этому присоединяются неточность и неправильность многихъ юридическихъ опредѣленій проекта (въ ст. 6 дѣеспособность опредѣляется, какъ способность располагать собою и своимъ имуществомъ), казуистичность, отсутствіе объединяющихъ отдѣльные институты принциповъ, тяжелый, переводный языкъ. Составленіе другого проекта въ настоящее время нежелательно. Русскій гражданскій оборотъ, къ которому въ теченіе 78 лѣтъ своего существованія въ значительной степени приноровилась 1 часть X тома, еще не вылился въ новыя формы. И въ настоящее время, когда многомилліонное русское крестьянство вовлекается въ этотъ оборотъ, чрезвычайно рискованно предпрѣшать юридическій строй будущаго въ законодательномъ порядкѣ. Достойное Россіи гражданское уложение—это дѣло будущаго. И для того, чтобы его удачно выполнить, необходимы слѣдующія условія: разработка и расширеніе сенатской практики; изданіе законодательныхъ новеллъ—путь исправленія гораздо болѣе быстрый, чѣмъ изданіе цѣлаго уложенія; поднятіе юридическаго образованія въ странѣ (увеличеніе числа кафедръ гражданского права, допущеніе женщинъ къ юридической практикѣ, обязательность практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ и т. д.).

Докладъ вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ принимали участіе И. Н. Трепицынъ, И. Я. Софійскій, Н. С. Эйсмонтъ и О. О. Зигель.

XXIX. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

20 октября 1910 г.

Въ засѣданіи, подъ предѣдательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовало 17 членовъ Общества.

Были заслушаны доклады: 1) *А. М. Евлахова*, В. Джемсъ и его теорія прагматизма, 2) *В. А. Францева*, Русская икона, чтимая въ Чехіи, и 3) *Н. Н. Любовича*, Нѣмецкій журналъ, посвященный исторіи Восточной Европы.

Докладъ *В. А. Францева* напечатанъ въ V вып. „Записокъ Общества ист., филол. и права“, а докладъ *Н. Н. Любовича* въ Русскомъ Филолог. Вѣстн., 1910.

XXX. Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

14 ноября 1910 г.

Въ засѣданіи, подъ предѣлательствомъ *Е. О. Карскаго*, присутствовало 15 членовъ Общества.

Былъ заслушанъ докладъ *Н. Н. Любовича*: „О Грюнвальдской битвѣ и ея историческомъ значеніи“. Докладъ напечатанъ въ V вып. „Записокъ Общества ист., филол. и права“.

XXXI. Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

5 декабря 1910 г.

Предварительно состоялось распорядительное собраніе Общества для избранія членовъ ревизіонной комиссіи. Въ ревизіонную комиссію избраны были *П. Г. Баранъ-Бутовичъ*, *И. П. Селиверстовъ* и *К. Г. Ф.-Хартель*. Затѣмъ открылось засѣданіе юридическаго отдѣленія. *П. В. Герховской* сдѣлалъ сообщеніе: „Памяти *В. И. Сергѣевича*“. Послѣ краткой біографіи покойнаго онъ охарактеризовалъ важнѣйшіе его труды. Знаменитое изслѣдованіе Сергѣевича „Вѣче и князь“ сразу нанесло ударъ и *Карамзинской* схемѣ Исторіи государства Россійскаго, и отрицавшимъ всякую самобытность у Руси западникамъ, и, наконецъ, т. наз. родовой теоріи. Сергѣевичъ путемъ сравнительно-историческаго изученія отучилъ своихъ читателей и учениковъ какъ отъ славянофильской мечтательности по отношенію къ древнему русскому строю, такъ и отъ увѣреній западниковъ, что все сходное въ русской исторіи съ западною есть результатъ заимствованія. Въ заключеніе *П. В. Верховской* отмѣтилъ мастерство лекцій покойнаго и обаяніе его личности.

И. Я. Софійскій сдѣлалъ докладъ: „По поводу законопроекта о раздѣльномъ жителствѣ сунруговъ“. Отмѣтивъ смѣшеніе эти-

ки и юриспруденціи въ дѣйствующемъ семейномъ правѣ, докладчикъ подвергъ критикѣ законопроекты о раздѣльномъ жилиществѣ, составленные думскою фракціею октябристовъ и министерствомъ юстиціи. По поводу перваго проекта докладчикъ полагаетъ, что безсрочное раздѣльное жилищество должно быть замѣнено срочнымъ, на время не болѣе года, съ тѣмъ, чтобы супруги, не желающіе и послѣ этого срока жить совместно, разводились уже окончательно. Далѣе, дѣла о раздѣльномъ жилиществѣ должны разбираться съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Наконецъ, полученіе женами отдѣльныхъ паспортовъ безъ согласія мужей должно быть ограничено точно установленными случаями. Докладчику возражалъ В. И. Синайскій.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи и дѣятельности Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ за 1910 годъ.

I. Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества.

Число членовъ въ отчетномъ году мало измѣнилось по сравненію съ предыдущимъ годомъ: новыхъ членовъ вступило въ Общество 7. Скончался 21 дек. почетный членъ Общества О. И. Леонъвичъ и кромѣ того выбылъ 1 членъ. Бюро Общества состояло изъ слѣдующихъ лицъ, избранныхъ въ годичномъ собраніи Общества 24 января 1909 года: предсѣдателя — Н. Н. Любавича; товарища предсѣдателя — И. Н. Трепицына, секретаря — И. И. Замотина, казначея — А. М. Придика (за выходомъ котораго изъ Общества несеніе казначейскихъ обязанностей было поручено А. П. Косминскому), библіотекаря — С. И. Вѣхова, редактора — В. А. Францева и членовъ Совѣта: отъ историко-филологическаго отдѣленія — А. П. Косминскаго и юридическаго отдѣленія — Н. С. Эйсмонта. Предсѣдателемъ историко-филологическаго отдѣленія состоялъ Е. О. Карскій, а секретаремъ — В. А. Каминскій. Въ юридическомъ отдѣленіи предсѣдателемъ состоялъ О. О. Зигель, а секретаремъ — Е. В. Спекторскій.

II. Свѣдѣнія о состояніи денежныхъ средствъ Общества и его библіотеки.

Состояніе суммъ Общества выражается въ слѣдующихъ циф-

рахъ: къ 1-му января 1910 г. было 1511 р. 14 $\frac{1}{2}$ коп. Въ теченіе 1910 г. поступило: 1) членскихъ взносов—185 руб. и 2) процентовъ съ капитала, хранящагося въ ссудо-сберегательной кассѣ—34 руб. 36 коп. Итого въ приходѣ было 1730 руб. 50 $\frac{1}{2}$ коп. Расходъ Общества выразился въ суммѣ 528 р. 3 $\frac{1}{2}$ коп. Такимъ образомъ, къ 1-му января 1911 года у Общества было 1202 руб. 47 коп. Изъ этихъ денегъ находится въ ссудо-сберегательной кассѣ въ процентныхъ бумагахъ 952 руб. 73 коп. (по номинальной стоимости 1000 руб.) и наличными деньгами въ той же кассѣ—207 руб. 25 коп.; на рукахъ у казначея находится 42 руб. 49 коп.

Въ библіотекѣ къ 1-му января 1910 г. числилось книгъ и періодическихъ изданій 229 названій въ 1809 томахъ, тетрадяхъ и листахъ. Въ теченіе отчетнаго года поступило: 1) новыхъ сочиненій и новыхъ періодическихъ изданій 20 названій въ 30 томахъ, тетрадяхъ и листахъ; 2) продолженій сочиненій и періодическихъ изданій 27 названій въ 203 томахъ и тетрадяхъ. Итого, къ 1-му января 1911 года въ библіотекѣ Общества числилось книгъ и періодическихъ изданій 249 названій въ 2042 томахъ, тетрадяхъ и листахъ.

III. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Ученыхъ собраній Общества было 11: одно годовичное, пять засѣданій историко-филологическаго отдѣленія и пять засѣданій юридическаго. Въ историко-филологическомъ отдѣленіи были сдѣланы слѣдующіе доклады: А. П. Косминскаго: Новые историческіе матеріалы о войнѣ 1812 года; В. А. Францева: Три потери славянской филологіи; Л. Н. Беркута: Императорскія привилегіи и городскія права въ XII в. въ Германіи; В. А. Каминскаго: Гоголь и Плетневъ. Къ вопросу объ отношеніяхъ между ними, въ связи съ указаніемъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ душевномъ строеніи Гоголя; А. М. Евлахова: В. Джемсъ и его теорія „прагматизма“; Н. Н. Любовича: Нѣмецкій журналъ, посвященный исторіи Восточной Европы; В. А. Францева: Русская икона, чтимая въ Чехіи; Н. Н. Любовича: Грюнвальдская битва. Историческое значеніе ея.

Въ отдѣленіи юридическихъ наукъ были прочитаны доклады: І. Я. Мартыновымъ: Значеніе Талмуда въ еврейскомъ вопросѣ (Талмудъ, его вліяніе на евреевъ, исторія его происхожденія и развитія); имъ же: Характеръ Талмуда, появленіе прогрес-

сивнаго направленія среди евреевъ и упадокъ авторитета Талмуда; П. В. Верховскимъ: Исторія конституціонныхъ идей въ Россіи въ XVIII и XIX вв.; В. И. Синайскимъ: Необходимо ли намъ въ настоящее время гражданское уложеніе? П. П. Верховскимъ: Памяти В. И. Сергѣевича; И. Я. Софійскимъ: По поводу законопроекта о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ.

Въ годичномъ собраніи И. Н. Треницынымъ была произнесена рѣчь: „Женщина и русское законодательство“.

Засѣданій Совѣта Общества было 7, а распорядительныхъ четыре.

Исполнившееся въ истекшемъ году 50-лѣтіе со дня рожденія А. П. Чехова было отмѣчено Обществомъ устройствомъ публичной лекціи, которая была прочитана И. И. Замотинымъ на тему: „А. П. Чеховъ и русская общественность“. Кроме того, П. В. Верховской прочитала публичную лекцію: „Исторія и юридическія условія присоединенія Финляндіи къ Русской государственной территоріи“.

Въ заключеніе нужно отмѣтить еще, что въ концѣ истекшаго года Общество приступило къ печатанію новаго (5-го) выпуска „Записокъ“.

Проф. В. И. Синайскій.

**Необходимо ли намъ слѣшить съ гражданскимъ
уложеніемъ и можемъ ли мы создать его въ
настоящее время? ¹⁾**

„8-го октября (1910 г.), при Министерствѣ Юстиціи, возобновилось засѣданіе Особого Совѣщанія подѣ председательствомъ товарища министра, сенатора Гасмана, для обсужденія проекта гражданского уложенія въ связи съ поступившими на проектъ отзывами отдѣльных вѣдомствъ (О. Б.)“.

I. Въ половинѣ XVIII-го столѣтія Баварское королевство вступило первое на путь созданія гражданскихъ уложеній, и именно, въ 1756 г., изданіемъ Кодекса Максимилиана, оно положило начало европейской кодификаціи гражданского права. Не успѣли миновать съ того времени полныя пятьдесятъ лѣтъ, какъ почти на самомъ рубежѣ XVIII и XIX столѣтій, въ 1794 г., увидѣло свѣтъ „Общее земское право прусскихъ провинцій“, называемое также „Прусскимъ ландрехтомъ“. Съ того времени, вплоть до нашихъ дней, продолжаютъ появляться одно за другимъ гражданскія уложенія. Въ ряду этихъ уложеній

¹⁾ Докладъ, прочитанный 10-го октября 1910 г. въ засѣданіи Юридическаго Отдѣленія Общества Исторіи, Филологіи и Права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.—Статьи проекта приведены по изданію Тютрюмова.

слѣдуетъ назвать французское 1804 г., австрійское 1811 г., сербское 1844, 1860 гг., саксонское 1863 г., калифорнское 1872 г., общегерманское 1896 г., швейцарское 1907 г. Кромѣ того, съ 1901 г. лежитъ до настоящаго времени проектъ венгерскаго уложенія и ждетъ своего утвержденія. Въ сторонѣ отъ кодификаціоннаго движенія остались главнымъ образомъ Англія, да Сѣверо-Американскіе Штаты. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что и Сѣверо-Американскіе Штаты выработали проектъ гражданскаго уложенія, извѣстный подъ именемъ „Ньюйоркскаго проекта“, но, этому проекту не суждено было стать гражданскимъ уложеніемъ Штатовъ.

За все это время появленія многочисленныхъ уложеній и проектовъ, могучая волна кодификаціоннаго движенія докатывалась и до береговъ нашей родины.

Проектъ гражданскаго уложенія Россійской Имперіи, составленный Сперанскимъ въ началѣ XIX столѣтія, былъ первымъ всплескомъ этой волны, первую попытку русской кодификаціи гражданскихъ законовъ. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ. За свое увлеченіе, при составленіи проекта, французскимъ правомъ, Сперанскій, какъ извѣстно, дорого поплатился. Въ наше время снова докатилась до насъ кодификаціонная волна, на нашихъ глазахъ совершается другая попытка создать русское гражданское уложеніе. Мы имѣемъ въ виду проектъ Высочайше утвержденной Редакціонной Комиссіи по составленію Гражданскаго уложенія. Проектъ этотъ редактируется въ настоящее время едва ли не въ третій разъ, дабы быть, наконецъ, внесеннымъ на одобреніе нашихъ законодательныхъ учреждений.

Ровно сто лѣтъ отдѣляютъ проектъ Сперанскаго отъ проекта Редакціонной Комиссіи. Суждено ли теперь, черезъ сто лѣтъ, имѣть намъ не Сводъ гражданскихъ законовъ, не томъ X ч. 1, а гражданское уложеніе? — вотъ основной вопросъ, который возникаетъ передъ русскимъ юристомъ и каждымъ мыслящимъ гражданиномъ.

II. Выясненію этого вопроса должно предшествовать, однако, разрѣшеніе другого не менѣе основного вопроса о необходимости изданія русскаго гражданскаго уложенія въ настоящее время.

Если мы жили до 1832 г. безъ гражданскаго уложенія, если, съ изданіемъ въ 1832 г. Свода гражданскихъ законовъ, мы живемъ съ нимъ вотъ уже 78 лѣтъ, то вполне умѣстно спросить себя, не доживемъ ли мы до столѣтняго юбилея на-

шего Свода гражданскихъ законовъ? Не будемъ ли мы, если не всѣ, то нѣкоторые изъ насъ, праздновать этотъ юбилей?

1. Не станемъ пророчествовать, но фактъ 78 лѣтняго существованія т. X ч. 1 Свода законовъ, изданнаго въ эпоху крѣпостного уклада русской жизни и сумѣвшаго, не смотря на это, дожить до нашихъ дней, говорить, повидимому, о добромъ, крѣпкомъ здоровьи нашего свода, о его долговѣчности, и этимъ какъ бы отрицаетъ необходимость въ гражданскомъ уложеніи въ настоящее время.

2. Взглянемъ, однако, на дѣло по существу. Посмотримъ, каковы недостатки нашего т. X ч. 1, эти, такъ сказать, болѣзни почтеннаго старца, оцѣнимъ достоинства nasciturus'a, т. е. Проекта Редакціонной Комиссіи, и, въ результатъ всего этого, попробуемъ отвѣтить себѣ на вопросъ о необходимости гражданскаго уложенія въ настоящее время.

III. О недостаткахъ т. X ч. 1 много писалось, много говорилось. Ставятъ ему въ вину: и устарѣлость, и неполноту, и казуистичность, и неясность, и тяжеловѣсность языка, и безсистемность, и даже несамобытность.

И дѣйствительно, большинство перечисленныхъ недостатковъ есть фактъ несомнѣнный; отрицать его никоимъ образомъ нельзя.

Возьмемъ брачное право. Разводъ затрудненъ до крайности; поводы развода опредѣлены чрезвычайно грубо; институтъ раздѣльнаго жительства, какъ наименьшее зло сравнительно съ разводомъ, рѣзко отрицается въ т. X ч. 1; личные отношенія супруговъ построены на началѣ неограниченнаго послушанія жены мужу; экономическое положеніе овдовѣвшаго супруга плохо обезпечено, и даже казна предпочитается иногда овдовѣвшему супругу; алиментарный институтъ слабо развитъ.

Возьмемъ родительское право. Оно построено на началахъ патріархальной власти; власть родителей (въ особенности отца) не ограничена, хотя бы родители и злоупотребляли своею властью; напротивъ, обязанности родителей въ отношеніи дѣтей опредѣляются неясно и, главное, остаются безъ санкціи. Коротко сказать, личность дѣтей слабо защищена въ т. X ч. 1.

Возьмемъ, далѣе, опеку. Трудно найти въ т. X ч. 1 другой институтъ, который былъ бы такъ плохо организованъ, какъ институтъ опеки. Власть опекуновъ широкая, над-

зоръ за ними бумажный; нѣтъ обезпеченія на случай причиненія убытковъ опекаемому; большинство сиротъ, въ особенности, если у нихъ нѣтъ имущества, остается сплошь и рядомъ безъ опекуновъ; принципъ общественной повинности не положенъ въ основу организаціи опеки.

Не лучше обстоятъ дѣло и въ наслѣдственномъ правѣ. Завѣщаніе слишкомъ формально и поэтому въ особенности затруднено для крестьянъ. Законный же порядокъ наслѣдованія нарушаетъ основныя начала справедливости. Мужскій полъ предпочитается женскому; „веселый наслѣдникъ“ — предпочитается обществу, ибо нѣтъ „предѣловъ наслѣдованія“. Нѣтъ въ т. X ч. 1 столь существеннаго института, какъ институтъ обязательной доли, не организованы въ немъ институты и душеприкащиковъ, и отказа (легата).

Возьмемъ, далѣе, вещное право. Оно построено на началахъ земельного обладанія, а между тѣмъ земля въ современномъ оборотѣ стремится къ мобилизаціи. Жизненнымъ нервомъ современнаго гражданскаго оборота является капиталъ и вообще движимость. Вещное право нуждается, поэтому, въ перестройкѣ. Въ частности, институтъ владѣнія плохо разработанъ въ т. X ч. 1; ограниченія права собственности не вполне согласованы съ интересами общежитія; авторское право помѣщено въ приложеніи къ ст. 420 т. X ч. 1, а между тѣмъ институтъ этотъ существенно затрогиваетъ интересы не только отдѣльныхъ гражданъ, но и всего общества. Институтъ родовыхъ имуществъ есть, по общему признанію, архаическое учрежденіе. Способы пріобрѣтенія права собственности далеко не всегда обезпечиваютъ пріобрѣтателя; при этомъ пріобрѣтательная давность противорѣчитъ началу доброй совѣсти и является какъ бы признаніемъ въ оборотѣ захватнаго права; десятилѣтняя давность для пріобрѣтенія движимостей не достигаетъ своей цѣли. Возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ виндикаціи колеблетъ оборотъ, а еще больше его колеблетъ необезпеченность правъ залогодателя, почему залоговое право и нуждается въ самомъ серьезномъ вниманіи законодателя. Сервитутное право не разработано, чиншевое право не организовано на твердыхъ началахъ. Необходимость въ ипотечной системѣ, вмѣсто существующей крѣпостной, хорошо сознана русскими юристами.

Обратимся, далѣе, къ обязательственному праву. Ученіе о договорѣ, въ особенности о договорѣ между отсутствующими, о договорѣ въ пользу третьихъ лицъ,

о границах свободы договора и т. д., нуждается въ законодательной разработкѣ, а между тѣмъ, договорное право—почти все обязательственное право. Исполненіе обязательствъ — конечная цѣль и весь смыслъ обязательственного права—слабо обезпечено. Самые способы обезпеченія изложены въ т. X ч. 1 далеко не въ той мѣрѣ, которой они заслуживали бы. Задатокъ въ русскомъ оборотѣ играетъ большую роль, а между тѣмъ т. X ч. 1 удѣляетъ ему мало вниманія и главное не опредѣляетъ ясно его значенія. Наоборотъ, неустойка не согласована съ размѣромъ возмѣщенія вреда, и ей придано также не вполне опредѣленное значеніе. Въ частности, институтъ очистки приуроченъ главнымъ образомъ къ договору купли-продажи; слѣдовательно, сужено значеніе этого института. Договоры личнаго найма (найма домашней прислуги), имущественнаго найма (наемъ квартиры, аренда), нуждаются въ полномъ вниманіи законодателя. Договоры эти имѣютъ весьма существенное значеніе не только для гражданскаго оборота, но и для личныхъ благъ человѣка.

Наконецъ, если мы попробуемъ дать общую характеристику т. X ч. 1, то эта характеристика во многомъ будетъ не въ его пользу:

1) Добросовѣстность въ гражданскомъ оборотѣ слабо защищена, а недобросовѣстности, обходу закона, открыты широкія двери;

2) Излишній формализмъ затрудняетъ гражданскій оборотъ безъ существенной пользы для охраны началъ доброй совѣсти и справедливости;

3) Т. X ч. 1 во многомъ нарушаетъ устойчивость оборота;

4) Юридическія лица, роль которыхъ въ современномъ гражданскомъ оборотѣ громадна, почти обойдены въ т. X ч. 1;

5) Интересы личности слабо защищены въ т. X ч. 1. Такъ въ особенности слабо защищены личные интересы служащихъ и квартиронанимателей, душевно-больныхъ, малолѣтнихъ, замужнихъ женщинъ и т. д..

IV. Вотъ недостатки т. X ч. 1, въ зависимости отъ его отсталости и неполноты. Менѣе важными, но все же существенными недостатками т. X ч. 1 являются, далѣе, казуистичность и неясность его постановленій, а равно и безсистемность т. X ч. 1.

Такъ, въ т. X ч. 1 содержится весьма много опредѣленій частнаго характера и мало въ немъ общихъ положеній,

которыя служили бы юриспруденціи и судебной практикѣ путеводными нитями, открывая имъ возможность заниматься, по выраженію Савиньи, „счетомъ понятій“. Казуистичность составляетъ, поэтому, существенный недостатокъ нашихъ гражданскихъ законовъ; съ нею связано обиліе статей, а за этимъ обиліемъ нерѣдко упускается изъ вниманія болѣе важное, существенное для нормированія гражданского оборота. Кромѣ того, вслѣдствіе казуистичности, происходятъ противорѣчія и связанная съ ними неясность многихъ постановленій т. X ч. 1. Тяжеловѣсность языка т. X ч. 1 объясняется, пожалуй, употребленіемъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій.

Болѣе важнымъ недостаткомъ т. X ч. 1 является, однако, его безсистемность, но съ этимъ недостаткомъ юристы быстро справляются; и въ практикѣ недостатокъ этотъ не такъ уже ощутителенъ, какъ могло бы показаться на первый взглядъ.

V. Таковы недочеты т. X ч. 1, которые обыкновенно ставятся ему въ вину въ юридической литературѣ и въ широкихъ кругахъ общества и юристовъ. Объ упрекѣ, дѣлаемомъ т. X ч. 1 въ ненаціональности, или несамобытности, мы скажемъ нѣсколько позже. Казалось бы, выводъ изъ всего изложеннаго о недостаткахъ т. X ч. 1 ясенъ: т. X ч. 1 не долженъ болѣе существовать, и, чѣмъ скорѣе это произойдетъ, тѣмъ будетъ лучше; почему и необходимо стремиться къ возможно скорой замѣнѣ его уложеніемъ.

Такой выводъ часто у насъ дѣлается, и мысль о необходимости изданія гражданского уложенія въ настоящее время является довольно распространенной и, пожалуй, даже господствующей въ сознаніи нашего общества. Между тѣмъ, необходимо провѣрить, не дѣлается ли такой выводъ нѣсколько поспѣшно?

Разумѣется, отрицать недостатки т. X ч. 1 нельзя: они слишкомъ очевидны, но именно, великое множество этихъ недостатковъ и заставляетъ задуматься надъ фактомъ долговѣчнаго существованія т. X ч. 1, заставляетъ спросить насъ, почему же т. X ч. 1 при столькихъ недостаткахъ давно не отжилъ свой вѣкъ?

Причина этого, страннаго на первый взглядъ, явленія лежитъ въ томъ, что не одни лишь недостатки имѣются въ т. X

ч. 1, есть въ немъ и достоинства, которыя дѣлають его жизнеспособнымъ.

1. Достоинство Свода гражданскихъ законовъ составляетъ прежде всего то, что онъ способенъ къ восполненію. Это значить, что его недостатки неполноты и отсталости могутъ быть устранены путемъ судебной практики. Въ этомъ отношеніи очень многое уже и сдѣлано. Кассационная практика Правительствующаго Сената представляетъ собою весьма богатый матеріалъ, новое гражданское право, выросшее, такъ сказать, въ разсѣлинахъ и пустыхъ мѣстахъ права т. X ч. 1.

Можно безъ преувеличенія сказать, что кассационная практика и была тѣмъ могущественнымъ средствомъ, съ помощью котораго существовать и существуетъ благополучно донинѣ т. X ч. 1. Къ сожалѣнію, сенатъ не могъ, а, быть можетъ, и не хотѣлъ послѣдовать примѣру, преподанному намъ римской юриспруденціей и преторской практикой. Сенатъ слишкомъ боязливо и долго ждалъ тамъ, гдѣ необходимо было рѣшительно и быстро пойти на встрѣчу требованіямъ новой жизни: укрѣплять, дополнять и замѣнять право т. X ч. 1. Правда, нашъ сенатъ не имѣетъ высшей, дискреціонной власти претора; но, придавъ своимъ толкованіямъ обязательную силу, сенатъ все же могъ бы замѣнять старое право новымъ правомъ. Тѣмъ не менѣе, и при самомъ осторожномъ пользованіи правомъ истолкованія гражданскихъ законовъ, нашъ сенатъ въ очень многомъ улучшилъ гражданское право, хотя, повторяемъ, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ возможность сдѣлать въ этомъ отношеніи и гораздо больше. Въдѣ, томъ X ч. 1 представляетъ собою весьма благопріятную почву для истолкованія его на благо жизни. Слѣдовательно, не надо преувеличивать значенія недостатковъ т. X ч. 1 и на этомъ только основаніи торопиться съ изданіемъ гражданского уложенія. Кромѣ того, не надо забывать и того, что законодательство улучшило во многомъ постановленія т. X ч. 1 за истекшій періодъ времени съ 1832 г.

2. Другое достоинство т. X ч. 1 составляетъ то, что въ общемъ онъ отвѣчаетъ нѣсколько отсталому строю русской жизни и русскаго гражданского оборота. Неразвитое вещное право есть лишь слѣдствіе отсталыхъ формъ землеобладанія и ихъ господства въ жизни. Недостаточная организація обязательственнаго права зависитъ отъ слабаго развитія капитала и кредита въ

гражданскомъ оборотѣ. Семейныя и наслѣдственныя отношенія во многомъ отражаютъ патріархальный укладъ жизни нѣкоторыхъ отсталыхъ слоевъ русскаго населенія.

VI. Правда, отмѣченныя достоинства т. X ч. 1 оспариваются и въ жизни, и въ литературѣ. Указываютъ на то, что сенатская практика противорѣчива и неустойчива, что т. X ч. 1 ненаціоналенъ и поэтому не отвѣчаетъ требованіямъ русской жизни.

1. Разсмотримъ цѣнность этихъ возраженій. Право есть развивающееся явленіе. Остановить движеніе права значить остановить его развитіе. Въ этомъ отношеніи нѣкоторая неустойчивость сенатской практики составляетъ плюсъ, а не минусъ. Здѣсь открыто широкое поле для юристовъ творить право, то новое право, которое необходимо для жизни. Напротивъ, излишняя устойчивость сенатской практики могла бы повести къ застою юридической мысли и правового творчества. Не забудемъ также, что римское право было во многомъ неустойчиво въ своемъ неуклонномъ движеніи къ совершенству.

2. Упрекъ въ ненаціональности, несамобытности т. X ч. 1 основанъ на недоразумѣніи. Конечно, общія опредѣленія и даже система изложенія гражданскихъ законовъ были отчасти заимствованы Сперанскимъ изъ иностранныхъ законодательствъ, но самые правовые институты, ихъ структура, во многомъ суть отраженіе условій русской жизни. Извѣстный цивилистъ Винаверъ, пытавшійся доказать несамобытность т. X ч. 1 на томъ основаніи, что Сперанскій многое заимствовалъ изъ австрійскаго уложенія, учебника Потье и т. д., создавая свою общую часть обязательственнаго права, не доказалъ, однако, главнаго, что именно весь т. X ч. 1 представляетъ собою заимствованное право. На эту сторону дѣла обратилъ въ свое время вниманіе проф. Кассо. Въ моей работѣ: „Личное и имущественное положеніе замужней женщины въ гражданскомъ правѣ“, я пришелъ также къ выводу, что во всякомъ случаѣ книга первая т. X ч. 1 не представляетъ собою заимствованнаго права. Она выросла скорѣе всего изъ Систематическаго свода законовъ, обязаннаго своимъ существованіемъ противнику Сперанскаго, Розенкампу.

Итакъ, недостатки т. X ч. 1 обезвреживаются его достоинствами: способностью къ восполненію и соотвѣтствіемъ условіямъ русской жизни. Эти достоинства не ослабляются въ свою очередь вышеприведенными возраженіями. Слѣдо-

вательно, если мы въ настоящее время располагаемъ богатымъ матеріаломъ въ видѣ кассационныхъ рѣшеній сената, если мы имѣемъ возможность и дальше совершенствовать наше гражданское право путемъ сенатской практики, тѣсно связанной съ русской жизнью, то не будетъ ли болѣе правильно остаться на этомъ пути, чѣмъ стать на новый путь изданія гражданского уложенія? Такимъ образомъ, вышеупомянутый выводъ о необходимости издать въ настоящее время гражданское уложеніе на томъ основаніи, что т. X ч. 1 неудовлетворителенъ, долженъ быть ослабленъ. Для правильности этого вывода необходимо признать, что ни сенатская практика, ни частичныя законодательныя исправленія не въ состояніи улучшить наше гражданское право, а что, напротивъ, изданіе гражданского уложенія принесетъ съ собою быстрое и удовлетворительное исцѣленіе отъ всѣхъ золъ современнаго русскаго гражданского права. Иными словами, вопросъ сводится къ возможности издать уложеніе, не прибѣгая предварительно къ частичнымъ законодательнымъ исправленіемъ и не надѣясь на возможность исправленія недостатковъ съ помощью практики, а, такъ сказать, хирургическимъ способомъ излѣчить русское гражданское законодательство. Очевидно, чтобы подвергнуть наше право хирургическому лѣченію, необходимо быть увѣреннымъ въ хирургахъ. Въ настоящее время мы получили возможность судить о достоинствахъ хирурговъ права, такъ какъ уже существуетъ готовый проектъ гражданского уложенія, о которомъ мы упоминали выше.

VII. Русская жизнь не богата юридическими силами. Немного, поэтому, написано у насъ въ цѣляхъ разбора проекта. По этой же причинѣ, появленіе проекта не вызвало у насъ пробужденія юридической мысли, какъ это имѣло мѣсто, напримѣръ, въ Германіи. Тамъ проектъ общегерманскаго уложенія сдѣлался предметомъ горячихъ споровъ не только въ средѣ юристовъ, но и на страницахъ газетной прессы. Однако и то, что написано у насъ по поводу проекта русскаго гражданского уложенія, не говоритъ въ его пользу. Правда, критика сдѣлала свое дѣло. Редакторы проекта кое-что исправили въ немъ, согласно сдѣланнымъ указаніямъ. Но, и за всѣмъ тѣмъ, потребовалась нынѣ еще редакція проекта, прежде чѣмъ внести его на разсмотрѣніе законодательныхъ учреждений. Какова будетъ эта редакція, трудно судить раньше времени, но есть

большія основанія думать, что редакція эта далеко не будетъ послѣдней.

Дѣло въ томъ, что въ основу созданія проекта русскаго гражданскаго уложенія были положены неправильные принципы.

Во-первыхъ, составители проекта задались цѣлью, на основаніи иностранныхъ законодательствъ, создать русское гражданское уложеніе. Такимъ путемъ можно было, разумѣется, написать общую теорію гражданскаго права, въ которой, кстати сказать, наука и нуждается, а не гражданское уложеніе, да еще русское, такъ какъ условія русской жизни все же отличаются отъ условій иностранной жизни. Въ результатѣ получилось, что въ проектѣ редакціонной коммисіи мы имѣемъ учетъ общеевропейскаго и даже, пожалуй, англо-американскаго правосознанія, но не русскаго.

Во вторыхъ, составители проекта въ значительной мѣрѣ увлеклись постановленіями общегерманскаго уложенія и во многомъ дали, поэтому, пересказъ статей этого уложенія. Нерѣдко даже замѣтны и болѣе бросающіяся въ глаза заимствованія изъ германскаго кодекса. Какъ на примѣры, можно указать на стт. 231, 236 п. 1, 532, 1943 и 1830 проекта и стт. 1354, 1360 п. 1, 1786 п.п. 1 и 2, 618, 559 и 585 общегерманскаго уложенія.

Проектъ Редакціонной Коммисіи.

231. Мужу, какъ главѣ семьи, принадлежитъ рѣшительный голосъ въ семейной жизни. Жена не обязана подчиняться распоряженіямъ мужа, насколько они оказываются злоупотребленіемъ предоставленною мужу властью.

236 п. 1. Мужъ обязанъ доставлять женѣ содержаніе соотвѣтственно своему обще-

Общегерманское гражданское уложеніе.

1354. Мужу предоставляется рѣшать всѣ вопросы, касающіеся совмѣстной супружеской жизни... Жена не обязана подчиняться рѣшенію мужа, если оно представляется злоупотребленіемъ съ его стороны своимъ правомъ.

1360 п. 1. Мужъ обязанъ доставлять женѣ содержаніе, соразмѣрно со своимъ обществен-

ственному положенію и своимъ средствамъ.

532 пп. 1. 2. Отказаться отъ принятія опеки имѣютъ право:

1) женщины;

2) имѣющіе отъ роду свыше шестидесяти лѣтъ.

1943. При руководствѣ работою нанявшагося, а также при выборѣ доставляемыхъ ему орудій и инструментовъ и устройствъ всякаго рода необходимыхъ для работъ приспособленій, наниматель обязанъ заботиться о томъ, чтобы нанявшійся былъ настолько огражденъ отъ опасности для жизни и здоровья, насколько это, по свойству работъ, представляется возможнымъ...

1830. Въ обезпеченіе наемной платы, срокъ взноса которой наступилъ въ истекшемъ или текущемъ году, наймодавецъ имѣетъ закладное право на движимость нанимателя, находящуюся въ нанятомъ недвижимомъ имѣніи, какъ то: на мебель и другія вещи нанятаго помѣщенія, на товары, инструменты и прочіе предметы, служащіе для веденія хозяйства, торговли или промысла, а при наймѣ сельскаго имѣнія также на

нымъ положеніемъ, своимъ состояніемъ и своей трудоспособностью.

1786 пп. 1. 2. Отъ принятія опеки могутъ отказываться:

1) женщины;

2) лица, имѣющія свыше 60 лѣтъ отъ роду.

618. Наниматель обязанъ такъ приспособлять и содержать помѣщенія, устройство ихъ и орудія, которыя онъ предоставляетъ при исполненіи работъ, и такъ вести работы, которыя должны выполняться подъ его руководствомъ и надзоромъ, чтобы служащій былъ огражденъ отъ опасности для здоровія и для жизни настолько, насколько это возможно по свойству работъ...

559. Наймодавецъ земельного участка имѣетъ, въ обезпеченіе своихъ требованій по договору найма, закладное право на вещи, внесенныя нанимателемъ. Это закладное право не обезпечиваетъ будущихъ требованій о возмѣщеніи убытковъ, равно какъ наемныхъ платежей за время сверхъ текущаго и слѣдующаго наемнаго года. Ему подлежатъ вещи, которыя не подвергаются аресту

земледѣльческія орудія, скотъ и отдѣленные плоды имѣнія. Закладное право не распространяется на такую движимость, на которую не можетъ быть обращено взысканіе (ст. 973 уст. гр. суд.).

при обращеніи взысканія на движимое имущество.

585. Закладное право арендателя сельско - хозяйственнаго участка простирается на всѣ арендные платежи... Оно простирается и на плоды участка; равно какъ на вещи, которыя, по силѣ ст. 715 № 5 устава гражданского судопроизводства, не подвергаются аресту при обращеніи взысканія на движимое имущество.

VIII. Мы могли бы сдѣлать много и другихъ сравненій, но, думается намъ, и приведенныхъ достаточно, чтобы допустить возможность сильнаго вліянія общегерманскаго уложенія на проектъ (см. стр. 15 и сл.). Составители проекта вводятъ здѣсь, вслѣдъ за германскимъ уложеніемъ, такія новшества, которыя существенно затрагиваютъ интересы замужнихъ женщинъ, лицъ, продающихъ свой трудъ, квартиронаимателей, арендаторовъ. Такимъ образомъ, при посредствѣ общегерманскаго уложенія, составители русскаго проекта, вольно или невольно, могутъ одарить русскихъ гражданъ такими правами и обязанностями, которыя не только чужды русской жизни, но и вредны ей. Необходимо поэтому быть сугубо осторожнымъ съ предлагаемымъ нынѣ проектомъ русскаго уложенія. Въ свое время, когда Сперанскій, по образцу французскаго кодекса, создалъ проектъ русскаго гражданскаго уложенія, историкъ Карамзинъ возвысилъ свой голосъ, призывая Россіянъ не подчиняться гордому завоевателю Европы, хотя бы и въ видѣ признанія его уложенія. Для того-ли Россія существовала многія столѣтія, чтобы добровольно преклонить свою голову передъ Наполеономъ и положить его кодексъ „на святыи алтарь отечества“. Проектъ Редакціонной Комиссіи, составленный по образцамъ иностранныхъ кодексовъ и, въ частности, по общегерманскому уложенію, несомнѣнно грозитъ намъ также признаніемъ иностраннаго и, въ частности, германскаго права, подъ видомъ русскаго гражданскаго уложенія. Достаточно раскрыть проектъ, чтобы убѣдиться въ его нерусскомъ происхожденіи. Въ немъ повсюду сдѣланы ссылки

на уложенія и своды: Прибалтійскихъ губерній, Финляндіи, Саксоніи, Франціи, Германіи, Австріи, Сербіи, Польши, Пруссіи, Италіи, Цюриха, Калифорніи, Венгріи, Швейцаріи, Черногоріи, и даже встрѣчаются иногда ссылки на проекты иностранныхъ законодательствъ, но зато меньше всего—ссылокъ на дѣйствующіе гражданскіе законы и, въ частности, на сенатскую практику. И такой-то проектъ претендуетъ стать русскимъ гражданскимъ уложеніемъ, претендуетъ быть положеннымъ „на святой алтарь отечества"? Правда, въ наше время не было слышно страстныхъ протестовъ противъ проекта, если не считать пламеннаго протеста Боровиковскаго противъ ограниченія проектомъ правъ матери, но—кромѣ недостатка въ цивилистахъ, кромѣ общаго равнодушія къ цивилистикѣ въ широкихъ кругахъ населенія и непониманія имъ, насколько гражданское право существенно затрагиваетъ интересы общества,—причиною молчанія служить, быть можетъ, и то, что мало кто вѣритъ въ признаніе проекта уложеніемъ. Если въ настоящее время снова заговорили о внесеніи проекта въ законодательныя учрежденія, то это объясняется, повидимому, желаніемъ создать не столько русское гражданское уложеніе, сколько Россійское, или Уложеніе Россійской Имперіи, которое уничтожило бы сепаратизмъ гражданскаго права и укрѣпило бы единство Россіи. По ироніи судьбы, русскій націонализмъ склоненъ отстаивать введеніе нерусскаго гражданскаго уложенія, отказаться во многомъ отъ своего родного права, отъ того богатаго матеріала, который выработанъ самою жизнью съ помощью русской адвокатуры и судебныхъ установленій.

IX. Правда, рѣчь идетъ, повидимому, о введеніи, въ качествѣ единого, русскаго уложенія, лишь общей части и обязательственнаго права, какъ права наиболѣе космополитичнаго и поэтому въ меньшей мѣрѣ связаннаго съ національнымъ правомъ. Что касается общей части, то о космополитизмѣ ея не приходится говорить, ибо общая часть относится, какъ показываетъ и самое ея названіе, ко всему праву, а не къ одному обязательственному праву. Повидимому, на большій успѣхъ можетъ рассчитывать соображеніе о космополитизмѣ обязательственнаго права, какъ права капитала и кредита. Разумѣется, капиталъ и кредитъ интернаціональны, космополитичны, но движеніе капитала, быстрота оборота, надежность кредита зависятъ не только отъ капитала и кредита, но и отъ той среды, въ которой господствуетъ капиталъ и развивается кредитъ. Среда же не интерна-

ціональна, не космополитична. Есть страны и мѣстности, гдѣ добросовѣстность, эта самая надежная опора кредита, болѣе процвѣтаетъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, и есть страны, гдѣ необходимо самое тщательное культивированіе добросовѣстности въ гражданскомъ оборотѣ. Отвѣтственность по очисткѣ, а равно отвѣтственность за недостатки въ вещи, не м. б., поэтому, одинаково регулирована для всѣхъ странъ и народовъ. Отсюда, даже купля-продажа, эта наиболѣе интернаціональная сдѣлка, и она отчасти нуждается въ особой нормировкѣ. Нечего говорить о займѣ, а въ особенности о личномъ и имущественномъ наймѣ, который также требуетъ большей или меньшей охраны человѣческой личности, въ зависимости отъ культурности среды. 2. Есть далѣе, вопросы изъ области обязательственного права, какъ напримѣръ, о письменной формѣ договоровъ, о задаткѣ, обходѣ закона и правъ кредитора, которые не могутъ быть разрѣшены въ русскомъ правѣ на основѣ космополитизма. Россія—страна малограмотная. Правильно ли, поэтому, требовать, чтобы договоры свыше 300 руб. совершались письменно? Да, и въ современной теоріи гражданского права вопросъ о наилучшей формѣ заключенія договоровъ споренъ. Кто, далѣе, не знаетъ, что задатокъ, въ противоположность задатку на Западѣ, есть явленіе широко распространенное въ русскомъ гражданскому быту? 3. Наконецъ, обязательственное право затрогиваетъ отчасти и другія права: семейныя, наслѣдственныя и вещныя. Напр., договоръ даренія связанъ съ дареніемъ между супругами и вообще съ дареніемъ между родственниками въ цѣляхъ обхода закона. Договоры между супругами, уступка наслѣдства, договоры о содержаніи, договоры о воспитаніи дѣтей и т. д. и т. д. было бы лучше и болѣе правильно нормировать въ связи ихъ съ остальными частями гражданского уложенія. Ограниченія права собственности, виды вещныхъ правъ (суперficiй, эмфитевзисъ, сервитуты) оказываютъ существенное вліяніе на область обязательственного права. Вопросы владѣнія не лишены также значенія для обязательственного права. Ипотечная система, въ частности, служить лучшимъ обезпеченіемъ твердости правъ, вытекающихъ изъ купли-продажи и другихъ договоровъ. Разумѣется, возможно пренебречь: 1) средой, въ которой будетъ дѣйствовать обязательственное право, 2) связью обязательственного права съ вещнымъ, семейнымъ и наслѣдственнымъ правами, — пренебречь и создать, такъ сказать, сокращенное или упрощенное обязательствен-

ное право для всѣхъ странъ и народовъ. Ни нѣмцы, ни французы, ни другіе какіе либо народы не возьмутъ, разумѣется, для себя этого космополитично построеннаго права. Б. м., придетъ время, когда не только обязательственное право, но вообще и все гражданское право станетъ единымъ для всего міра, ибо почему, напр., учрежденіе брака менѣе космополитично по своей идеѣ, чѣмъ купля-продажа, но, вѣдь, не воспрещается вѣрить, что придетъ время, когда будетъ и едино стадо и одинъ пастырь. Будущій космополитизмъ права гражданского, въ частности обязательственнаго права, не слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, переносить на настоящій моментъ жизни народовъ. Торговое право по своей идеѣ еще болѣе космополитично, чѣмъ обязательственное право, однако, нѣтъ до сихъ поръ единаго, мірового торговаго права, а есть торговое право русское, французское и т. д. Обязательственное право въ Россіи не можетъ быть, наконецъ, нѣмецкимъ и въ то же время всероссійскимъ, потому что въ настоящій моментъ призваны къ гражданской жизни милліоны русскихъ крестьянъ. Необходимо, поэтому, быть нынѣ въ особенности осторожнымъ въ стремленіи создать космополитичное, на германскомъ уложеніи въ значительной степени основанное, руссійское обязательственное право.

Х. Но, быть можетъ, проектъ обязательственнаго права настолько совершененъ, что въ виду этого совершенства желательно пренебречь нѣкоторыми самостоятельными сторонами русскаго обязательственнаго права и неподготовленностью нашего крестьянства къ воспріятію кодекса западно-европейскаго бюргера? Откроемъ проектъ русскаго обязательственнаго права и общегерманское уложеніе. Сравнимъ, для примѣра, нѣсколько статей изъ того и другого.

Проектъ.

1632. Проценты могутъ быть требуемы вѣрителемъ на причитающіяся ему денежные суммы лишь въ томъ случаѣ, когда они назначены въ договорѣ или установлены закономъ. Опредѣленіе размѣра про-

Общегерманское уложеніе.

246. Если на какой либо долгъ должны начисляться проценты по закону или на основаніи сдѣлки, то таковые начисляются по четыре на сто въ годъ, если не было установлено иного.

центовъ предоставляется усмотрѣнію сторонъ. При неопредѣленіи въ договорѣ размѣра процентовъ, а равно въ случаяхъ, въ коихъ по закону причитаются проценты, они полагаются по пяти на сто въ годъ (узаконенные проценты).

Ст. 1632 проекта, очевидно, составляетъ вольное, длинное, мѣстами менѣе точное переложеніе краткой и ясной статьи 246 общегерманскаго уложенія. При этомъ спрашивается, почему „усмотрѣніе сторонъ” предпочитается болѣе соотвѣтствующей русскому обороту максимальной нормѣ процентовъ въ размѣрѣ 12%?

1640. Вѣритель обязанъ, по требованію лица, исполнившаго обязательство, выдать въ томъ росписку.

Росписка, по требованію должника, должна быть засвидѣтельствована у нотариуса, если съ засвидѣтельствомъ ея связаны по закону какія либо особыя послѣдствія.

1641. Вѣритель, одновременно съ принятіемъ исполненія по одностороннему письменному договору, обязанъ независимо отъ выдачи въ томъ росписки (ст. 1640) возвратить должнику самый актъ.

Въ случаѣ утраты акта, вѣритель обязанъ объяснить въ выдаваемой имъ должнику

368. Кредиторъ обязанъ по требованію выдать письменное удостовѣреніе въ полученіи удовлетворенія (платежная росписка). Если должникъ имѣетъ правомѣрный интересъ въ томъ, чтобы удостовѣреніе платежа было облечено въ иную форму, то онъ можетъ потребовать этого.

371. Если въ удостовѣреніе требованія былъ выданъ долговой документъ, то должникъ можетъ потребовать, сверхъ выдачи росписки, возвращенія долгового документа.

Если кредиторъ утверждаетъ, что возвращеніе документа для него невозможно, то должникъ можетъ потребовать засвидѣ-

ропискѣ обстоятель-
ства, сдѣлавшія воз-
вращеніе акта невоз-
можнымъ; росписка эта, по
требованію должника, должна
быть засвидѣтельство-
вана у нотаріуса.

тельствованнаго въ устано-
вленномъ порядкѣ призна-
нія, что долгъ погашенъ.

Уже самое поверхностное сравненіе стт. 1640 и 1641 про-
екта Редакціонной Комиссіи съ стт. 368 и 371 общегерман-
скаго уложенія говоритъ намъ, что стт. 1640 и 1641 даютъ
лишь неточный пересказъ статей 368 и 371. Краткое, прин-
ципальное выраженіе: „правомѣрный интересъ,” замѣ-
нено многословнымъ, неопредѣленнымъ, казуистическимъ вы-
раженіемъ: „если съ засвидѣтельствомъ ея (росписки) связаны по закону какія либо особыя
послѣдствія (?)”. Болѣе точное выраженіе: „долго-
вой документъ”, замѣнено менѣе точнымъ: „односторон-
нимъ письменнымъ договоромъ”. Далѣе, „невоз-
можность возвращенія документа” замѣнена кон-
кретнымъ случаемъ „утраты акта”, хотя вслѣдъ за тѣмъ
и говорится объ обстоятельствахъ, сдѣлавшихъ „возвра-
щеніе акта невозможнымъ”. Наконецъ, въ ст. 371
общегерманскаго уложенія рѣчь идетъ объ особой формѣ
погашенія долга; въ проектѣ же рѣчь идетъ о внесеніи вы-
шеупомянутыхъ обстоятельствъ въ платежную росписку, что
не означаетъ, само по себѣ, погашенія долга.

1642. Лицо, обязанное
передать особливо опре-
дѣленное движимое иму-
щество, въ правѣ удер-
жать его у себя, въ видѣ
обезпеченія до тѣхъ поръ,
пока ему не будутъ воз-
мѣщены произведенныя имъ
издержки на имущество
либо причиненныя иму-
ществомъ убытки или
же не будетъ предоставлено
соотвѣтствующее обезпече-
ніе.

1000. Владѣлецъ мо-
жетъ отказать въ выдачѣ
вещи, пока онъ не полу-
лучитъ удовлетворенія за
издержки, подлежащія
возмѣщенію.

Право удержанія не пре-
доставляется ему, если онъ
добылъ вещь посредствомъ
умышленно совершен-
наго недозволеннаго
дѣйствія.

Означеннаго права не имѣетъ лицо, получившее вещь посредствомъ недозволеннаго дѣйствія.

Сравненіе приведенныхъ статей говоритъ опять за переложеніе Редакціонной Комиссией ст. 1000 общегерманскаго уложенія на русскій языкъ въ видѣ ст. 1642 проекта и опять за переложеніе едва ли удачное. Право удержанія есть видъ самозащиты. Современное гражданское право допускаетъ самозащиту, какъ и самоуправство, въ видѣ исключенія. Поэтому общегерманское уложеніе говоритъ о „возмѣщеніи лишь издержекъ“, произведенныхъ на вещь. Составители же проекта имѣютъ въ виду и „причиненные имуществомъ убытки“. Къ тому же, введеніе у насъ „права удержанія“ едва ли цѣлесообразно. Составители проекта ссылаются въ оправданіе своего новшества на практику волостныхъ судовъ, точнѣе, на Пахмана, на науку и иностранную законодательную практику, но забываютъ, однако, что они вводятъ въ русскую жизнь еще одно могучее средство уклоняться отъ исполненія обязательства. Русское право и безъ того даетъ слишкомъ много поводовъ затянуть и замедлить исполненіе обязательства. Составители проекта, вводя и расширяя „право удержанія“, безъ крайней необходимости усиливаетъ зло русской жизни, ея гражданского оборота. У ловкаго должника найдутся, конечно, издержки и убытки для удержанія вещи въ своихъ рукахъ. Составители проекта не приняли этого во вниманіе. Слѣдуя за общегерманскимъ уложеніемъ, они вводили, повидимому, новый институтъ, потому что онъ принятъ общегерманскимъ уложеніемъ и вообще современнымъ гражданскимъ правомъ.

1724. По договору продажи продавецъ передаетъ или обязуется продать недвижимое или движимое имущество въ собственность покупщику за условленную денежную сумму (покупную цѣну).

433. По договору купли продавецъ вещи обязуется передать вещь покупщику и доставить ему право собственности на оную. Продавецъ права обязанъ доставить покупщику продан-

Соотвѣтственныя правила о продажѣ примѣняются также къ возмездной уступкѣ правъ и исковъ.

ное право и, если оно управомочиваетъ на владѣніе вещь, то передать вещь. Покупатель обязанъ уплатить продавцу условленную цѣну и взять у него купленную вещь.

Сравненіе данныхъ статей показываетъ похвальное стремленіе составителей проекта выразить болѣе кратко соотвѣствующую статью нѣмецкаго подлинника. Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ, статья 1724 едва ли м. б. признана удовлетворительной. 1) Въ ст. 1724 дается опредѣленіе купли-продажи, въ ст. же 433 перечисляются основныя обязанности продавца и покупателя. 2) Не дѣло законодателя заниматься опредѣленіями. Опредѣленіе купли-продажи не подчеркиваетъ здѣсь, къ тому же, сущности купли-продажи, какъ двухсторонняго договора. 3) Конецъ статьи 1724: „соотвѣтственныя правила” и т. д., есть, очевидно, неясное обобщеніе яснаго постановленія ст. 433 общегерманскаго уложенія.

1733. Продавецъ обязанъ передать покупщику проданное имущество и отвѣчать передъ покупщикомъ въ томъ, что оно имѣетъ надлежащія качества и не будетъ ни въ цѣломъ, ни въ части отсуждено отъ покупщика (обязательство очистки).

433. Продавецъ обязанъ доставить покупателю проданный предметъ чистымъ отъ правъ, которыя могли бы быть осуществлены противъ покупателя третьими лицами.

Составители проекта сплошь и рядомъ не удерживаются отъ соблазна дать опредѣленія юридическихъ институтовъ и, къ глубокому сожалѣнію, нерѣдко даютъ опредѣленія неудачныя (см. выше опредѣленіе договора купли-продажи, ниже опредѣленіе дѣеспособности). И въ данномъ случаѣ, составители проекта, опредѣляя очистку, вводятъ въ это понятіе отвѣтственность не только за недостатки въ правѣ (очистка, эвикція), но и за недостатки въ вещи, за „надлежащія качества”, что не входитъ, какъ изъ-

вѣстно, въ понятіе очистки. Условіе очистки составляетъ отсужденіе вещи, т. е. признаніе судомъ какого либо права на вещь за третьимъ лицомъ. Отвѣтственность за качества вещи не предполагаетъ ни притязаній третьихъ лицъ, ни, тѣмъ болѣе, отсужденія. Составители проекта въ дальнѣйшемъ и сами не придерживаются даннаго ими понятія очистки и слѣдуютъ потомъ за общегерманскимъ уложеніемъ вполне правильно (ср. стг. 1742 и 1743 проекта съ ст. 443 общегерманскаго уложенія).

Произведенный сравнительный разборъ нѣкоторыхъ статей проекта обязательственнаго права и общегерманскаго уложенія имѣетъ симптоматическое значеніе. Этотъ разборъ показываетъ намъ, что проектъ обязательственнаго права не есть только подражаніе общегерманскому уложенію, но, къ тому же, подражаніе неудачное по содержанію и по формѣ. Вотъ еще почему необходимо оставить мысль о космополитизмѣ обязательственнаго права. Имъ нельзя оправдать появленія у насъ проекта обязательственнаго права въ качествѣ единаго, россійскаго уложенія.

XI. Не лучше съ внѣшней стороны проектъ и въ другихъ своихъ частяхъ, чѣмъ въ обязательственномъ правѣ. Обиліе статей, написанныхъ тяжелымъ, переводнымъ, нерусскимъ языкомъ, казуистичность въ формулировкѣ правовыхъ принциповъ и, повидимому, даже боязнь ихъ, неточность въ юридическихъ терминахъ, все это невыгодно характеризуетъ проектъ русскаго гражданскаго уложенія. Напр., въ ст. 6 проекта дѣеспособность опредѣляется, какъ „способность лица самостоятельно располагать собою и своимъ имуществомъ“. Что значитъ „располагать“? Если, напр., мы идемъ гулять, располагаемъ ли мы собою? Но, развѣ это „дѣеспособность“ въ юридическомъ значеніи этого слова? Если я кладу свою книгу къ себѣ въ карманъ пальто, располагаю ли я своимъ имуществомъ? Наконецъ, уложеніе не-учебникъ. Спрашивается поэтому, зачѣмъ нужно было давать опредѣленіе дѣеспособности и вообще юридическія понятія? Или примѣръ еще: по ст. 9 проекта „жена можетъ избрать отдѣльное отъ мужа мѣсто жительства: 3) въ случаѣ переселенія мужа въ такое мѣсто, куда жена не обязана за нимъ слѣдовать“. Что это за точность въ формулировкѣ? Правда, въ объясненіяхъ къ ст. 9 п. 3 дѣлается ссылка на ст. 234 про-

екта, но въдь проектъ, ставъ уложеніемъ, печатается безъ объясненій. Примѣромъ казуистичности можетъ служить ст. 39 проекта: „Принадлежностью сельскохозяйственнаго имѣнія признается живой и мертвый инвентарь его, какъ то: рабочій и домашній скотъ, земледѣльческія орудія, машины, инструменты, посуда, упряжь, повозки, заготовленные на текущій хозяйственный годъ удобреніе для имѣнія и топливо для хозяйственныхъ построекъ, заведеній и машинъ, запасы зернового хлѣба, сѣна, соломы и другихъ произрастеній земли, необходимыя для наступающаго посѣва и содержанія людей и рабочаго скота въ имѣніи впредь до новаго урожая“. При чтеніи этой статьи невольно возникаетъ мысль о ея громоздкости и бесполезности, ибо какое же это уложеніе, основанное на принципахъ, когда мы находимъ въ немъ подобныя утомительныя перечисленія и, въ конечномъ счетѣ, все же неполныя и неточныя. Такія перечисленія, боязнь принциповъ, характерны для составителей проекта русскаго гражданскаго уложенія. Чѣмъ же въ этомъ отношеніи проектъ превосходитъ томъ X ч. 1? Вотъ еще для сравненія ст. 36 проекта и ст. 389 т. X ч. 1.

Ст. 36 проекта.

Къ составу домовъ, фабрикъ, заводовъ и другихъ строеній и сооружений принадлежитъ все, что къ землѣ или зданію прикрѣплено либо пристроено, какъ то лѣстницы, двери, рамы и стекла въ окнахъ, трубы, печи, зеркала въ стѣнахъ, обои, машины, водопроводы.

Ст. 389 т. X ч. 1.

Принадлежности домовъ суть: части оныхъ, составляющія внутреннюю и наружную отдѣлку, и тѣ украшенія, которыя невозможно отдѣлить отъ зданія безъ поврежденія, какъ то: мраморныя, краснаго дерева и другого рода полы, мраморныя, мѣдныя или чугуныя камины, дорогія обои, зеркала въ стѣнахъ и т. д.

Проектъ не говоритъ о дорогихъ полахъ; т. X ч. 1 упоминаетъ о дорогихъ полахъ, каминахъ и вообще украшеніяхъ. Развѣ въ этомъ перечисленіи суть дѣла? Да, къ тому же, перечисленіе это и неполно. О водопроводахъ сказано, а о газовыхъ, электрическихъ проводахъ не упомянуто.

ХП. Итакъ, проектъ Редакціонной Комиссіи и съ внутренней, и съ виѣшней стороны едва ли можетъ рассчитывать на признаніе его въ качествѣ русскаго гражданскаго уложенія. Сказаннымъ, однако, не предрѣшается вопросъ о составленіи другого, болѣе лучшаго проекта, чѣмъ проектъ Редакціонной Комиссіи. Составить такой проектъ, разумѣется, возможно, но вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ, однако, серьезный вопросъ: можно ли рассчитывать, что и новый проектъ сдѣлается русскимъ гражданскимъ уложеніемъ?

Составители проекта Редакціонной Комиссіи несомнѣнно отнеслись къ своей задачѣ весьма серьезно и добросовѣстно. Проектъ, съ мотивами къ нему, займетъ весьма почтенное мѣсто въ русской цивилистической литературѣ и сдѣлается необходимымъ пособіемъ для преподаванія гражданскаго права и дальнѣйшей его научной и законодательной разработки. Правда, составители проекта неправильно намѣтили себѣ задачу: произвести учетъ современному гражданскому правосознанію вмѣсто того, чтобы сдѣлать учетъ дѣйствующей сенатской практикѣ и на этомъ учетѣ основать дальнѣйшую разработку проекта, но — и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, едва ли можно рассчитывать на полную удачу. Дѣло въ томъ, что составленіе уложенія требуетъ наличности такихъ уловій, которыми въ настоящее время не располагаетъ русская жизнь. Здѣсь мы подходимъ къ выясненію того, что такое есть уложеніе или, иначе, что такое кодификація гражданскаго права?

По существу, кодексъ или уложеніе есть высшее выраженіе правомѣрности; по формѣ, это есть совокупность общихъ нормъ: 1) расположенныхъ въ опредѣленной системѣ, 2) связанныхъ единствомъ принциповъ, 3) способныхъ къ самовосполненію. Иными словами, кодексъ есть краткое, систематическое выраженіе развитого права извѣстной эпохи, успѣвшей выработать опредѣленные правовые принципы, на которыхъ, какъ на своемъ основаніи, и зиждется гражданское право. Тамъ, поэтому, гдѣ нѣтъ принциповъ, послѣдовательно проведенныхъ во всей системѣ, тамъ нѣтъ кодекса, а можетъ быть кодексъ лишь по названію, мнимый, фальсифицированный кодексъ, а ненастоящій кодексъ. Съ созданіемъ настоящаго, дѣйствительнаго кодекса, какъ выраженія завершившагося права опредѣленной эпохи, должно ослабѣть напряженное правовое творчество, ибо самъ кодексъ способенъ къ самовосполненію. Вотъ почему юристы опасаются иногда слишкомъ ранняго появленія кодекса. Они боятся, что

кодексъ внесетъ имъ чуждые принципы и вообще понизить напряженность и качество работы юридической мысли раньше времени. Хотя противъ этихъ опасеній и возражаютъ, но, тѣмъ не менѣе, какъ показываетъ примѣръ Германіи, опасенія эти, б. м., не напрасны.

Умѣстно теперь поставить вопросъ: закончилось ли или заканчивается ли развитіе гражданскаго права нашей эпохи? Выработались ли у насъ правовые принципы, которые могутъ быть положены въ основу русскаго гражданскаго уложенія? Можемъ ли мы, поэтому, говорить о необходимости и возможности появленія въ настоящее время русскаго гражданскаго уложенія?

ХІІІ. Къ глубокому сожалѣнію, въ русской жизни не выработаны еще принципы, которые могли бы лечь въ основу нашего гражданскаго уложенія. Въ особенности это умѣстно сказать въ настоящее время, когда многомилліонное крестьянство, какъ замѣчено выше, призвано къ гражданской жизни, къ участію въ гражданскомъ оборотѣ. При такомъ положеніи дѣла, можно, конечно, создать уложеніе сверху, т. е. въ кабинетахъ ученыхъ и практиковъ, но едва ли слѣдуетъ сомнѣваться, что на другой день, по изданіи такого уложенія, будутъ уже говорить о необходимости составленія новаго уложенія. Настоящее уложеніе создается изъ требованій самой жизни, ея гражданскаго оборота, создается снизу, а не сверху, не въ тиши кабинетовъ, перегруженныхъ оригинальными и переводными уложеніями иностранныхъ государствъ. Не надо, далѣе, забывать, что въ наши времена гражданское право, на ряду съ нѣкоторыми другими учрежденіями, призвано смягчать социальныя противорѣчія современнаго строя жизни. Общегерманское уложеніе учло этотъ моментъ времени, но—далеко не въ достаточной степени. Въ русской жизни социальныя противорѣчія менѣе ощутительны, чѣмъ на Западѣ, но и наше гражданское уложеніе должно считаться съ ними.

Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что какіе бы хирурги права ни были приглашены создать русское уложеніе, они его не создадутъ, т. е. не создадутъ дѣйствительнаго уложенія. Уложеніе не возникаетъ по желанію. Придетъ его часъ, и оно появится какъ бы само собою. Французское уложеніе, которое имѣло глубокое вліяніе на гражданское право Европы, было создано едва ли не въ четыре мѣсяца. Германское уложеніе, безусловно менѣе совершенное, по сравненію съ французскимъ уложеніемъ, конечно, каждое для своего времени,

потребовало много лѣтъ для своего созданія, и это—несмотря на пышный расцвѣтъ цивилистической науки въ Германіи. Высочайшее повелѣніе о приступѣ къ общему пересмотру гражданскихъ законовъ состоялось въ 1882 г., и лишь черезъ 20 съ лишнимъ лѣтъ появился на свѣтъ проектъ, который продолжаетъ и донинѣ лежать въ ожиданіи дальнѣйшаго движенія. Уже этотъ фактъ столь продолжительнаго изготавленія проекта краснорѣчиво говоритъ, что не настало еще время появиться на свѣтъ Божій русскому гражданскому уложенію.

XIV. А если все это такъ, если правовая жизнь страны не требуетъ въ настоящее время подведенія итога правовому развитію, т. е. не требуетъ изданія уложенія, то, надо сказать правду, нѣтъ въ уложеніи въ настоящее время и необходимости. Скажемъ даже болѣе, что нѣтъ не только необходимости, но нѣтъ и возможности создать уложеніе. Всякая же фальсификація уложенія будетъ только вредна странѣ. Она вызоветъ задержку въ развитіи права, вырастающаго въ связи съ требованіями жизни, и введетъ чуждыя ей начала, способныя дать мѣсто терніямъ и волчцамъ.

Что же дѣлать? Что необходимо въ настоящее время предпринять?

1. Необходимо дать русской жизни время преобразоваться на новыхъ началахъ, а юриспруденціи и практикѣ уяснить себѣ тѣ принципы, на которыхъ могло бы быть построено русское гражданское уложеніе. Бояться опозданія не слѣдуетъ. Французскій кодексъ несомнѣнно устарѣлъ, но, съ помощью судебной практики и законодательныхъ новеллъ, онъ сумѣлъ отпраздновать свой столѣтній юбилей и вступить во второе столѣтіе своего существованія. Австрійское уложеніе представляетъ собою поистинѣ „музей древностей“, однако лучшіе цивилисты высказываются противъ новаго уложенія и стоятъ за частичный пересмотръ уложенія стараго. Англо-американское право до сихъ поръ не кодифицировано, а между тѣмъ развитіе англійскаго и американскаго (С.-А. Штатовъ) гражданскаго права идетъ своимъ нормальнымъ путемъ. Наконецъ, кто можетъ отрицать совершенство римскаго права, а оно никогда не было кодифицировано. Юстиніаново законодательство есть не что иное, какъ только сводъ законовъ, лишенный внутренняго единства и цѣльности.

2. Необходимо теперь же, путемъ частичнаго пересмотра т. Хч. 1, исправить въ законодательномъ порядкѣ са-

мые существенные его недостатки, которые не могут быть обезврежены сенатской практикой. Путь этот наиболее целесообразный. 1) Частичное улучшение гражданского законодательства может последовать более быстро, чѣмъ введеніе какого либо новаго уложенія. 2) Ошибки частичнаго законодательства, провѣреннаго въ самой жизни, могутъ быть исправлены ко времени изданія русскаго уложенія. 3) Цѣлесообразность такого частичнаго улучшенія нашего законодательства уже признана. Законопроекты объ авторскомъ правѣ, о правѣ застройки уже сдѣлались предметомъ обсуждения законодательныхъ учреждений. Готовятся къ внесенію въ Государственную Думу и другіе законопроекты, улучшающіе наше гражданское право.

На первую очередь необходимо поставить: реформу развода и раздѣльнаго жительства супруговъ, опеку несовершеннолѣтнихъ, уравненіе въ наслѣдственномъ правѣ женскаго пола съ мужскимъ, ипотечную систему и вообще вопросъ о большей обезпеченности залогодателя, личный наемъ и, въ частности, наемъ домашней прислуги, обезпеченіе исполненія обязательства и вообще ограниченіе недобросовѣстности и обхода закона, которые пышно расцвѣли въ русскомъ гражданскомъ оборотѣ и кое - какія другія реформы. Проекты реформъ нѣкоторыхъ сторонъ права брачнаго и права наслѣдственнаго уже разрабатываются.

3. Необходимо, чтобы сенатская практика, съ помощью которой творится новое русское гражданское право, широко взглянула на предстоящія ей задачи. Нужно отбросить излишнюю осторожность и последовать примѣру римскаго права: проводить въ жизнь начала доброй совѣсти и справедливости. Въ послѣднее время сенатъ начинаетъ, повидимому, занимать новыя позиціи. Такъ, напримѣръ, въ интересахъ мобилизаціи недвижимости, сенатъ разрѣшаетъ передачу закладныхъ по особымъ актамъ; или еще примѣръ, сенатъ начинаетъ создавать институтъ отказа, который раньше онъ же рѣшительно отрицалъ. Сенатъ вноситъ, далѣе, новое начало въ судебную практику института давностнаго владѣнія (ст. 567 т. X ч. 1) и т. д. Въ целесообразной практикѣ сената несомнѣнно лежитъ залогъ успѣха въ дѣлѣ созданія будущаго русскаго уложенія.

4. Необходимо, далѣе, усилить юридическое обра-

зованіе въ Россіи. Съ этою цѣлью слѣдуетъ увеличить въ университетахъ число кафедръ гражданскаго права, поспѣшить съ открытіемъ юридическаго факультета въ Саратовскомъ университетѣ, преобразовать Демидовскій Юридическій Лицей въ университетъ, хотя бы и съ однимъ юридическимъ факультетомъ, допустить къ судебной практикѣ женщинъ и, въ частности, организовать на серьезныхъ началахъ практическія занятія на юридическихъ факультетахъ. Съ этою послѣднею цѣлью въ университетахъ необходимы особыя лица для веденія практическихъ занятій, а участіе въ практическихъ занятіяхъ должно быть сдѣлано для студентовъ безусловно обязательнымъ.

Какъ можно создать уложеніе странѣ, гдѣ едва существуетъ журналъ „Право“ и, милостью казны, процвѣтаетъ „Журналъ Министерства Юстиціи“, гдѣ робко нащупываютъ почву: „Вопросы права“, „Юридическія Записки“? Юридическое образованіе въ Россіи нуждается въ полномъ вниманіи правительства и общества. Оно есть, безспорно, самая надежная гарантія успѣха въ созданіи достойнаго Россіи гражданскаго уложенія.

Россія имѣетъ всемірно извѣстную литературу. Россія извѣстна Европѣ въ лицѣ своихъ лучшихъ криминалистовъ, химиковъ, медиковъ, историковъ, филологовъ, естествоиспытателей, какъ равно и математиковъ. Россія почти не извѣстна Европѣ въ лицѣ своихъ цивилистовъ. Придетъ время: цивилистика, популярная въ Россіи своею непопулярностью, сдѣлаетъ свое дѣло; она попробуетъ создать имя Россіи и съ этой стороны. Воздержимся, поэтому, отъ заимствованій изъ иностранныхъ уложеній,—заимствованій, къ тому же, не всегда удачныхъ и полезныхъ для нашего гражданскаго оборота. Мы имѣемъ свой матеріалъ: сенатскую практику. Необходимо ее собрать, изучить и привести въ порядокъ. Изученный матеріалъ необходимо положить въ основу дальнѣйшей практики и частичнаго законодательства въ цѣляхъ созданія въ будущемъ русскаго гражданскаго уложенія.

И, нѣтъ сомнѣнія, придетъ время, и придетъ скорѣе, чѣмъ можно то ожидать, когда русское гражданское уложеніе создастся такъ же свободно и легко, какъ свободно и легко въ свое время возникъ впервые чарующій стихъ Пушкина, какъ неожиданно создались глубоко волнующіе душу, свое-

образные звуки музыки Глинки, Чайковского и другихъ нашихъ композиторовъ. Необходимо подождать съ изданіемъ уложенія. Уложеніе—не просто хорошая, нужная людямъ книга. Уложеніе, это—гордость страны, доказательство ея правового развитія, ума и таланта.

Грюнвальдская битва.

Историческое значение ея ¹⁾.

Въ настоящемъ году исполнилось 500 лѣтъ со дня Грюнвальдской битвы. Въ послѣднее время чрезвычайно много писалось—въ особенности въ польской исторической литературѣ—о великомъ историческомъ значеніи ея. Поляки, разбившіе наголову въ этомъ сраженіи Тевтонскихъ рыцарей, приписываютъ данному событію громадную историческую роль, предполагая, что имъ удалось нанести нѣмцамъ сильный ударъ и даже остановить или, по крайней мѣрѣ, задержать напоръ германскаго міра на славянскій. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ упадкѣ политическаго могущества Ордена они склонны усматривать непосредственные результаты пораженія тевтонскихъ рыцарей подѣ Грюнвальдомъ. Кромѣ того, весь успѣхъ въ блестящемъ исходѣ сраженія поляки приписываютъ себѣ, забывая, что значительная часть войска состояла изъ русскихъ, литовцевъ, чеховъ и даже татаръ. Разсмотрѣніе того, какова была въ дѣйствительности историческая роль битвы подѣ Грюнвальдомъ, и составитъ предметъ моего настоящаго доклада. Въ высшей степе-

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ 14 ноября 1910 года.

ни интересно познакомиться съ тѣмъ, какъ поняли и выполнили поляки свою задачу бороться съ опасностью, грозившею имъ со стороны нѣмецкаго элемента, какъ справились они съ этой задачей въ началѣ XV вѣка, и насколько умѣло использовали они выпавшій на ихъ долю военный успѣхъ 15 іюля 1410 года.

I.

Мазовецкій князь Конрадъ, не будучи въ состояніи справиться съ тѣснившими его съ сѣвера литовскими племенами, обратился во второй четверти XIII в. къ Тевтонскому ордену за помощью. Очень кстати пришло для послѣдняго это предложеніе Конрада Мазовецкаго, такъ какъ въ указанное время Орденъ былъ озабоченъ отысканіемъ въ Европѣ мѣста, гдѣ бы ему поудобнѣе устроиться, потому что въ Палестинѣ его роль, равно какъ и другихъ рыцарскихъ монашескихъ орденовъ, была окончена вслѣдствіе паденія Іерусалимскаго королевства, а изъ Трансильваніи, гдѣ Тевтонскіе рыцари разсчитывали основаться, ихъ какъ разъ въ это время всячески старались выпроводить. Принимая охотно приглашеніе Конрада Мазовецкаго явиться на берега Вислы, чтобы начать борьбу съ язычниками-литовцами, Тевтонскій орденъ не удовольствовался, однако, тѣмъ, что этотъ князь предоставилъ ему Кульмскую землю, но онъ выхлопоталъ себѣ у императора Фридриха II Гогенштауфена грамоту, въ силу которой всѣ земли, которыя будутъ завоеваны Орденомъ, должны принадлежать ему.

Такимъ образомъ, Орденъ, откликаясь на зовъ Конрада Мазовецкаго, шелъ уже, во-первыхъ, съ заранѣе обдуманномъ планомъ создать государство на берегахъ Балтійскаго моря, а, во-вторыхъ, старался обезпечить себѣ самостоятельность и независимость отъ поляковъ

и не порывалъ связей съ Священною Римскою Имперіей нѣмецкой націи.

За борьбу съ литовцами Орденъ принялся очень энергично. Завоеваніе литовскихъ земель совершалось по системѣ тщательно выработанной. Вновь прибрѣтенныя земли тотчасъ заселялись колонистами, пришедшими по преимуществу изъ Германіи. Въ поселенцахъ въ это время недостатка не было, такъ какъ въ XIII в. въ Западной Европѣ замѣчался сильный приростъ населенія, и большая колонизаціонная волна непрерывно направлялась на востокъ и, между прочимъ, шла въ за-эльбскія земли. Быстро стали выростать теперь на прежнихъ литовскихъ земляхъ на востокъ отъ Вислы города и деревни. Основывались они на нѣмецкомъ правѣ. И не прошло ста лѣтъ, какъ на сѣверѣ Польши, между Вислою и Нѣманомъ, выросло сильное, богатое государство. Кромѣ того, Тевтонскій орденъ въ 1237 г. соединился съ орденомъ Меченосцевъ. Тевтонскіе рыцари совершенно отрѣзали Польшу отъ моря. Даже того доступа къ Балтійскому морю, на который поляки могли рассчитывать, благодаря прибрѣтенію Поморья съ городомъ Гданскомъ (Данцигомъ) въ концѣ XIII в., они вскорѣ окончательно лишились въ началѣ XIV в. Когда линія поморскихъ князей угасла въ лицѣ Мествина II въ 1294 г., претендентами на его наслѣдіе явились Бранденбургъ, Польша и Тевтонскій орденъ. Польша взяла верхъ и ей досталось Поморье. Но она не сумѣла удержать его въ своихъ рукахъ. Поморье вскорѣ перешло къ Тевтонскому ордену. Уже въ 1309 году онъ присоединилъ Поморье къ своимъ владѣніямъ, уплативъ за него бранденбургскому маркграфу 10,000 марокъ серебромъ. Такимъ образомъ, полякамъ былъ окончательно закрытъ доступъ къ Балтійскому морю.

Если мы, кромѣ того, бросимъ взглядъ на внутреннюю жизнь государства, созданнаго Тевтонскимъ орденомъ, то намъ станетъ совершенно понятнымъ, какая

серьезная опасность угрожала Польшѣ со стороны ея новаго сосѣда, такъ какъ и въ культурномъ, и въ экономическомъ отношеніи она значительно отстала отъ него,

Все управленіе государствомъ, созданнымъ Тевтонскимъ орденомъ, находилось въ рукахъ гохмейстера ордена, резиденціей котораго съ начала XIV в. сдѣлался недавно основанный городъ Маріенбургъ (въ 1275 году), куда въ 1309 году перенесъ свое мѣстопробываніе изъ Венеціи гохмейстеръ Зигфридъ фонъ - Фейхтвангенъ. Выстроенный въ Маріенбургѣ замокъ принадлежалъ къ числу красивѣйшихъ и обширнѣйшихъ во всей Германіи и вызывалъ всеобщее восхищеніе. Власть гохмейстера была ограничена совѣтомъ пяти высшихъ чиновниковъ въ орденѣ: великаго комтура, являвшагося въ случаѣ надобности замѣстителемъ гохмейстера, и вступавшаго въ управленіе дѣлами ордена, когда послѣдній умиралъ; маршала ордена, вѣдавшаго военную часть; главнаго начальника госпиталей (Ordensspittler); казначея ордена (Ordenstressler); и, наконецъ, Ordenstrappier'a, заботившагося объ обезпеченіи войска одеждою, амуниціею, провіантомъ, однимъ словомъ, несшаго обязанности, которыя составляютъ теперь задачу интендантскаго управленія. Безъ совѣщанія съ указанными лицами гохмейстеръ не могъ принимать рѣшеній государственной важности. Управленіе во владѣніяхъ Ордена было хорошо организовано. Онъ заботился, чтобы чиновники усердно и добросовѣстно исполняли свои обязанности, и имъ предписывалось внимательно относиться къ интересамъ народонаселенія. Управленіе носило характеръ чисто бюрократическій, и только къ концу XIV столѣтія начинается нѣкоторое участіе земскихъ чиновъ въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ.

Подъ умѣлымъ управленіемъ Ордена быстро развивалось благосостояніе молодого государства. Пустынная, дикая страна покрылась торговыми, цвѣтущими городами. Въ 1410 году, въ годъ Грюнвальдской битвы, во

владѣніяхъ Тевтонскаго ордена насчитывалось 93 города. Деревень тамъ было въ это время 1400 ¹⁾. Нѣмецкіе крестьяне пользовались полною личною свободою и до XV в. не было прикрѣпленія къ землѣ. Правда, съ XV в. положеніе крестьянъ начало быстро ухудшаться ²⁾. Что же касается туземнаго населенія, то его положеніе, какъ покореннаго, было всегда самымъ печальнымъ и близкимъ къ рабству. Орденъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы развить земледѣліе: осушались болота, устраивались плотины, чтобы увеличить площадь годныхъ для обработки земель; вводилась культура нѣкоторыхъ неизвестныхъ дотолѣ въ краѣ растений. Разводился даже виноградъ и есть свѣдѣнія, что изъ него приготавливалось вино ³⁾. Скотоводство также было развито ⁴⁾.

Города достигли высокой степени экономическаго процвѣтанія. Съ XIV в. они занимаютъ очень видное мѣсто среди ганзейскихъ городовъ. Кульмъ, Торнъ, Данцигъ, Эльбингъ, Кенигсбергъ, Браунсбергъ образуютъ одну изъ важнѣйшихъ группъ ганзы, по словамъ Затлера. Данцигъ въ XIV в. занимаетъ по торговлѣ второе мѣсто послѣ Любека ⁵⁾. Но и самъ Орденъ ведетъ крупную торговлю. Ведя хозяйство самостоятельно въ принадлежавшихъ ему громаднѣхъ имѣніяхъ, онъ имѣлъ массу хлѣба, котораго не только съ избыткомъ хватало для его собственныхъ надобностей, но еще оставалось огромное количество для продажи. Орденская казна получала доходы не только отъ торговли продуктами, доставлявшимися собственными имѣніями, но у нея было много и разныхъ другихъ статей дохода, какъ, напр.,

¹⁾ Sattler. Der Staat des Deutschen Ordens in Preussen zur Zeit seiner Blüthe (Historische Zeitschrift herausgegeben von H. von Sybel. Bd. 49), p. 239.

²⁾ Kern. Beiträge zur Agrargeschichte Ostpreussens. Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte, t. XIV, pp. 151—152.

³⁾ Lavissee. Études sur l'histoire de Prusse, p. 141.

⁴⁾ Idem., p. 142.

⁵⁾ Sattler, o. c., p. 240.

монетная регалия, соляная, янтарная и нѣкоторыя иныя ¹⁾. Прямыхъ налоговъ въ Пруссіи до битвы при Грюнвальдѣ не было ²⁾. Какъ былъ богатъ Тевтонскій орденъ, можно заключить уже изъ того, что доходы этого государства въ моментъ наивысшаго расцвѣта его могущества достигали почти до 2 миллионовъ талеровъ на современныя нѣмецкія деньги, а доходы богатѣйшаго въ XV в. въ Европѣ торговаго государства—Венеціи превышали только нѣсколько 3 миллиона; что же касается доходовъ богатой Флоренціи, то они равнялись всего 900 тысячамъ талеровъ въ годъ ³⁾.

Но Орденъ, создавшій сильное, богатое, культурное государство ⁴⁾, сталъ, однако, къ началу XV вѣка терять прежнее нравственное обаяніе въ своихъ земляхъ, и власть его начала клониться къ упадку. Управление рыцарей-монаховъ уже отжило свой вѣкъ. И въ городахъ, и среди прусскаго дворянства развивалось сильное недовольство противъ Тевтонскихъ рыцарей. Въ Пруссіи зарождалось движеніе враждебное имъ. Разладу въ этой странѣ не мало способствовало и то обстоятельство, что Тевтонскіе рыцари, ведшіе сами крупную торговлю, подрывали коммерческіе интересы городовъ, являлись ихъ соперниками, и политика Ордена приносила часто ущербъ самымъ жизненнымъ интересамъ населенія.

Въ этотъ то моментъ начала упадка Тевтонскаго ордена и внутренняго ослабленія его началось столкно-

¹⁾ Sattler, o. c., p. 249.

²⁾ Ibid., p. 251.

³⁾ Schmoller. Umriss und Untersuchungen zur Verfassungs- Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte besonders des Preussischen Staates (Leipzig. 1898), p. 111—112.

⁴⁾ Поляки во время войны 1410 года и во время послѣдующихъ военныхъ походовъ въ Пруссію удивлялись чрезвычайному богатству и благосостоянію этого государства. Длугошъ не разъ повѣствуетъ подробно въ своей хроникѣ о богатой добычѣ, достававшейся полякамъ во время войнъ съ Орденомъ, и о награбленныхъ тамъ золотыхъ, серебряныхъ и другихъ цѣнныхъ вещахъ. Długosz. Opera omnia cura A. Przewdziecki edita, t., XIII, pp. 78, 79, 83, 92, 93, 174 et passim.

веніе съ Польшею, которое привело къ Грюнвальдской битвѣ.

II.

Столкновеніе Ордена съ Польшею становилось съ началомъ XV вѣка неизбѣжнымъ. Государство Тевтонскихъ рыцарей, все увеличиваясь и разростаясь, давно уже стало опаснымъ сосѣдомъ для Польши. Оно отрѣзало ее совершенно отъ Балтійскаго моря. Съ конца же XIV в. и въ самомъ началѣ XV Польша стала грозить новая опасность, такъ какъ Орденъ началъ проявлять стремленіе расширить свои границы на ее счетъ. Онъ покушался завладѣть Добержинской землей (на правомъ берегу Вислы, къ югу отъ Торна) ¹⁾. Кромѣ того, въ 1402 году Тевтонскій орденъ купилъ такъ называемую Новую Марку у короля Сигизмунда венгерскаго, бывшаго въ то же время маркграфомъ бранденбургскимъ. Послѣ этого Орденъ сталъ дѣлать попытки захватить города Дрезденко и Сантокъ, лежавшіе у границы Новой Марки и составлявшіе уже раньше предметъ спора между Польшею и Бранденбургской маркой. Дѣйствительно, въ 1409 году Ордену удалось овладѣть указанными городами, что вызвало сильнѣйшее раздраженіе у поляковъ и у короля Ягайлы ²⁾. Не было также недостатка въ поводахъ къ постояннымъ столкновеніямъ и на литовской границѣ. Уступка Ордену въ 1398 году Жмуди нисколько не повела къ упроченію добрыхъ сосѣдскихъ отношеній между нимъ и великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ. Такимъ образомъ, война между Польшею и Литвою, съ одной стороны, и Тевтонскимъ орденомъ, съ другой, становилась неизбѣжной.

¹⁾ Барбашевъ. Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы, стр. 62—63. Idem. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія, стр. 41.

²⁾ Барбашевъ. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія, стр. 41 и слѣд.

Польскій король, литовець Ягайло, тѣмъ смѣлѣе могъ рѣшиться вступить въ борьбу съ сильнымъ своимъ сосѣдомъ, что располагалъ теперь большими военными силами, такъ какъ воля историческихъ судебъ начала тѣсно связывать въ его лицѣ политическую жизнь литовско-русскихъ земель съ Польшею. Посчастливилось Ягайлу и въ томъ отношеніи, что великій князь литовскій Витовтъ былъ опытнымъ и отважнымъ полководцемъ. Ягайло, однако, прекрасно понималъ, что Тевтонскій орденъ противникъ очень серьезный, а потому онъ былъ остороженъ и готовился къ войнѣ, чрезвычайно внимательно обдумывая планъ ея. Не могъ не опасаться Ягайло и того, что Германія можетъ выступить съ помощью Ордену. Кромѣ того, война съ нимъ вообще требовала большой осмотрительности, такъ какъ Орденъ былъ въ глазахъ всей Европы борцомъ за христіанскую религію, распространителемъ католичества среди язычниковъ. При этихъ условіяхъ христіанскому государству, начинавшему войну съ Тевтонскими рыцарями, нужно было быть всегда готовымъ къ тому, что общественное мнѣніе Европы будетъ противъ него, что побужденія къ войнѣ будутъ невѣрно истолкованы. Ягайло зналъ, что Орденъ старается пріобрѣсти союзниковъ на Западѣ, и что въ мемуарахъ, разосланныхъ разнымъ европейскимъ государямъ и князьямъ, выясняя причины своихъ раздоровъ и столкновеній съ польскимъ королемъ, онъ старался изобразить его и Витовта врагами христіанской религіи и обвинялъ ихъ въ томъ, что они дѣйствуютъ заодно съ язычниками. Поэтому, чтобы дать нѣкоторый отпоръ распространяемымъ Орденомъ ложнымъ свѣдѣніямъ въ Европѣ, Ягайло долженъ былъ въ свою очередь составить въ сентябрѣ 1409 года мемуаръ и разослать его разнымъ западно-европейскимъ дворамъ. Въ этомъ мемуарѣ онъ изложилъ дѣйствительныя причины своихъ столкновеній съ Орденомъ, самымъ подробнымъ образомъ перечислилъ всѣ обиды, причиненныя ему вслѣд-

ствіе незаконнаго захвата рыцарями польскихъ земель, и въ свою очередь обвинялъ ихъ въ томъ, что они дѣйствуютъ во вредъ интересамъ католической религіи. Извѣстно было Ягайлѣ также и то, что Орденъ, располагавшій не малыми запасами золота, старался купить себѣ помощь разныхъ государей, какъ, напр., Сигизмунда, короля венгерскаго. Всѣ эти соображенія заставляли Ягайлу не спѣшить начинать войну съ Орденомъ, а собрать сперва всѣ военныя силы, какія только удастся.

III.

Въ 1410 году Польша почувствовала себя, наконецъ, готовою къ войнѣ съ Тевтонскимъ орденомъ. Война, которую она начала съ Пруссіей, обратила на себя вниманіе всей Западной Европы. Но придавать ей чуть ли не міровое значеніе, какъ склонны это дѣлать нѣкоторые историки, или видѣть въ ней „борьбу германо-романскаго запада со славянскимъ востокомъ”¹⁾, нѣтъ никакого основанія. Если славянское самосознаніе начало въ это время проявляться замѣтнѣе у чеховъ, то нѣтъ основанія искать проявленія этого чувства у литовцевъ—Ягайлы и Витовта. Не видно сколько-нибудь замѣтнаго, сознательнаго проявленія славянскаго патріотизма и въ Силезіи, и въ Поморьѣ, которыя были онѣмечены. Если взглянуть на то, кто были союзниками Ульриха фонъ-Юнгингена, съ одной стороны, и союзниками Ягайлы, съ другой, то станетъ яснымъ, что никакія высшія національныя соображенія не имѣли ничего общаго съ группировкою союзниковъ воюющихъ сторонъ. Чисто политическія условія и комбинаціи опредѣлили составъ вспомогательныхъ военныхъ силъ поляковъ и нѣмцевъ. Если же эта война надѣлала нѣкоторый шумъ въ Евро-

¹⁾ Барбашевъ. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія, стр.

пѣ, если о ней нѣсколько говорили, то, главнымъ образомъ, потому, что католическое государство Польша отважилась вступить въ борьбу съ католическимъ духовнымъ орденомъ. Упомянутія объ этой войнѣ, а въ частности о Грюнвальдской битвѣ во многихъ западно-европейскихъ хроникахъ объясняются также отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ войнѣ поляковъ съ Орденомъ столкнулись огромныя по тому времени военныя силы. При этомъ нужно также принять во вниманіе и то обстоятельство, что въ войскѣ гохмейстера Ульриха фонъ-Юнгингена было много прибывшихъ со всѣхъ концовъ Европы рыцарей, которые, подобно тому какъ и въ прежнія времена, стали въ ряды орденскаго войска, ища военной славы и смѣлыхъ приключеній. Эти то рыцари потомъ не мало способствовали тому, что рассказы о Грюнвальдской битвѣ разошлись широко по всей Европѣ.

IV.

О передвиженіяхъ польскаго войска, выступившаго въ походъ противъ врага въ концѣ іюня 1410 года, я не буду рассказывать. Это не входитъ въ мою задачу. Замѣчу только, что планъ поляковъ сводился къ тому, чтобы выбрать повозможности болѣе короткій и прямой путь къ Маріенбургу, столицѣ гохмейстера ¹⁾; но планъ этотъ имъ, впрочемъ, неполнѣ удался. Съ недѣлю находились уже Ягайло и Витовтъ въ предѣлахъ Тевтонскаго ордена (они перешли границу 9 іюля), прежде чѣмъ встрѣтились съ его войсками. Польско-литовскія войска подвинулись уже довольно далеко въ глубь страны, какъ вдругъ неожиданно для себя въ командорствѣ Остероде между деревнями Грюнфельдъ (по-польски Грюнвальдъ) и Танненбергъ утромъ 15 іюля они наткнулись на не-

¹⁾ Caro. Geschichte Polens, t. III, p. 317.

пріятеля. Силы враговъ были неравныя. По единодушному свидѣтельству источниковъ численный перевѣсъ силъ былъ на сторонѣ поляковъ.

Кромѣ отдѣльныхъ рыцарей, прибывшихъ изъ-за границы, на помощь Ордену явились герцоги штетинскій—Казимиръ и силезскій изъ Эльса (Oels)—Конрадъ. Меченосцы, какъ кажется, не успѣли прибыть на помощь своимъ братьямъ¹⁾. Въ войскахъ Ордена были также наемники изъ чеховъ²⁾ и, какъ свидѣтельствуется Длугошъ, даже и изъ швейцарцевъ.

Войско Ягайлы было не менѣе разнообразно по своему составу, нежели войско Тевтонскихъ рыцарей. Земовитъ, герцогъ мазовецкій, былъ со своими войсками, понятно, на сторонѣ короля. Читая у Длугоша перечисленіе отрядовъ или знаменъ, входившихъ въ составъ польско-литовскаго войска, нельзя не придти къ заключенію, что собственно поляки составляли въ немъ лишь едва половину. Въ войскахъ Ягайлы было знамя, состоявшее исключительно изъ чеховъ, другое изъ моравянъ только, третье изъ наемныхъ чеховъ, силезцевъ и моравянъ. Наемники входили и въ составъ нѣкоторыхъ чисто польскихъ знаменъ. Но особенно много знаменъ (семь) было изъ русскихъ земель, а именно: холмской, подольской (цѣлыхъ три), львовской и другихъ. Трудно, конечно, утверждать, какъ это дѣлаетъ Барбашевъ, что число русскихъ и поляковъ въ Грюнвальдской битвѣ было равное³⁾, но, во всякомъ случаѣ, русскіе составляли очень значительный процентъ. Къ такому заключенію приходится придти еще и въ виду того, что въ вой-

¹⁾ Thunert. Der grosse Krieg zwischen Polen und dem deutschen Orden, 1410 bis 1. Februar 1411 (Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins. Heft. XVI) p. 44, n. 6.

²⁾ Ibid., p. 44.

³⁾ Барбашевъ. Витовтъ. Последнія двадцать лѣтъ княженія, стр. 58, 59, пр. 45.

скѣ Витовта русскіе были въ громадномъ количествѣ ¹⁾. Католическій западно-европейскій міръ того времени особенно былъ возмущенъ тѣмъ, что поляки въ борьбѣ съ Тевтонскимъ орденомъ воспользовались не только помощью схизматиковъ, т. е. православныхъ, но и язычниковъ — татаръ, которые находились въ войскѣ Витовта.

Численность войскъ Ордена и Ягайлы, встрѣтившихся на поляхъ, лежащихъ между Грюнвальдомъ и Танненбергомъ, трудно опредѣлить хотя сколько-нибудь точно. Данныхъ для этого въ источникахъ нѣтъ. Прежніе историки склонны были видѣть въ этихъ войскахъ чуть не болѣе чѣмъ стотысячныя арміи. Современные историки считаютъ эти цифры чрезвычайнымъ преувеличеніемъ силъ противниковъ, хотя ихъ предположительныя вычисления далеко не совпадаютъ. При этомъ они исчисляютъ лишь количество конницы, такъ какъ для рѣшенія вопроса, сколько было пѣшаго войска, данныхъ ужъ ровно нѣтъ никакихъ. Болѣе близкимъ къ истинѣ мнѣ кажется предположеніе Ломейера-Крольмана, что у Ордена было отъ 10000 до 15000 человекъ конницы ²⁾, а у поляковъ значительно больше. Авторъ новѣйшей работы о Ягайлѣ, польскій историкъ Антонъ Прохаска, дѣлая подсчетъ войскамъ, принимавшимъ участіе въ битвѣ подъ Грюнвальдомъ, приходитъ почти къ тѣмъ же результатамъ, что и Ломейеръ-Крольманъ, и говоритъ, что число войскъ Ордена относилось къ числу польско-литовскихъ войскъ, какъ 2 къ 3 ³⁾.

¹⁾ Что касается мнѣнія, будто бы въ отрядѣ Лингвена находились Новгородцы, то фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ высказываетъ сомнѣніе, чтобы это были русскіе изъ Великаго Новгорода, а предполагаетъ, что тутъ идетъ рѣчь о Новгородѣ-Сѣверскѣ. *Livländisch-Russische Beziehungen während der Regierungszeit des Grossfürsten Witowt von Litauen. (Mittheilungen aus der livländischen Geschichte. 20-en Bandes 2-es Heft (Riga, 1908), pp. 232—233.*

²⁾ Lohmeyer. *Geschichte von Ost-und Westpreussen. I Band., pp. 354—355. Gotha. 1908. 3-te Auflage.*

³⁾ *Król Władysław Jagiełło, t. I, p. 245.*

V.

Главнымъ героемъ сраженія при Грюнвальдѣ былъ и по разсказу даже польскаго лѣтописца Длугоша—великій князь литовскій Витовтъ. Онъ разставляетъ войска, распоряжается военными дѣйствіями. Сначала сраженія онъ находится среди своихъ войскъ, а затѣмъ среди польскихъ, возбуждая ихъ отвагу. Ягайлу, который передъ сраженіемъ все молится, онъ убѣждаетъ поскорѣе начать наступленіе на врага. Ягайло, въ изображеніи Длугоша, очень благочестивъ и смотритъ на настоящую войну, какъ на печальную необходимость. Онъ ведетъ ее противъ своего желанія и потому только, что вынужденъ къ этому Орденомъ. Притомъ онъ совсѣмъ не энергиченъ.

Битву начало войско Витовта, вступившее первымъ въ бой. Тевтонскіе рыцари, замѣтивъ, что литовское войско слабѣе польскаго, рѣшили произвести сперва сильный натискъ на литовцевъ, чтобы потомъ всѣ свои силы направить на поляковъ. Литовцы, дѣйствительно, не выдержали натиска Тевтонскихъ рыцарей и обратились въ бѣгство. Только три смоленскіе полка проявили необыкновенное мужество и устояли противъ нѣмцевъ. И хотя большая часть одного полка была уничтожена, два другіе вышли изъ боя побѣдителями и соединились потомъ съ польскимъ войскомъ ¹⁾. Начавшееся тѣмъ временемъ сраженіе на лѣвомъ флангѣ, на которомъ находились польскія войска, отличалось большимъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. Послѣ ожесточенной битвы счастье, на-

¹⁾ In eo conflictu Smolnensium milites Rutheni, ad tria propria consistentes signa, pertinacius pugnando, soli fugae expertes, insignem laudem meruerant. Nam etsi sub uno signo caesi forent durissime, et signum usque humo proculcatum: in duobus tamen reliquis, quemadmodum viros et milites conveniebat, fortissime pugnando, victores evaserant, seque tandem Polonicis agminibus coniunxerant. Joannis Długosz Opera omnia cura A. Przewdziecki edita, t. XIII, pp. 54—55.

конецъ, склонилось на сторону поляковъ, и они одержали рѣшительную и блестящую побѣду. Разгромъ войскъ Ордена былъ полный. Гросмейстеръ ордена—Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ, многіе комтуры, а также не мало знатнѣйшихъ рыцарей пали въ бою. Весь непріятельскій обозъ и масса плѣнныхъ достались полякамъ.

Нѣкоторые королевскіе совѣтники убѣждали Ягайлу немедленно двинуться къ Маріенбургу, совершенно беззащитному, или, по крайней мѣрѣ, отправить туда часть войска, чтобы осадить этотъ замокъ; но король склонился къ мнѣнію тѣхъ совѣтниковъ, которые убѣждали его отдохнуть предварительно дня три. Вслѣдствіе этого Ягайло упустилъ удобный моментъ захватить Маріенбургъ и окончательно использовать побѣду при Грюнвальдѣ. Онъ и теперь проявилъ тотъ недостатокъ энергіи, который замѣчался передъ только что блестяще окончившимся для него сраженіемъ; но теперь проволочка въ движеніи къ столицѣ Ордена повела къ тому, что всѣ плоды побѣды при Грюнвальдѣ были потеряны. Если бы Ягайло не наслаждался дня два своимъ триумфомъ ¹⁾, а быстро двинулся къ Маріенбургу, то онъ безъ всякаго труда овладѣлъ бы имъ, такъ какъ въ немъ не было ни войска, ни полководца, который былъ бы способенъ дать отпоръ врагамъ. Со столицею Ордена и все его государство сдѣлалось бы добычею поляковъ. Между тѣмъ, пользуясь медлительностью короля, Генрихъ фонъ-Плауенъ, командоръ Шветца, какъ только вѣсть о пораженіи рыцарей дошла до него, поспѣшилъ собрать сколько было возможно войска и занялъ съ нимъ Маріенбургъ. Когда десять дней спустя послѣ битвы при Грюнвальдѣ (25 іюля) Ягайло подошелъ къ Маріенбургу, то, конечно, нашелъ ворота запертыми и пришлось начать осаду его. Осажденные мужественно защищали замокъ,

¹⁾ Ягайло оставилъ мѣсто сраженія лишь 17 іюля. Thunert, о. с., р. 58, п. 6.

и король, послѣ почти двухмѣсячнаго неудачнаго обложенія Маріенбурга, вынужденъ былъ снять осаду и началъ двигаться домой въ Польшу. Много разъ говоритъ въ своей хроникѣ Длугошъ съ негодованіемъ о томъ, что Ягайло не сумѣлъ воспользоваться побѣдой при Грюнвальдѣ. Дѣйствительно, заключенный нѣсколько мѣсяцевъ спустя (1 февраля 1411 года) между Польшею и Орденомъ миръ въ Торнѣ не принесъ первой сколько-нибудь особенно замѣтныхъ выгодъ, на которыя она въ правѣ была разсчитывать послѣ побѣды при Грюнвальдѣ. О томъ же, чтобы этимъ миромъ былъ нанесенъ Ордену какой-нибудь ощутительный ущербъ или ударъ, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Поляки изъ этой войны не выходили настоящими побѣдителями. Имъ не удалось даже отвоевать тѣхъ земель, которыя они считали незаконно захваченными Орденомъ и изъ-за которыхъ у нихъ многіе годы тянулись съ нимъ раздоры. Вопросъ о Сантокѣ и Дрезденко не былъ и теперь рѣшенъ окончательно въ пользу Польши, а передавался на разсмотрѣніе особой комиссіи. Правда, Жмудъ возвращалась Ягайлѣ и Витовту, но съ условіемъ, что по ихъ смерти она будетъ присоединена къ владѣніямъ Ордена. Длугошъ, оцѣнивая результаты мира въ Торнѣ, не безъ основанія съ горечью говоритъ, что Грюнвальдская битва Польшѣ никакихъ выгодъ не принесла ¹⁾.

VI.

Разложеніе Ордена, паденіе его политическаго значенія и прежняго могущества, которое началось сорокъ

¹⁾ Vanissimo itaque consilio tam Regis, quam Ducis et consiliariorum magnifica illa et memorabilis Grinfeldensis victoria, in irritum et pene ludibrium recidens, nullum Regno Poloniae, magnum vero Ducatui Lithuaniae attulit profectum. Joannis Długosz Opera omnia cura Alexandri Przezdziecki edita. T. XIII, p. 119.

четыре года спустя послѣ Грюнвальдской битвы, не находилось ничуть въ непосредственной связи съ нею и не было результатомъ ея. Упадокъ Ордена былъ слѣдствіемъ того антагонизма, который съ конца XIV вѣка, какъ упоминалось выше, сталъ замѣтно и рѣзко проявляться между дворянствомъ и городами Пруссіи, съ одной стороны, и Тевтонскими рыцарями, съ другой. Этотъ антагонизмъ въ теченіе первой половины XV в. все усиливался, и мятежи въ Пруссіи стали не рѣдкостью. Въ 1454 году вспыхнуло возстаніе, которое охватило уже всю Пруссію, и руководители его обратились къ польскому королю Казимиру Ягеллончику съ предложеніемъ принять эту страну подъ его власть. Большая часть нѣмецкихъ историковъ обвиняла прежде города въ томъ, что отъ нихъ исходила инициатива отложиться отъ Ордена и передаться подъ владычество Польши. Теперь Симсонъ доказываетъ, что толчокъ къ отпаденію отъ Ордена и переходу подъ власть Польши исходилъ отъ дворянства ¹⁾). Какъ бы то ни было, тотъ разгромъ Ордена, который произошелъ послѣ тринадцатилѣтней войны, окончившейся въ 1466 году присоединеніемъ къ Польшѣ Западной Пруссіи и признаніемъ остальныхъ земель Тевтонскихъ рыцарей въ ленной зависимости отъ польскаго короля, былъ результатомъ того движенія, которое происходило въ земляхъ самого Ордена съ конца XIV в. Не поляки разгромили Орденъ. Смертельный ударъ былъ нанесенъ ему его же собственными городами и дворянствомъ, для которыхъ правленіе Ордена, ставшее анахронизмомъ въ тогдашней Европѣ, сдѣлалось нестерпимымъ. Переходъ подъ владычество Польши, которая оставляла населенію Западной Пруссіи всѣ его права, привилегіи, полную обособленность и самостоятельность во внутрен-

¹⁾ Simson, D-r Paul. Danzig im dreizehnjährigen Kriege. 1454—1466. (Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins. Heft XXIX) Danzig. 1891.

немъ управленіи, сулилъ ему, повидимому, болѣе счастливое будущее по сравненію съ тѣмъ, что было подъ управленіемъ Тевтонскихъ рыцарей. Такъ какъ Западная Пруссія была присоединена къ Польшѣ на началахъ личной уніи, то и патріотическое чувство нѣмецкаго населенія этого края нисколько не страдало тѣмъ болѣе, что это чувство въ то время не было такъ развито, какъ теперь. Притомъ прусскія земли были всегда чрезвычайно близко связаны съ Польшею экономическими интересами, и политическая связь съ нею могла ихъ только радовать, такъ какъ теперь они могли рассчитывать на ничѣмъ не стѣсняемое развитіе своего благосостоянія. Сверхъ того, нѣмецкое населеніе земель, желавшихъ присоединенія къ Польшѣ, прекрасно знало, что его языку и культурѣ не угрожаетъ и не можетъ угрожать никакая опасность со стороны поляковъ.

VII.

Мы видѣли, что не поляки нанесли смертельный ударъ могуществу Ордена, и говорить о томъ, что движеніе германскаго міра на славянскій было остановлено въ XV в., благодаря битвѣ при Грюнвальдѣ, нѣтъ никакого основанія. Поляки и позже, повидимому, не сознавали всей той опасности, которая угрожала имъ со стороны нѣмцевъ. Иначе, зачѣмъ было признать въ XVI в. за бранденбургскими курфирстами право на полученіе въ ленъ Прусскаго герцогства, создавшагося послѣ секуляризаціи Тевтонскаго ордена? Казалось бы, что въ интересахъ Польши было стремиться къ скорѣйшему непосредственному сліянію Прусскаго герцогства съ своими владѣніями, а не усиленіе въ будущемъ нѣмецкаго государства за свой счетъ. Между тѣмъ, поляки поступили какъ разъ наоборотъ. Но если нѣтъ основанія приписывать Грюнвальдской битвѣ особенно важнаго и рѣ-

шающаго значенія въ политическомъ отношеніи, то, быть можетъ, слѣдуетъ признать, что въ это время Польша начинаетъ проникаться сознаніемъ необходимости бороться съ нѣмецкимъ элементомъ внутри собственнаго государства и стремиться къ тому, чтобы высвободиться изъ-подъ нѣмецкаго вліянія въ экономическомъ отношеніи? Быть можетъ Польша съ этого времени начала принимать мѣры къ тому, чтобы ея города получили чисто польскій характеръ и въ нихъ начала развиваться польская промышленность и торговля вмѣсто нѣмецкой? На всѣ эти вопросы приходится, однако, дать отрицательный отвѣтъ. У Польши не было тогда достаточнаго количества собственныхъ культурныхъ силъ, чтобы освободиться отъ нѣмецкаго вліянія¹⁾. Нѣмцы играли въ ней очень видную и важную роль, и она была пропитана нѣмецкою культурою.

Сильное вліяніе нѣмцевъ на Польшу началось уже очень давно. Нѣмецкая колонизація и вмѣстѣ съ нею нѣмецкая культура хлынули сильною волною въ Польшу въ XIII вѣкѣ. Нѣмецкая культура проникала въ Польшу тремя путями. Во-первыхъ, путемъ колонизаціи свободныхъ земель нѣмецкими крестьянами и основаніемъ деревень на нѣмецкомъ правѣ; во-вторыхъ, основаніемъ городовъ на нѣмецкомъ правѣ (обыкновенно на Магдебургскомъ). Въ особенности съ конца XIII вѣка сталъ замѣтенъ значительный приливъ нѣмцевъ въ города и деревни²⁾. Магдебургское право стало даваться теперь и

¹⁾ Интересна попытка, сдѣланная королемъ Ягайло въ самомъ началѣ девяностыхъ годовъ XIV столѣтія, чтобы направить польскую внѣшнюю торговлю черезъ землю Поморскихъ герцоговъ. Эта попытка была сдѣлана съ цѣлью освободить торговлю Польши отъ опеки Пруссіи и нанести послѣдней въ экономическомъ отношеніи сильный ущербъ. Но для приведенія въ исполненіе указаннаго проекта у поляковъ не оказалось ни умѣнія, ни силъ. Планъ Ягайло потерпѣлъ полнѣйшую неудачу. *Hansische Geschichtsblätter. Jahrgang 1882 (Leipzig. 1883), pp. 135—136. Prochaska. Król Władysław Jagiello. T. II, p. 334.*

²⁾ *Sokolowski. Krakau im XIV Jahrhundert. Marburg. 1910. P. 5, Ko-*

ранѣ основаннымъ городамъ. Его получила также столица Польши—Краковъ. Въ особенности много стараній прилагалъ Казимиръ В., чтобы привлекать въ свое государство, какъ нѣмецкихъ земледѣльцевъ, такъ и нѣмецкихъ ремесленниковъ. Въ третьихъ, нѣмецкая культура пускала глубокіе корни въ Польшу вслѣдствіе наплыва нѣмецкихъ монаховъ въ польскіе монастыри. Вскорѣ они совершенно завладѣли ими и старались вытѣснить изъ нихъ польскій элементъ ¹⁾. Въ особенности сильно сказывалось вліяніе пришельцевъ изъ Германіи въ городахъ. Многіе изъ нихъ стали совсѣмъ нѣмецкими по своему характеру. Городскія книги въ самомъ Краковѣ ведутся на нѣмецкомъ языкѣ. И только послѣ возстанія горожанъ-нѣмцевъ противъ Владислава Локетка въ 1311 году акты въ городскую книгу заносятся на латинскомъ языкѣ ²⁾. Постановленія городскихъ магистратовъ не только въ XIV в., но и въ XV издаются по большей части на нѣмецкомъ языкѣ ³⁾. Статуты ремесленныхъ цеховъ города Кракова написаны по-нѣмецки ⁴⁾. Вся крупная торговля была сосредоточена въ нѣмецкихъ рукахъ. Въ самый годъ Грюнвальдской битвы краковскіе купцы хотятъ образовать свою особую корпорацію. И актъ объ основаніи этой краковской купеческой гильдіи составленъ по-нѣмецки ⁵⁾. Одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ истори-

mornicki, St. Polska na Zachodzie w świetle cyfr i zdarzeń. Lwów. 1894. Pp. 61 sqq.

¹⁾ Komornicki, о. с., pp. 57 sqq. Любавичъ. Начало католической реакціи и упадокъ реформации въ Польшу, стр. 19 и слѣд.

²⁾ Послѣдній актъ на нѣмецкомъ языкѣ былъ внесенъ въ краковскую городскую книгу 18 ноября 1312 г. Sokołowski, о. с., p. 11. Perlbach. Polnische Arbeiten zur Geschichte Krakaus im 14 Jahrhundert, p. 132 (Hansische Geschichtsblätter. Jahrgang 1882) Prochaska, Antoni. Król Władysław Jagiełło, t. II, p. 333.

³⁾ Только въ XVI в. появляются такія постановленія и на польскомъ языкѣ.

⁴⁾ Sokołowski, о. с., p. 41 sqq.

⁵⁾ Kutrzeba i Ptaśnik. Dzieje handlu i kupiectwa krakowskiego (Kraków. 1910), pp. 131—132.

ковъ краковскаго купечества говоритъ, что грустно писать исторію польской торговли и промышленности, потому что, хотя и была польская торговля, ибо происходила она на землѣ польской, но люди, которые ею занимались были, главнымъ образомъ, нѣмцы, за ними шли итальянцы, шотландцы, армяне, евреи и разные другіе народы; поляки же занимали послѣднее мѣсто въ этомъ рядѣ народовъ ¹⁾. Въ Краковѣ заправляютъ всѣми дѣлами исключительно нѣмцы, и они даже численно превосходятъ польское населеніе. Въ началѣ XV в. поляки въ Краковѣ составляютъ лишь четвертую часть его жителей или только немногимъ болѣе этого ²⁾. Въ виду того вліянія и значенія, которыми пользовались нѣмцы въ городахъ Польши, они достигли того, что проповѣди во многихъ костелахъ произносились исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, и нѣмцы не позволяли произносить ихъ по-польски ³⁾.

Все это ясно показываетъ, въ какой громадной зависимости находились поляки и отъ нѣмцевъ, и отъ ихъ культуры. Ни до Грюнвальда, ни послѣ его Польша не была оплотомъ для славянства противъ германизма. Она не только не старалась оградить себя отъ воздѣйствія нѣмецкой культуры, но, напротивъ, охотно проникалась ею. Говорить поэтому, что будто бы подъ Грюнвальдомъ столкнулись двѣ культуры, какъ это дѣлаютъ многіе историки, нѣтъ ровно никакого основанія. Это довольно распространенное теперь мнѣніе предполагаетъ, будто бы, въ самомъ дѣлѣ, между поляками и нѣмцами въ культурномъ и духовномъ отношеніяхъ существовалъ сильнѣйшій антагонизмъ, который неизбежно велъ къ столкновенію оба эти народа. Между тѣмъ, въ дѣйствительно-

¹⁾ Kutrzeba i Ptasnik, о. с., p. 65.

²⁾ Kraków. Jego kultura i sztuka (Rocznik Krakowski, t. VI. Kraków. 1904), p. 9.

³⁾ Kraków. Jego kultura i sztuka, pp. 9—10. Любавичъ. Исторія реформаци въ Польшѣ, стр. 51.

сти въ ту эпоху ничего подобнаго не было. Неправильная оцѣнка исторической роли Грюнвальдской битвы происходитъ теперь, главнымъ образомъ, потому, что идеи, чувства, взгляды, политическія симпатіи или антипатіи XX вѣка перенесены въ XV-ое столѣтіе. Грюнвальдъ—это блестящая военная побѣда, которая, однако, не закрѣпила даже окончательно за Польшею всего того, на что она имѣла, повидимому, право, начавъ войну съ Тевтонскимъ орденомъ.

Понятіе общества въ античномъ мірѣ.

Этюдъ по семантикѣ обществовѣдѣнія.

Ingrediar in disputationem ea lege, qua credo omnibus in rebus disserendis utendum esse, si errorem velis tollere: ut ejus rei, de qua quaeretur, si, nomen quod sit, conveniat, explicetur, quid declaretur eo nomine. Quod si convenerit, tum demum decebit ingredi in sermonem: nunquam enim quale sit illud, de quo disputabitur, intelligi poterit, nisi, quod sit fuerit intellectum prius.

Cicero, De republica, I, 24.

I.

Терминъ „семантика” мы заимствуемъ у французскаго филолога Бреалья ¹⁾, автора превосходнаго изслѣдованія: *Essai de sémantique, science des significations* (Paris, 1897). Подъ семантикою общественныхъ наукъ мы понимаемъ теорію ихъ терминовъ и понятій, генетическое изслѣдованіе этихъ терминовъ. Потребность въ семанти-

¹⁾ Чрезвычайно интересна еще другая французская работа: A. Darmesteter, *La vie des mots étudiée dans leurs significations*.

кѣ, въ выясненіи вопроса *de verborum significatione* со- знавалась уже древними греками и римлянами. Только такой беззаботный, по крайней мѣрѣ въ философіи, дилеттантъ, какъ Цицеронъ, могъ пространно, краснорѣчи- во и даже какъ будто убѣдительно и убѣжденно рассу- ждать о „природѣ“, а затѣмъ, поздно спохватившись, при- знаваться, что онъ собственно не зналъ, о чемъ гово- рилъ, и не могъ опредѣлить природу: *naturam ipsam de- finire difficile est* (*De inventione*, I, 24). Гораздо методич- нѣе поступилъ Аристотель, попытавшійся въ IV книгѣ „Метафизики“ выяснить различныя значенія этого поня- тія для того, чтобы по возможности привести его въ яс- ность. Семантикою занимались и многочисленные древ- ніе грамматики. Если, значитъ, уже въ античномъ мірѣ, мыслившемъ номиналистически, выражавшемся гораздо яснѣе и проще, чѣмъ наша современность, и жаловав- шемся на бѣдность своей философской терминологіи¹⁾, оказалась потребность въ семантикѣ, то что же сказать о нашей современности? У насъ слишкомъ много терми- новъ, и они чересчуръ разнозначны. Мы до того изне- могаемъ подъ бременемъ всевозможныхъ, нерѣдко схо- ластическихъ и метафизическихъ преданій и наслоеній въ терминахъ, что, напри- мѣръ, у безпокоившаго еще Цицерона понятія „природы“ въ извѣстномъ словарѣ Лит- тре оказывается уже болѣе тридцати значеній.

Въ семантикѣ, какъ вспомогательномъ орудіи, болѣе или менѣе нуждаются всѣ современныя науки. Но осо- бенно необходима она для наукъ общественныхъ, осо- бенно когда онѣ стремятся стать науками абстрактными и даже раціональными. Въ нихъ тогда принято слиш- комъ безотчетно пользоваться чрезвычайно неопредѣлен- ными и многозначными абстрактными понятіями, кото- рыя нерѣдко совершенно отрываются отъ соответствую-

¹⁾ Такъ, Сенека писалъ: *quanta verborum nobis paupertas, immo egestas* (*Epistola LVIII*).

щихъ имъ конкретныхъ вещей и явленій и превращаются въ чистыя фикціи. Такой смыслъ приобрѣло даже такое, казалось бы, реальное понятіе, какъ государство. Имѣлъ основаніе Бастіа, когда онъ называлъ государство „великою фикціею” ¹⁾. Авторъ одной новѣйшей монографіи о французской администраціи совершенно отказывается отъ термина „государство” ²⁾. Къ тому же склоняется и Дюги ³⁾, видящій въ государствѣ, какъ его понимаетъ традиціонная наука, не болѣе какъ фикцію и утверждающій даже, что „публичной власти не существуетъ, это не болѣе какъ пустая схоластическая формула, ... это понятіе не отвѣчаетъ дѣйствительности” ⁴⁾.

Благодаря интересу широкихъ, внѣнаучныхъ массъ къ общественнымъ вопросамъ значительная часть такихъ неясныхъ понятій и фикцій стала обиходною, популярною. Это однако нисколько не содѣйствовало ихъ выясненію. Самыя популярныя понятія и слова рѣдко оказываются самыми ясными и точными. Надъ ними никто не задумывается. Они повторяются машинально. И при этомъ кажется, что всѣ отлично понимаютъ, что говорятъ. Но при первой попыткѣ дѣйствительно уяснить ихъ смыслъ, происходитъ то же самое, что, какъ замѣтилъ еще бл. Августинъ (*Confessiones* XI, 14), происходитъ по поводу столь, казалось бы, понятной вещи, какъ время: увѣренность переходитъ въ недоумѣніе, и утвержденіе превращается въ вопросъ—*si nemo ex me quaerat, scio; si quaerenti explicare velim, nescio*.

¹⁾ L'État, c'est la grande fiction à travers laquelle tout le monde s'efforce de vivre aux dépens de tout le monde (L'État, Oeuvres complètes, IV, 1854, стр. 332).

²⁾ Henri Chardon, L'Administration de France. Les fonctionnaires, 1908; см. рецензію З. Д. Авалова въ Извѣстіяхъ СПб. Политехническаго Института.

³⁾ L'État, le droit objectif et la loi positive, Paris, 1901, стр. 6 и 320.

⁴⁾ Стр. 13 русскаго перевода (въ изданіи Н. К. Мартынова) брошюры „Соціальное право, индивидуальное право, преобразование государства”; ср. Н. М. Коркунова, Указъ и законъ, СПб., 1894, стр. 132.

Въ такой неопредѣленности и запутанности не было бы большой бѣды, если бы дѣло касалось только словъ. Но словамъ соотвѣтствуютъ понятія; а понятіямъ, если они не притязаютъ на самодовлѣніе, соотвѣтствуютъ предметы. Неясность словъ означаетъ неясность предметовъ; а неясность предметовъ свидѣтельствуетъ о неясности соотвѣтственныхъ наукъ. Въ извѣстномъ смыслѣ правы были какъ Кондильякъ, утверждавшій, что каждая наука—это хорошо сдѣланный языкъ, такъ и Гербартъ, видѣвшій во всей философіи не болѣе какъ обработку понятій.

Семантическая обработка понятій носитъ генетическій, по преимуществу историческій характеръ. Понятія не падаютъ съ неба въ готовомъ видѣ и не парятъ, какъ Платоновы идеи, надъ дѣйствительностью въ какомъ-то таинственномъ эмпиреѣ. Они живутъ вмѣстѣ съ людьми, вмѣстѣ съ ихъ мыслью. И они испытываютъ всѣ тѣ колебанія, измѣненія и противорѣчія, которыя переживаетъ человѣческая мысль. Въ разные времена и при разныхъ обстоятельствахъ они пріобрѣтали различные оттѣнки, различныя, нерѣдко даже (какъ это, на примѣръ, произошло съ понятіями „закона“, „реального“, „субъекта“ и „объекта“) противоположныя значенія. Такъ, на примѣръ, послѣ того какъ возникшее въ XVI и XVII вѣкахъ физическое міровоззрѣніе усвоило и даже присвоило много понятій стараго морального міровоззрѣнія¹⁾, понятіе „закона“ до такой степени утратило свое прежнее моральное значеніе и пріобрѣло чисто физическій смыслъ, что возникъ вопросъ о томъ, есть ли законы у морального міра, вопросъ, нерѣдко рѣшаемый въ отрицательномъ смыслѣ. На протяженіи вѣковъ всевозможныя значенія понятій сплетались, наслаивались, вытѣсня-

¹⁾ См. сравнительную характеристику этихъ двухъ міровоззрѣній въ III и IV главахъ перваго тома изслѣдованія автора настоящаго этюда „Проблема соціальной физики въ XVII столѣтіи“ (Варшава, 1910).

ли другъ друга и вообще вступали въ самыя разнообразныя сочетанія. Все это можетъ быть выяснено только историческимъ путемъ. Въмѣсто того, чтобы болѣе или менѣе односторонне и произвольно дедуцировать понятія „чистыя“, гораздо цѣлесообразнѣе взойти къ историческимъ корнямъ и развѣтленіямъ подлежащихъ выясненію понятій; и среди этихъ развѣтленій всегда найдутъ свое мѣсто и свое объясненіе тѣ значенія, которыя съ такою гордостью и независимостью дедуцируются апріорными теоретиками какъ единственно истинныя. Все это далеко не безразлично и въ чисто философскомъ отношеніи. Не напрасно такіе философы, какъ Тейхмюллеръ и Эйкенъ, такъ много трудились надъ семантикою. *Ogatio* и *ratio*, *noмен* и *gnomen*, слово, понятіе и мысль настолько соотносительны, что измѣненіе одного по большей части предполагаетъ также измѣненіе и другого. И Максъ Мюллеръ не слишкомъ преувеличивалъ, когда увѣрялъ, что вся философія можетъ быть названа борьбою между старыми и новыми значеніями словъ.

II.

Понятія „общество“, „общественный“, „соціальный“ чрезвычайно популярны. Они встрѣчаются на каждомъ шагу въ разговорной рѣчи, въ печати. Ими испещрены книги моральнаго, юридическаго, политическаго и экономическаго содержанія. Наконецъ, существуетъ или по крайней мѣрѣ притязаетъ на существованіе наука „соціологія“, которая объявляетъ своимъ спеціальнымъ предметомъ общество и нерѣдко выражаетъ готовность упразднить за ненужностью или же совершенно поглотить всѣ другія науки о человѣкѣ и о людяхъ. Что же означаютъ эти понятія?

Если въ непритязательномъ и не логичномъ житейскомъ обиходѣ эти понятія, несмотря на свою многозначность и неясность, не вызываютъ слишкомъ боль-

шихъ сомнѣній, то въ болѣе сознательной и методической области науки смыслъ ихъ оказывается весьма спорнымъ. Какихъ только опредѣленій не давали „обществу“ ученые хотя бы въ одномъ только XIX столѣтіи! Его называли и растеніемъ, и животнымъ, и лицомъ, и союзомъ, и взаимодействіемъ, и отношеніемъ, и подражаніемъ, и солидарностью, и борьбою. Все это совершенно запутало это понятіе.

Распутать его можно двоякимъ путемъ—діалектическимъ и генетическимъ. Первый способъ стремится опредѣлить подлежащее выясненію понятіе во всей его чистотѣ, какъ чистую идею, возможно болѣе независимую отъ данныхъ конкретныхъ случаевъ ея реализаціи, ея воплощенія. Такимъ путемъ, какъ извѣстно, Платонъ въ теченіе всей своей жизни бился надъ понятіями добра, красоты, истины и даже стола, лошади, вообще всѣхъ предметовъ. Въ общемъ, онъ потерпѣлъ неудачу. И діалектика привела его къ чистой метафизикѣ. Въмѣсто того, чтобы опредѣлить общія понятія *in rebus*, Платонъ надстроилъ *supra res* какіе-то новые мистическіе предметы и какъ бы выпрыгнулъ изъ дѣйствительности въ трансцендентный міръ фантазій.

Попытка опредѣлить общество діалектическимъ путемъ, но безъ метафизики, была сдѣлана въ послѣднее время Штаммлеромъ. Вопросъ о томъ, что есть общество, означаетъ для него вопросъ о томъ,—мы приводимъ его собственныя, тяжеловѣсныя, зато очень характерныя слова,—„подъ какими формальными условіями, т. е. въ какомъ лежащемъ въ основаніи и единообразно соблюдаемомъ направленіи мыслей возможно разсмотрѣніе человѣческаго общежитія какъ своеобразная наука” ¹⁾. Отвѣтъ Штаммлера извѣстенъ. „Соціальная жизнь—это

¹⁾ *Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung*, Zweite Auflage, Leipzig, 1906, стр. 105.

внѣшнимъ образомъ регулированное общежитіе людей”¹⁾; „внѣшнее регулированіе взаимнаго человѣческаго поведенія создаетъ возможность понятія соціальной жизни какъ особаго объекта”²⁾. Соціальный—это внѣшнимъ образомъ регулированный. Все внѣшнимъ образомъ регулированное соціально; и все соціальное—внѣшнимъ образомъ регулировано.

Такое опредѣленіе, взятое само по себѣ, какъ нѣчто апіорное и чисто формальное, т. е. такъ именно, какъ и полагается согласно методѣ, принятой Штаммлеромъ, явно неудовлетворительно. Оно слишкомъ широко, потому что далеко не все то соціально, что внѣшнимъ образомъ регулировано: лошадь въ упряжи внѣшнимъ образомъ регулирована; таково же положеніе паровоза, движущагося по рельсамъ и регулируемаго машинистомъ, дождевой воды, стекающей по водосточной трубѣ, шаровъ или тарелокъ въ рукахъ ловкаго жонглера и тысячи другихъ предметовъ, которые совершенно не характерны для понятія соціального. Въмѣстѣ съ тѣмъ однако опредѣленіе Штаммлера слишкомъ узко. Оно отказывается видѣть общество тамъ, гдѣ отсутствуетъ регулированіе и притомъ непременно внѣшнее. Значитъ, всѣ тѣ случаи, когда люди въ силу внутренняго влеченія, безъ всякаго внѣшняго принужденія и регулированія, живутъ другъ съ другомъ въ добромъ согласіи и единодушіи, оказываются, по Штаммлеру, чѣмъ-то если не противоположнымъ, то во всякомъ случаѣ внѣобщественнымъ.

Опредѣленіе Штаммлера, какъ и другія формулы его во многихъ отношеніяхъ всетаки превосходнаго и строго методически выдержаннаго труда, кажется страннымъ только въ томъ случаѣ, если его разсматривать совершенно отвлеченно, внѣ пространства и времени. Но если,

¹⁾ Стр. 84.

²⁾ Стр. 83.

несмотря на его притязаніе на полную и чистую трансцендентальность, возстановить его связь съ тою конкретною средою, изъ которой оно заимствовано, то оно, не теряя односторонности, пріобрѣтаетъ нѣкоторую жизненность и даже мѣткость. Оказывается, что Штаммлеръ, слѣдуя въ данномъ случаѣ традиціи Томазія и Канта, понимаетъ внѣшнее вполне специально какъ юридическое, а внутреннее—какъ моральное. И, значитъ, общество, въ его пониманіи, есть понятіе юридическое; все общественное относится къ праву, или, какъ болѣе замысловато выражается Штаммлеръ, право есть форма человѣческаго общества. Дѣйствительно уже въ древнемъ Римѣ понятіе общества въ его наиболѣе ясномъ видѣ возникло на юридической почвѣ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что Штаммлеръ, юристъ по профессіи, примкнулъ къ такому пониманію общества. Но спрашивается, дѣйствительно ли для этого были необходимы тѣ крайне отвлеченныя умозаключенія, которыми изобилуетъ его книга.

Кромѣ оторванности отъ конкретнаго міра, такого рода умозаключеніямъ обыкновенно грозятъ еще двѣ опасности, такъ сказать, Сцилла и Харибда,—именно, софистика и реторика. Избѣгая первой, стараясь спастись отъ софистики, Штаммлеръ не уберегся отъ второй и впалъ въ реторику. Чрезвычайно характерна въ этомъ отношеніи диспозиція его разсужденія „о социальномъ идеалѣ” ¹⁾: сначала „тезисъ”, затѣмъ „поясненіе”, затѣмъ „дедукція”, затѣмъ „эпиметръ”, „резервація”, „постулатъ”, „первый выводъ”, „второй выводъ”, „третій выводъ”, наконецъ, „присовокупленіе”. При этомъ авторъ не столько изучаетъ, сколько поучаетъ и проповѣдуетъ. Все это можетъ быть очень назидательно для читателя. Все это можетъ принести пользу практическому рѣшенію социальной проблемы—въ той, впрочемъ,

¹⁾ Стр. 577 и слѣд.

довольно слабой степени, въ какой вообще жизнь можетъ измѣняться и совершенствоваться подѣ вліяніемъ нравоученій. Но научной проблемы общества, какъ проблемы теоретической, познавательной, все это еще нисколько не рѣшается.

Эта проблема вообще не можетъ быть рѣшена исключительно діалектическимъ путемъ. Если мы хотимъ изучить общество, то, значитъ, мы предполагаемъ наличность соотвѣтственнаго объекта въ реальной жизни. Слѣдуетъ не доказывать, а показывать этотъ объектъ. Отъ него отвлечено извѣстное понятіе. Къ этому понятію присоединены тѣ или иные моральные постулаты и идеалы. Ставшее вслѣдствіе этого сложнымъ уже въ древности, понятіе общества на протяженіи исторіи еще болѣе осложнилось благодаря новому наслоенію и сплетенію разныхъ, иногда даже противоположныхъ значеній. Все это можетъ быть выяснено единственно при посредствѣ генетической методы. Если ей, быть можетъ, не принадлежитъ и не должно принадлежать послѣднее слово въ изслѣдованіи, ей несомнѣнно принадлежитъ первое слово.

Чтобы услышать это первое слово по вопросу о томъ, что такое общество, слѣдуетъ обратиться къ колыбели всѣхъ нашихъ научныхъ понятій, именно къ античному міру. Это и составляетъ задачу настоящаго этюда.

III.

Два тысячелѣтія отдѣляютъ насъ отъ античнаго греко-римскаго міра. Несмотря на это, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо понятнѣе для насъ, чѣмъ наша современность. Мы обладаемъ большею суммою положительныхъ знаній, чѣмъ древніе греки и римляне. Но насъ занимаютъ тѣ же самыя философскія и моральныя проблемы, что и ихъ. Эти проблемы мало мѣняются, потому что это проблемы вѣчныя. Но въ настоящее время

онѣ чрезвычайно осложнены и запутаны благодаря многовѣковой традиціи и эрудиціи. Въ античномъ же мірѣ онѣ были поставлены впервые, въ европейской по крайней мѣрѣ исторіи,—со всею свѣжестью и непосредственностью первороднаго сознанія и вмѣстѣ съ тѣмъ съ тою классическою ясностью и точностью, которыми проникнуты всѣ созданія греко-римскаго духа въ области этики и обществовѣдѣнія. Вотъ почему, если мы хотимъ разобраться въ элементахъ самыхъ, казалось бы, современныхъ философскихъ и нравственныхъ проблемъ и доктринъ, въ частности и понятія общества, намъ необходимо взойти къ античной старинѣ, когда, какъ выразился Гемстергойсъ, всѣ нравственныя и соціальныя понятія „были идеями почти столь же ясными, совершенными и опредѣленными, какъ идеи треугольника и круга” ¹⁾.

Сообразно съ общимъ духомъ античной этики, въ отличіе отъ физики, общество занимало древнихъ грековъ и римлянъ главнымъ образомъ какъ проблема практическая. Совѣты полумиѳическихъ семи мудрецовъ относительно благоначалія и благозаконности; полусерьезныя, полупутилыя разсужденія Платона о томъ, какъ бы онъ управлялъ людьми, если бы былъ царемъ или обладалъ соотвѣтственными полномочіями; далѣе, если не экспериментальная, то опытная политика Аристотеля; наконецъ, мечты стоиковъ—все это преслѣдовало одну цѣль, создать если не на дѣлѣ, то хоть на словахъ „общество”, т. е. союзъ, содружество людей, такъ или иначе организованное, иными словами, рѣшить соціальный вопросъ какъ практическую проблему. Мы не будемъ касаться всей относящейся сюда древней литературы и ограничимся обществомъ какъ понятіемъ теоретическимъ.

¹⁾ Oeuvres philosophiques de M. F. Hemsterhuis, Paris 1792, I, 232.

Теорія же въ античномъ мірѣ означала прежде всего лицезрѣніе, воспріятіе дѣйствительности, реальной, живой, конкретной; въ этомъ смыслѣ всякій зритель на олимпійскихъ играхъ былъ теоретикомъ; въ этомъ же смыслѣ и Крезъ привѣтствовалъ любознательнаго туриста Солона какъ „теоретика” ¹⁾. Послѣ того какъ діалектика, оторвавъ идеи отъ видимой дѣйствительности, превратила ихъ въ новую невидимую, метафизическую дѣйствительность, теорія стала часто означать или умозрѣніе или мистическое созерцаніе этой таинственной дѣйствительности; въ переводѣ на латинскій языкъ это называлось спекуляціею. Такимъ образомъ уже въ античномъ мірѣ была подготовлена почва для пониманія теоріи какъ чего-то отвлеченнаго отъ эмпирической дѣйствительности, чего-то совершенно независимаго отъ нея и даже противоположнаго ей. Такое пониманіе было главнымъ образомъ плодомъ поздняго развитія, быть можетъ, уже упадка античнаго міропониманія. И оно было еще чуждо тому поистинѣ классическому времени, когда человѣка и людей понимали гораздо проще, естественнѣе и конкретнѣе, чѣмъ теперь, когда еще почти совсѣмъ не знали столь свойственной нашимъ теоретикамъ привычки подставлять вмѣсто живыхъ людей болѣе или менѣе неопредѣленныя отвлеченныя сущности и принимать только эти сущности за нѣчто дѣйствительно реальное и живое. Люди мыслили номиналистически—по крайней мѣрѣ до появленія діалектической философіи и до вырожденія ея въ метафизическую онтологію. Сообразно съ этимъ понятіе общества объединяло только такія житейскія отношенія, въ которыхъ люди дѣйствительно видѣли общность, союзъ. И поэтому это понятіе имѣло у нихъ болѣе узкое, зато также и болѣе опредѣленное значеніе, чѣмъ теперь.

¹⁾ Геродотъ I, 30.

IV.

Въ обществѣ—любовь, училъ Аристотель¹⁾; общество содержитъ въ себѣ что-то братское, увѣрялъ Ульпіанъ²⁾. Гдѣ любовь и братство, тамъ, значитъ, и общество. И наоборотъ, гдѣ общество, тамъ, значитъ, братство и любовь. Такъ какъ на братствѣ и любви строится семья, то, значитъ, общество это прежде всего семья. Вотъ почему Аристотель начиналъ съ семьи свое учение объ обществѣ³⁾. Вотъ почему бракъ, этотъ, какъ его опредѣляли римскіе юристы, союзъ всей жизни, общеніе божескихъ и человѣческихъ правъ, считался источникомъ и прототипомъ того, что въ древности называлось обществомъ—взглядъ, который раздѣляется и донинѣ многими изслѣдователями римскаго права⁴⁾. Семейная любовь называлась „соціальною” любовью⁵⁾. И отношеніе жены къ мужу понималось какъ „соціальное” отношеніе⁶⁾. Семья называлась обществомъ главнымъ образомъ потому, что она возникала путемъ договора: *nuptias non concubitus, sed consensus facit*, учили римскіе юристы⁷⁾. По-

¹⁾ Ἐν κοινωνίᾳ γὰρ ἡ φιλία. (Этика, VIII, 9).

²⁾ Societas jus quodammodo fraternitatis in se habet (l. 63 D. XVII, 2).

³⁾ Политика I, 2. Ср. Цицерона De officiis I, XVII: Prima societas in ipso conjugio est.

⁴⁾ См. особенно B. W. Leist: Zur Geschichte der römischen Societät, Jena, 1881, стр. 45. P. F. Girard: Manuel élémentaire de droit romain, troisième édition, Paris, 1901, стр. 570. Среди новѣйшихъ романистовъ болѣе всего протестовалъ противъ такой односторонности Пернись; но и онъ не могъ не видѣть одного изъ корней общественнаго договора римскаго права въ societas omnium bonorum, т. е. въ древнемъ consortium (см. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanistische Abtheilung, III Band, 1 Heft, 1882: Zum römischen Gesellschaftsvertrage, стр. 49).

⁵⁾ Socialis amor. См. Овидія Metamorphoseon Lib. VII, 800; Ex Pontico, Lib. III, Epist. I, 73. Ср. Fastorum Lib. II, 729: torus socialis.

⁶⁾ Uxor.. socia rei humanae atque divinae (Cod. IX, 32, 4). Γυναῖκα γαμετήν... κοινωνὸν πάντων χρημάτων τε καὶ ἱερῶν (Діонисій Галикарнасскій, II, 25). Τῶν γάμων... κοινωνία (Платонъ, Законы 721А).

⁷⁾ l. 30 D. 50, 17. l. 15 D. 35, 1.

добнымъ же образомъ и союзъ дѣтей, происходящихъ отъ брака, назывался только тогда обществомъ—*consortium* или *societas omnium bonorum*,—когда они не дѣлили между собою наслѣдства, а образовывали имущественный союзъ, союзъ хотя и родственный, но договорный. Вообще въ античномъ мѣрѣ общество главнымъ образомъ, если не преимущественно понималось какъ союзъ искусственный. И подъ это понятіе подводились только соотвѣтственныя явленія.

Живущая въ добромъ согласіи семья, особенно если это еще большая семья, задруга, союзъ нѣсколькихъ поколѣній, представляетъ картину не лишенную привлекательности. Въ этой средѣ естественно культивируются чувства братства, любви, согласія и т. п. Все это тѣсно связалось съ понятіемъ общества и сообщило ему какую-то нравственную привлекательность. Вотъ почему, какъ упомянуто выше, сухой римскій юристъ Ульпіанъ проявилъ совершенно неожиданную чувствительность, когда заговорилъ объ обществѣ, хотя онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ такія формы юридической ассоціаціи, въ которыхъ не было рѣшительно ничего сентиментальнаго.

Кромѣ семейныхъ союзовъ, которые далеко не всегда и не непременно являли картину дружескаго согласія—тяжки войны между братьями, замѣтилъ Аристотель,—общеніе всѣхъ божескихъ и человѣческихъ вещей создавалось на почвѣ дружбы ¹⁾, этого общества душъ ²⁾, при которомъ, какъ гласила греческая пословица, у друзей все общее, *κοινὸν τὰ τῶν φίλων*. Такого рода общества, такія коммуны друзей были или по крайней мѣрѣ считались не только утопическими пожеланіями, но и вполне конкретными фактами живой дѣйствительности.

¹⁾ См. Цицерона *De amicitia* VI; Сенеку *Epist.* XLVIII.

²⁾ *Amicitia est animorum societas* (Исидоръ Испанскій, *Sententiarum Lib. III, Cap. XXVIII, 2*).

Такъ именно устраивали свою жизнь пифагорейцы по преданію, правда сильно прикрашенному позднѣйшими неоплатониками и неопифагорейцами, проэцировавшими въ добромъ старомъ времени свой мечты объ идеальномъ общежитіи. Какъ бы ни были эфемерны эти союзы, также непрочные, какъ и всякіе союзы, основанные только на чувствѣ симпатіи¹⁾, тѣмъ не менѣе они существовали. И такія полурелигіозныя коммуны друзей, у которыхъ все общее, назывались, какъ и семья, обществами, причемъ это названіе, какъ видно изъ одного текста Аулу Геллія²⁾, понималось по аналогіи съ его первоначальнымъ значеніемъ союза семейственнаго.

Гораздо большею опредѣленностью, чѣмъ полуполегендарныя коммуны друзей, отличались тѣ союзы, которые заключались не для рѣшенія проблемы счастья и жизни, согласной съ тѣмъ или инымъ нравственнымъ идеаломъ, а для достиженія какихъ-нибудь имущественныхъ цѣлей. Такіе союзы главнымъ образомъ и именовались обществами. И по ихъ поводу по преимуществу выработалось наиболѣе ясное и точное въ древнемъ мірѣ понятіе соціальнаго—понятіе юридическое, довольно тщательно отдѣлявшееся отъ не поддававшегося точному учету дружескаго общенія³⁾, скорѣе приближавшагося къ семейному союзу⁴⁾. Подъ обществами понимали главнымъ образомъ тѣ союзы, теорію которыхъ даютъ 25-ая глава 3-ей книги Институцій Гая и вторая глава 17-ой кни-

¹⁾ *Amicus diu quaeritur, vix invenitur, difficile servatur*, поучаль св. Іеронимъ (*Commentariorum in Michaeam Lib. II, Cap. VI., Migne, XXV, стр. 1278*).

²⁾ I, IX, 12: *Quod quisque familiae pecuniaeque habebat, in medium dabat et coibatur societas inseparabilis, tamquam illud fuit anticum consortium, quod iure atque verbo Romano appellabatur ercto non cito*.

³⁾ *Inter Amicum et Socium. Amicus constat affectu, socius re, quia consortio constat* (Исидоръ Испанскій, *Differentiarum Lib. I, 2*).

⁴⁾ *Non enim mihi sic cum amico communia sunt, quomodo cum socio, ut pars mea sit, pars illius; sed quomodo patri matrique communes liberi sunt* (Сенека, *De beneficiis, Lib. VII, XII*).

ги Юстиниановыхъ Дигестъ. Этой частноправной теоріи суждено было впослѣдствіи, въ соединеніи съ римскимъ же юридическимъ ученіемъ о такъ названныхъ впослѣдствіи моральныхъ лицахъ, т. е. коллективныхъ личностяхъ, лечь въ основаніе публичнаго права новаго времени и черезъ его посредство войти въ эклектическое и расплывчатое ученіе о гражданскомъ обществѣ, соціальной солидарности, *consensus'ф* и т. п. При этомъ ея происхожденіе, ея первоначальное значеніе и назначеніе были почти совсѣмъ забыты. Въ древнемъ Римѣ она была точнѣе, объективнѣе и научнѣе. Вызывалось это тѣмъ, что она не постулировалась априорно, а отвлекалась отъ реальной жизни, представляла, пользуясь однимъ изъ выраженій римскихъ юристовъ ¹⁾, краткій пересказъ вещей. Древнее *consortium* или *societas omnium bonorum* сонаслѣдниковъ, синдикатъ публикановъ и иныя совмѣстныя торговыя и промышленныя предпріятія—таковы были тѣ конкретные случаи, отъ которыхъ римскіе юристы отвлекали свое понятіе общества. Съ точки зрѣнія этого понятія общество есть не болѣе какъ договоръ, заключаемый отдѣльными людьми вполне сознательно и вполне намѣренно, для вполне определенной и осуществимой имущественной цѣли. Заключая его, иными словами, вступая въ общество, каждый членъ вноситъ свой вкладъ, имущественный или иной. Вклады могутъ быть различны. Но они непременно должны быть сдѣланы каждымъ вступающимъ въ общество. Иначе вмѣсто соціальнаго отношенія создается основанное на дареніи отношеніе благотворительное: *donationis causa societas recte non contrahitur*, училъ Ульпіанъ ²⁾. Какъ союзъ, заключенный опредѣленными лицами для достиженія именно ими опредѣленной цѣли, общество не можетъ быть заключено навѣки: *nulla societatis in aeternum coi-*

¹⁾ 1. 1 D. 50, 17.

²⁾ 1. 5 D. 17, 2.

tio est, учить Павелъ ¹⁾). Вступая въ общество, каждый обязывается только за самого себя. За своихъ наслѣдниковъ онъ уже не можетъ обязаться ²⁾). Возникшее путемъ согласія, по ясно выраженной волѣ опредѣленныхъ лицъ съ совершенно опредѣленною цѣлью, общество какъ для каждаго изъ нихъ, такъ и для всѣхъ продолжается ³⁾ и прекращается также по ихъ волѣ. Въ случаѣ же если согласіе въ предѣлахъ той цѣли, ради которой общество возникло, длится въ теченіе всей жизни этихъ лицъ, оно исчезаетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ, т. е. со смертію этихъ лицъ ⁴⁾).

Семейный союзъ и имущественный договоръ—таковы были классическія значенія общества въ античномъ мірѣ. Всякія другія значенія носили или переходный, промежуточный характеръ, какъ, напримѣръ, упомянутое выше общеніе друзей, или же имѣли переносный, перѣдко и метафизическій смыслъ.

V.

Въ переносномъ смыслѣ понятіе общества распространялось на отношенія государственныя. Называя государство обществомъ, древніе греки и римляне отчасти констатировали дѣйствительность, отчасти высказывали пожеланіе, разсуждали телеологически.

Они констатировали дѣйствительность постольку, поскольку античное государство, въ отличіе отъ современнаго, дѣйствительно являлось общиною. Въ Греціи государствомъ назывался городъ—*πόλις*. Такой городъ, какъ, повидимому, и всѣ вообще города, возникалъ и предназ-

¹⁾ I. 70 D. 17, 2.

²⁾ I. 35 D. 17 2.

³⁾ Manet autem societas eo usque, donec in eodem consensu perseveraverint (Instit. III, 25).

⁴⁾ Dissociamur renuntiatione, morte etc. (I. 4. D. 17, 2).

начался первоначально исключительно для военныхъ цѣлей, служилъ оплотомъ для обороны или же базисомъ для нападенія. Сообразно съ этимъ населеніе его представляло дружину, жившую болѣе или менѣе сообща и сплоченно. Сплоченность доходила иногда до коммунизма, какъ, на примѣръ, у занявшихъ липарскіе острова греческихъ флибустьеровъ, этихъ въ своемъ родѣ предшественниковъ нашихъ запорожцевъ, едва ли не исключительно занимавшихся, какъ выразился Ливій, публичнымъ разбоемъ¹⁾ и жившихъ сообща²⁾. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ политическаго, т. е. городского быта, съ появленіемъ въ немъ мирныхъ профессій, торговли и частной предприимчивости коммунистическія, дружинныя связи конечно ослабѣли и на сцену выступило личное начало. Но ему не удалось вполне преодолѣть ни воспоминаній о старинѣ, соціальный характеръ которой, какъ это, на примѣръ, произошло по отношенію къ древней Спартѣ, часто преувеличивался подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ публицистическихъ идеаловъ, ни цѣлой сѣти законодательныхъ и административныхъ предписаній, проникнутыхъ такъ или иначе понятыми „соціальными“ соображеніями. Вся публичная и въ значительной степени также личная жизнь обывателей греческихъ городовъ благодаря этому опредѣлялась и видоизмѣнялась сообразно съ ихъ общественнымъ строемъ—*πρὸς τὴν πολιτείαν*, какъ любилъ выражаться Аристотель въ „Политикѣ“.

Соціальнымъ до извѣстной степени могло быть названо и римское государство, по крайней мѣрѣ въ его древнѣйшемъ видѣ. Это видно уже изъ того, какъ оно называлось: *civitas*, гражданство. Такое названіе означало совокупность, союзъ гражданъ, первоначально только копьеносцевъ, воиновъ, дружину, сообща стяжавшую

¹⁾ Publico latrocinio (V, 28).

²⁾ Κοινωσύνην βιοῦντες (Діодоръ, V, 9).

имущество—*res publicam*, буквально публичную вещь— и затѣмъ дѣлившую его или же сообща владѣвшую имъ. Римская *civitas* въ гораздо большей степени, чѣмъ греческая *πόλις*, носила свободный характеръ, характеръ сходки ¹⁾, вольницы, договорной ассоціаціи. Такъ какъ общественнымъ договоромъ—*sociāli foedere*—римская государственная община соединялась также и съ сосѣдними племенами, то, кромѣ государственнаго общенія, социальнымъ называлось также и международное общеніе ²⁾.

Еще въ большей степени умѣстно было названіе социальнаго по отношенію къ совершенно искусственному идеальному государству, о которомъ такъ любили мечтать и спорить въ старину. Оно должно было представлять полную противоположность той акосміи, которая наблюдалась въ дѣйствительной жизни, должно было осуществлять полную гармонію, полную симфонію и такимъ образомъ напоминать не столько общество въ юридическомъ смыслѣ, сколько скорѣе общество въ смыслѣ моральнаго союза пифагорейскихъ общинъ ³⁾, воспоминанія о которыхъ были оживлены и прикрашены подвліяніемъ соотвѣтственныхъ мечтаній.

Изъ такого сочетанія наблюденій и пожеланій составилось политическое понятіе общества. Какъ бы оно ни было полезно для теоретическаго и практическаго ориентированія въ политикѣ, оно, въ отличіе отъ юридическаго понятія общества, съ которымъ у него было болѣе всего сходства ⁴⁾ и отъ котораго оно собственно и произошло,

¹⁾ Coetus (Cicero, De republica, I, XXIV). См. объ этомъ Geschichte der Staatsrechtswissenschaft, von H. Rehm, 1896, стр. 150. Ср. O. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, III, 23.

²⁾ Tres autem sunt societates: familiarum, urbium, gentium (Исидоръ Испанскій, Etymolog. Lib. XV, Cap. II, 2). Ср. P. Willems, Le droit public romain, quatrième édition, Louvain, 1880, стр. 382.

³⁾ Civium beate et honeste vivendi societatem, какъ выражался Цицеронъ (De republica, IV, 3).

⁴⁾ Ἡ δὲ τούτων (т. е. ἀγαθῶν καὶ κακῶν καὶ δικαίων καὶ ἀδίκων) κοινωνία ποιεῖ οἰκίαν καὶ πόλιν. ἡ γὰρ δίκη πολιτικῆς κοινωνίας τάξις ἐστίν (Аристотель,

знаменовало уже нѣкоторый упадокъ чистоты пониманія. Оно примѣнялось не въ прямомъ, а въ переносномъ смыслѣ. Оно только отчасти было адекватно дѣйствительности. Главнымъ же образомъ оно представляло предвосхищеніе если не неосуществимаго, то во всякомъ случаѣ неосуществленнаго идеала. Государственная жизнь, взятая въ ея непосредственно данномъ историческомъ видѣ, могла быть названа общественною жизнью, въ особенности жизнью, основанною на договорѣ и на совмѣстномъ осуществленіи единой цѣли, только въ условномъ, переносномъ смыслѣ. Согласіе всѣхъ гражданъ относительно общей цѣли совмѣстной жизни, которое и Аристотель и Цицеронъ, эти главные представители классическаго пониманія государства какъ общества, полагали въ основаніе политическаго союза, представляло или мечту или же фикцію—фикцію въ иныхъ случаяхъ близкую къ издѣвательству—подобно не допускавшемуся римскими юристами „львиному обществу” (*societas leonina*) или же тому мнимому родственному обществу между древнеримскими патронами и ихъ вольноотпущенниками, подъ предлогомъ котораго патроны могли ихъ эксплуатировать и, какъ выразился Ульпіанъ, *durissimas res exigere* ¹⁾. Развѣ политическая жизнь Греціи и Рима, не только внѣшняя, но также и внутренняя, не представляла картины почти непрерывныхъ раздоровъ, узурпацій, кровопролитій, при которыхъ, какъ выразился Аристотель ²⁾, люди не образуютъ соціальнаго строя? Развѣ не имѣлъ основанія Гераклитъ, когда онъ утверждалъ, что, если у людей и есть что-нибудь общее, то это—только война ³⁾? Какъ же послѣ это—

Политика I, 2). Est igitur res publica res populi, populus autem non omnis hominum coetus, sed coetus multitudinis juris consensu et utilitatis communione sociatus (Цицеронъ, De republica, Lib. I, XXV).

¹⁾ I. 1 D. 38 2.

²⁾ Ὅς καθίστασι κοινὴν πολιτείαν (Политика VI, 9, 11).

³⁾ Τὸν πόλεμον ἔοντα ξυνόν (H. Diels, Die Fragmente der Vorsokratiker, Berlin, 1903, стр. 78).

го называть такую жизнь общественною? Не является ли государство-общество не болѣе какъ мечтою, фикціею или же, какъ признавалъ Аристотель, телеологическимъ понятіемъ ¹⁾, предѣломъ, цѣлью, такъ сказать, асимптотою, къ которой должна приближаться, къ которой болѣе или менѣе приближается, но которой никогда не достигаетъ реальная политическая жизнь? Тѣмъ не менѣе именно Аристотель видѣлъ въ государствѣ общество по преимуществу; и во всякихъ другихъ бытовыхъ союзахъ онъ склоненъ былъ видѣть не болѣе какъ части, подчиненные элементы общества политическаго ²⁾.

Такимъ образомъ фикція заслонила дѣйствительность, и понятіе общества впервые получило нѣкоторую туманность. Эта туманность усилилась съ территоріальнымъ расширеніемъ античнаго государства, особенно римскаго, съ превращеніемъ его изъ мелкой общины въ великую, міровую державу. Если Аристотель находилъ даже предлагаемое Платономъ число 5040 семействъ слишкомъ значительнымъ для образованія настоящаго политическаго общества ³⁾, если и въ XVIII вѣкѣ Райналь объявилъ „чудовищемъ въ природѣ” общество численностью отъ 20 до 30 милліоновъ человѣкъ ⁴⁾, то тѣмъ труднѣе было назвать обществомъ всесвѣтную имперію, среди провинцій которой скромно значились „Азія” и „Африка”, и въ которой энергично работали центробѣжныя силы.

Къ этому присоединялось еще и то, что отношеніе между населеніемъ и властью въ имперіи совершенно утратило старинный соціальный характеръ. Фактически исчезъ древній демократическій типъ государства, когда

¹⁾ Πᾶσα πόλις φράσι ἐστίν... ἡ δὲ φράσις τέλος ἐστίν (Политика, I, 2).

²⁾ Πᾶσαι δὲ φαίνονται αἱ κοινωνίαι μέρη τῆς πολιτικῆς εἶναι (Этика VIII, 11).

³⁾ Политика II, II, 3; см. еще IV (VII), IV, 7.

⁴⁾ Histoire philosophique et politique des établissemens et du commerce des Européens dans les deux Indes, tome V, 15. Geneve, 1780.

совокупность гражданъ (*civitas*) путемъ избранія устанавливала магистратовъ и вручала имъ власть, когда власть выросла изъ общества. Явились новые типы—сначала автократическій, потомъ, съ принятіемъ христіанства, теократическій. Въ автократическомъ типѣ императоры по собственному праву, опирающемуся на силу легіоновъ, становятся во главѣ государства и диктуютъ свою волю населенію; власть здѣсь самодовлѣетъ; она самодержавна. Въ теократическомъ типѣ императоры царствуютъ не волею народа и не по собственному праву, а Божіею милостью; они—намѣстники, викаріи, делегаты небеснаго величества; они стоятъ у подножія небесной іерархіи и на вершинѣ іерархіи земной; они возсѣдаютъ на престолѣ, окруженные пышнымъ дворомъ; путемъ нисходящей іерархіи чиновъ они воздѣйствуютъ на огромную, пеструю массу населенія, на рабовъ небеснаго царя и подданныхъ земного бога.

Тѣмъ не менѣе на языкѣ права автократическое и теократическое государство по прежнему понималось какъ демократическое общество: такъ смотрѣлъ, напри-
мѣръ, на государство Ульпіанъ, несмотря на неистовства преторьянцевъ, не пощадившихъ и его самого. Юристы и въ государствѣ Геліогабала продолжали видѣть республику такого же социальнаго типа, какъ и та республика, которую характеризовалъ въ своемъ политическомъ трактатѣ Цицеронъ. И сообразно съ этимъ государство по прежнему опредѣлялось какъ общество: *civitas est hominum multitudo societatis vinculo adunata* ¹⁾. Изъ адекватнаго дѣйствительности понятія общество стало такимъ образомъ превращаться въ фикцію, или же въ реторическую фигуру.

¹⁾ Исидоръ Испанскій, *Etymolog. Lib. XV, Cap. II, 1.*

VI.

Въ реторическомъ пользованіи и злоупотребленіи понятіемъ общества, чѣмъ, между прочимъ, иногда грѣшилъ Платонъ ¹⁾, особенно повинны были стоики. Если вслѣдствіе этого они и расширили нравственную фразеологию новымъ—нельзя не согласиться, чрезвычайно благодарнымъ—сюжетомъ, они также сообщили ему темноту и неясность. Такъ, напримѣръ, Цицеронъ въ трактатѣ „объ обязанностяхъ“, составленномъ по его собственному заявленію ²⁾ въ стоическомъ духѣ, объявилъ, что для того, чтобы взойти къ настоящимъ основаніямъ человѣческаго общества—Аристотель, какъ упоминалось, восходилъ съ этою цѣлью къ семейному союзу,—слѣдуетъ подняться на особую, высшую точку зрѣнія ³⁾. И дѣйствительно онъ заводитъ читателя въ какое-то чрезвычайно широкое ⁴⁾, универсальное общечеловѣческое общество, основанное на не совсѣмъ ясно опредѣленныхъ, но имѣющихъ привлекательный видъ началахъ—ratio и oratio. Но затѣмъ при переходѣ къ практическимъ выводамъ—извѣстно, что этотъ трактатъ написанъ Цицерономъ для его сына, которому онъ даетъ житейскія наставленія приблизительно въ духѣ Шекспирова Полонія,—авторъ, по собственному заявленію, изъ „огромнаго общества рода человѣческаго“ снисходитъ къ „незначительному и тѣсному“ ⁵⁾. Такимъ обществомъ, лучше и прочнѣе котораго, опять таки по его собственнымъ словамъ нѣтъ ничего ⁶⁾, оказывается въ концѣ концовъ то, что

¹⁾ Такъ, онъ говоритъ объ обществѣ между богами и людьми (Пиръ 188С) или объ обществѣ неба и земли (Горгій 507Е).

²⁾ De officiis Lib. I, II.

³⁾ Ib. Lib. I, XVI: sed, quae naturae principia sint communitatis et societatis humanae, repetendum videtur altius.

⁴⁾ Ib. Latissime patens societas.

⁵⁾ I, XVII.

⁶⁾ Ib.

теперь называется высшимъ обществомъ. Цицеронъ, этотъ ставшій снобомъ счастливый *parvenu* (*homo novus*), опредѣлилъ его съ откровенностью, почти извиняющею сентиментальность и напыщенность его фразъ о мнимомъ всечеловѣческомъ обществѣ. Оказывается, что всѣ, живущіе трудомъ рукъ своихъ, какъ люди грязнаго ремесла ¹⁾, не могутъ считаться членами настоящаго общества. Купцы допустимы въ немъ только тогда, когда они ворочаютъ очень крупными капиталами; въ противномъ случаѣ и ихъ профессія считается грязною: мелкій лавочникъ шокируетъ настоящее общество ²⁾. Самое же достойное мѣсто въ немъ, оказывается, можетъ принадлежать только помѣщикамъ ³⁾, конечно тоже возможно болѣе крупнымъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что то возвышенное и обширное общество людей, о которомъ такъ хорошо разсуждалъ Цицеронъ, представляло для него не болѣе какъ поводъ блеснуть своею реторикою. Чисто реторическую цѣнность представляютъ также аналогичныя разглагольствованія другого великосвѣтскаго и сановнаго приверженца стоицизма, именно Сенеки, сентиментально увѣрявшаго, что всѣ люди образуютъ тѣсное общество, болѣе того, какъ бы одну семью, одинъ домъ ⁴⁾. Во всемъ этомъ было столько же фразерства, если даже не лицемерія, сколько въ прославленіи нищеты тѣмъ же самымъ Сенекою—крупнымъ финансистомъ и опытнымъ дѣльцомъ—или же въ его предвараившемъ Руссо и Толстого призывѣ къ опрощенію, въ его протестѣ про-

¹⁾ In sordida arte. I, XLII.

²⁾ Mercatura autem, si tenuis est, sordida putanda est; sin magna et copiosa.. non est admodum vituperanda.

³⁾ Ib. Обо всѣхъ этихъ интересныхъ разсужденіяхъ Цицерона см. R. Pöhlmann, Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus, II Band, 1901, стр. 487 и особенно O. Neurath, Zur Anschauung der Antike über Handel, Gewerbe und Landwirtschaft (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, III Folge, XXXII Band., 1906, стр. 577 и слѣд.).

⁴⁾ De beneficiis, Lib. VII, I.

тивъ культуры—противъ ключей, замковъ и въ особенности почему-то противъ крышъ ¹⁾).

Реторическій пафосъ, съ которымъ стойки разсуждали объ обществѣ и который донинѣ еще принимается за классическій образецъ нравственной и философской глубины, сильно запуталъ это понятіе. Во-первыхъ, они смѣшали общество, какъ мечту или какъ практическую нравственную проблему, съ обществомъ, какъ реальнымъ фактомъ: общеніе и солидарность всего рода человѣческаго изъ опредѣленной мечты они превратили въ неопредѣленный фактъ. Во-вторыхъ, они проэцировали эту мечту въ какомъ-то небываломъ прошломъ и такимъ образомъ превращали исторію изъ положительнаго знанія въ какую-то утопическую идеологію; золотой вѣкъ, трогательное идеальное общество людей, оказывается, существовало уже въ старину ²⁾). Наконецъ, въ-третьихъ, согласно со своею матеріалистическою теоріею познанія, признававшее дѣйствительность и дѣйственность только за тѣлесными предметами и провозгласившее таковыми также нравственные и логическія понятія и постулаты, они изъ общества, и притомъ всечеловѣческаго, сдѣлали какое-то тѣло: *membra sumus corporis magni*, училъ Сенека ³⁾). При этомъ тѣло понималось ими не въ томъ условномъ, техническомъ юридическомъ смыслѣ, въ которомъ юристы называли тѣлами корпораціи, *universitates personarum*, надѣляя этимъ признакомъ *societates republicanorum* ⁴⁾), а въ смыслѣ какой-то метафизической реальности. И сообразно съ этимъ та т. н. социальная точка зрѣнія въ пониманіи человѣка, которая совсѣмъ на-

¹⁾ Epistola XC.

²⁾ Epistola XC: *Inter homines consortium... aliquandiu inviolatum mansit, antequam societatem avaritia distraxit.*

³⁾ Epistola XCV.

⁴⁾ См. В. Б. Ельяшевича, Юридическое лицо, его происхождение и функціи въ римскомъ частномъ правѣ, С.-Петербургъ, 1910, стр. 405 и слѣд.

прасно считается открытіемъ XIX вѣка, потому что ея формулировку, совершенно аналогичную нашимъ современнымъ, можно найти въ главѣ XVII четвертой книги трактата Сепеки „О благодѣяніяхъ“, и которая впервые была введена стоиками, подставляла вмѣсто живыхъ конкретныхъ людей метафизическія абстракціи. Въ отличіе отъ соціальной точки зрѣнія Аристотеля, видѣвшаго въ обществѣ главнымъ образомъ понятіе телеологическое, конечную цѣль, къ которой людей побуждаетъ отчасти уже одинъ фактъ ихъ совмѣстной жизни, отчасти же ихъ намѣреніе не просто жить, а возможно лучше жить, соціальная точка зрѣнія стоиковъ провозглашала общество не цѣлью, а фактомъ, реальнымъ, даже тѣлеснымъ фактомъ и притомъ единственнымъ фактомъ, не только отличнымъ отъ его составныхъ элементовъ, т. е. отдѣльныхъ людей, но даже какъ будто противоположнымъ имъ или исключаяющимъ, уничтожающимъ ихъ. Единичный человѣкъ—ничто. Общество—все. Не человѣкъ создаетъ общество, а общество—человѣка. Не общество должно доказывать свое право на существованіе, а, напротивъ, единичный человѣкъ. Впрочемъ лучше ему и не доказывать этого права: такого права у него нѣтъ, не можетъ быть и не должно быть.

VII.

Начатое стоиками дѣло было завершено патристикою. Всякая религія живетъ не столько дѣйствительностью, сколько мечтами, принимаетъ невидимое за видимое, упованіе за реальность. Христіанская религія тоже жила въ значительной степени вѣрою въ осуществленный идеалъ. Однимъ изъ такихъ ея идеаловъ было христіанское общество. О такомъ обществѣ еще въ XVII вѣкѣ Лейбницъ писалъ: *fraternitas christiana societas ex-*

cellentissima, latissima humana societas ¹⁾). Оно имѣло реальную подкладку въ тѣхъ, напоминавшихъ пифагорейскіе союзы, древнехристіанскихъ общинахъ, въ которыхъ союзная связь и тѣсное общеніе создавались не на почвѣ договора, какъ въ семьѣ и юридическомъ обществѣ, а на почвѣ общей вѣры, общей надежды, общей любви, особенно любви. Послѣ того какъ угасъ первый фанатизмъ, первый энтузіазмъ, послѣ того какъ переходъ изъ язычества въ христіанство пересталъ быть внутреннимъ нравственнымъ перерожденіемъ и сталъ просто внѣшнимъ обрядомъ, послѣ того какъ въ христіанскую среду проникли честолюбіе и раздоры, послѣ того какъ, наконецъ, покровомъ христіанства облекся почти весь безъ остатка языческій міръ, оставшійся послѣ этого такимъ же языческимъ міромъ, какимъ онъ былъ и прежде— послѣ всего этого тѣсное христіанское общество, основанное на такомъ интимномъ чувствѣ, какъ любовь, стало не болѣе какъ фикціею, слововоплощеніемъ. И тѣмъ не менѣе эта фикція была объявлена реальнымъ предметомъ. Какъ стоики, не довольствуясь включеніемъ въ міровое общество всего рода человѣческаго, распространяли его и на всю прочую тварь—живую и неодушевленную, земную и небесную, словомъ, на весь міръ со включеніемъ боговъ, такъ и въ христіанское общество или церковь, кромѣ живыхъ, были включены и мертвые, кромѣ видимыхъ людей, людей во плоти, еще и главнымъ образомъ невидимые безплотные духи. И такой метафизическій союзъ, основанный на любви—причемъ любовь къ людямъ была вытѣснена любовью къ Богу,—объявлялся конкретнымъ тѣломъ, признавался реальною силою, факторомъ исторіи, сражающимся, какъ училъ бл. Августинъ, съ инымъ факторомъ, съ иною силою, именно со свѣтскимъ обществомъ, основаннымъ тоже на любви—безъ любви уже не могли представить себѣ

¹⁾ См. G. Mollat, Mittheilungen aus Leibnizens ungedruckten Schriften, Leipzig, 1893, стр. 99.

общества,—но на любви человѣка не къ Богу и даже не къ другимъ людямъ, а къ самому себѣ ¹⁾). Съ усиленіемъ христіанства въ такомъ дуализмѣ больше не оказалось уже надобности—по крайней мѣрѣ для схоластиковъ папскаго лагеря. И церковь была признана католическою, т. е. вселенскою, универсальною. Тогда же появилось и освященное церковнымъ авторитетомъ ученіе схоластическихъ философовъ о томъ, что дѣйствительны, реальны только общія понятія, что *universalia sunt realia* и притомъ *ante res*. Значить, и католическая, иначе говоря, универсальная церковь, универсальное общество христіанъ не есть только сумма, классъ вѣрующихъ, абстракція, фикція или же просто слово: она—настоящая реальность, самобытная, самодовлѣющая. И никакія индивидуальныя и коллективныя усилія людей, никакія ереси и расколы не могутъ или по крайней мѣрѣ не должны колебать ея монополію дѣйствительнаго, сувереннаго бытія ²⁾). Рядомъ съ этою гвельфскою фикціею универсальнаго церковнаго общества схоластика утверждала бытіе гибеллинской фикціи универсальнаго свѣтскаго общества въ видѣ пресловутой священной римской имперіи, которую, напримѣръ, глоссаторы признавали единственнымъ на всю Европу, болѣе того, на весь міръ государствомъ ³⁾). Такимъ образомъ понятіе общества было всецѣло усвоено метафизическимъ „реализмомъ” средневѣковья. И сообразно съ этимъ это понятіе окончательно получило отвлеченный, туманный, оторванный отъ конкретной дѣйствительности смыслъ.

Е. Спекторскій.

¹⁾ De civitate Dei, Lib. XV, cap. XXVIII. Fecerunt itaque civitates duas amores duo; terrenam scilicet amor sui usque ad contemptum Dei, coelestem vero amor Dei usque ad contemptum sui.

²⁾ См. A. Weber, Histoire de la philosophie européenne, septième édition, Paris 1903, стр. 223.

³⁾ См. O. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, III Band, 1881, стр. 198.

Новые матеріалы для біографіи Михаила Ѳедоровича Романова и ихъ значеніе въ наукѣ.

Рѣдко приходится праздновать такіе выдающіеся юбилеи, какъ юбилеи трехъ предстоящихъ лѣтъ. Въ настоящемъ году Россія праздновала пятидесятилѣтіе великой крестьянской реформы, въ 1912 г. исполнится сто лѣтъ со времени потрясающихъ событій отечественной войны, въ 1913 г.—трехсотлѣтіе вступленія на престолъ излюбленной русскимъ народомъ династіи—дома Романовыхъ. Естественно, что теперь безостановочно идутъ приготовленія къ предстоящимъ юбилеямъ, работаютъ комиссіи, создаются проекты празднованія. Такъ какъ эти юбилеи имѣютъ высокое историческое значеніе, то не безынтереснымъ является отношеніе къ нимъ ученаго міра. Крупнѣйшіе изъ дѣятелей русской исторической науки относятся къ предстоящимъ юбилеямъ съ олимпійскимъ спокойствіемъ. Мнѣніе ихъ о значеніи воспоминаемыхъ событій уже составилось и перемѣнъ въ немъ не предвидится. Если даже откроются новые какіе либо документы, то и тогда двухъ лѣтъ будетъ слишкомъ недостаточно, чтобы вполнѣ оцѣнить историческое значеніе этихъ доку-

ментовъ и наука не успѣетъ такъ скоро ввести ихъ въ свой обиходъ. Совсѣмъ иначе относятся къ предстоящимъ юбилеямъ молодые ученые. Стремленіе къ новизнѣ, желаніе внести хоть что - нибудь свое, никому еще неизвѣстное, въ науку, заставляетъ ихъ лихорадочно работать надъ разыскиваніемъ новыхъ матеріаловъ. При этомъ, найдя что-либо, дѣйствительно мало извѣстное въ наукѣ, они спѣшатъ поскорѣе заявить о своей находкѣ всему свѣту и, увлекаясь, почти всегда переоцѣниваютъ значеніе своего открытія и вовлекаютъ иногда общество въ обманъ. Съ однимъ такимъ примѣромъ я хочу познакомить уважаемыхъ слушателей въ моей сегодняшней бесѣдѣ. Это тѣмъ болѣе не лишне, что втеченіе предстоящихъ двухъ лѣтъ намъ вѣрно не разъ еще придется слышать объ открытіяхъ интересныхъ „новыхъ“ данныхъ и можетъ быть этотъ примѣръ удержитъ насъ отъ слѣпного довѣрія къ быстро возникающимъ новымъ историческимъ гипотезамъ.

Наиболѣе лихорадочная работа по приготовленію къ 300-лѣтнему юбилею дома Романовыхъ началась въ Костромскомъ краѣ, который въ тѣ давнія времена былъ особенно близокъ этой фамиліи. На первыхъ порахъ пищу новымъ историческимъ гипотезамъ дали уже давно обнаруженные, но извѣстные лишь специалистамъ, документы Макарьевского Унженскаго монастыря. Подборъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ преданій далъ возможность освѣтить смыслъ и значеніе этихъ довольно мало говорящихъ отъ себя документовъ.

Въ прошломъ году въ газетныхъ телеграммахъ появилось извѣстіе, что найдены новые документы касательно обстоятельствъ восшествія на престолъ Михаила Теодоровича Романова. Это извѣстіе было результатомъ принятой на казенный счетъ въ Костромской край „научной“ экспедиціи. Лицо, которому дано было почетное порученіе разысканія матеріаловъ для предстоящаго юбилея, Л. А. Б—тъ, увлеклось рассказами мѣстныхъ ученыхъ объ ихъ открытіяхъ и преувеличило въ своемъ докладѣ—статѣ

значеніе этихъ открытій (см. Правительств. Вѣстникъ за 1909 г., № 128 и 129). Эта статья, подъ заглавіемъ „Колыбель дома Романовыхъ“, въ своего очередь, произвела большое впечатлѣніе. Наиболѣе сенсаціонныя данныя этой статьи касаются спасенія малютки Михаила Θεодоровича отъ гибели при Борисѣ Годуновѣ и дѣятельнаго подготовленія въ Костромскомъ краѣ возведенія на престолъ дома Романовыхъ. Г. Б—чъ помѣстилъ въ своей статьѣ лишь окончательные выводы изъ сдѣланныхъ „открытій“ и прибавилъ, что мѣстный ученый, членъ Костромской Ученой Архивной Комиссіи, Л. П. Скворцовъ, готовитъ „обстоятельный трудъ“ по этимъ вопросамъ. „Трудъ“ этотъ теперь появился въ печати. Это—небольшая книжка, подъ заглавіемъ „Одинъ изъ безвѣстныхъ дѣятелей смутнаго времени“. Она, повидимому, весьма мало извѣстна даже среди специалистовъ.

Эта книжка, или правильнѣе—брошюра, представляетъ собою опытъ сведенія въ одно результатовъ изученія костромскихъ архивныхъ документовъ мѣстными историками (В. В. Бѣляевымъ, свящ. И. Херсонскимъ, кн. Козловскимъ, Г. В. Юдинымъ и И. В. Баженовымъ). Но эта сводка данныхъ сопровождается такою обработкою и приведеніемъ въ систему, что невольно удивляешься богатству фантазіи автора. Въ особенности изобрѣтательнымъ становится онъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ актахъ есть пробѣлы.

Позволю себѣ познакомить моихъ уважаемыхъ слушателей съ документальными данными и съ построениями г. Скворцова.

Данныя старинныхъ родословцевъ свидѣлствуютъ, что предки Романовыхъ прибыли на службу къ московскому князю Даниилу Александровичу одновременно съ предками Хвостовыхъ. Потомки этихъ выходцевъ обзавелись вотчинами и помѣстьями въ Костромской области. Это даетъ поводъ г. Скворцову сдѣлать произвольное заключеніе—что родъ Романовыхъ и Хвостовыхъ находи-

лись между собою въ очень близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ. Разъ вступивъ на путь произвольныхъ домысловъ, нашъ ученый идетъ далѣе и полагаетъ, что въ царствованіе Ѳедора Іоанновича, когда Борисъ Годуновъ, прокладывая себѣ дорогу къ престолу, началъ притѣснять вліятельные боярскіе роды, Хвостовымъ, друзьямъ Романовыхъ, стало тяжело жить при дворѣ. Лѣтопись монаха Леонида (XVII в.) гласитъ: „егда же дойде вѣсть до государя царя и великаго князя Ѳедора Іоанновича и слыша о чудесахъ преподобнаго отца Макарія и о нестроеніи обители, яко никимъ же брегома, изволи онъ, государь, послати сына боярскаго, монашескій чинъ имуща, Давыда Хвостова по седми тысящахъ въ 104 году (1596) въ строители“. Въ родословныхъ спискахъ фамиліи Хвостовыхъ имени Давида нѣтъ. Это не смущаетъ г. Сковрцова и розыскавъ похожее имя—Данила Васильевича, о постриженіи котораго до сихъ поръ ничего не было извѣстно, нашъ ученый разсуждаетъ: за дружбу съ Романовыми, Данило Васильевичъ Хвостовъ былъ насильственно постриженъ подъ именемъ Давида и посланъ управлять захолустнымъ Унженскимъ монастыремъ.

О дѣятельности строителя Давида Хвостова памятники даютъ весьма скудныя извѣстія. По лѣтописнымъ даннымъ Унженскаго монастыря онъ билъ челомъ въ 1601 году святѣйшему патріарху Іову о построеніи новаго храма вмѣсто ветхаго; затѣмъ онъ получилъ жалованную грамоту отъ царя Бориса на рыбныя ловли; далѣе—унженскій житель Ѳома Крюковъ пожертвовалъ монастырю при Давидѣ Хвостовѣ недвижимое имущество и этотъ даръ царь Борисъ утвердилъ новою грамотою. Въ рукописи монаха Леонида читаемъ: „въ 7115 (1607) году билъ челомъ государю и царю великому Василию Ивановичу строитель-старецъ Давидъ Хвостовъ: велѣлъ де мнѣ Макарьевъ монастырь строить государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ, а братіи де у насъ 20 человекъ, а приходу де у насъ хлѣбнаго и денежнаго скудно и монастырь строить

нечѣмъ, и государь царь Василій Ивановичъ пожаловалъ подмонастырную волость деревню Ярцово верхнее съ деревнями“. Сохранились двѣ грамоты царя Василя въ копіяхъ XVIII в. Одна помѣчена 10 марта, а другая—7 декабря 1607 г. Послѣдняя адресована на имя „чернаго попа Іоасафа и строителя-старца Давида Хвостова съ братією“.

Какое значеніе могутъ имѣть всѣ эти свѣдѣнія о неусышной хозяйственной дѣятельности старца Давида Хвостова для г. Скворцова, который въ этой скромной фигурѣ непременно хочетъ видѣть политическаго дѣятеля? И вотъ онъ продолжаетъ начатую нить своихъ разсужденій. По его мнѣнію, Давидъ Хвостовъ не ограничился духовной и хозяйственной дѣятельностью, а повелъ въ томъ краѣ дѣятельную политическую пропаганду въ интересахъ фамиліи Романовыхъ; это не мѣшало ему выпрашивать для монастыря матеріальную поддержку и жалованныя грамоты при царѣ Борисѣ и Василіи Шуйскомъ. Скромные унженскіе монахи, по мнѣнію г. Скворцова, могли служить посредниками между членами фамиліи Романовыхъ, когда Борисъ разослалъ ихъ по разнымъ мѣстамъ, и передавать извѣстія отъ одного ссыльнаго другому.

О судьбѣ малолѣтняго Михаила Ѳеодоровича въ эту пору до сихъ поръ было извѣстно слѣдующее. Его тетки (кн. Черкасская и др.) были сосланы на Бѣлоозеро и малолѣтнему Михаилу и его сестрѣ Татіанѣ было велѣно находиться при нихъ. Въ 1602 году царь Борисъ разрѣшилъ имъ отправиться въ ихъ вотчины и нѣсколько лѣтъ они прожили въ костромскомъ селѣ Клину. Былъ-ли при нихъ Михаилъ Ѳеодоровичъ? До сихъ поръ предполагалось, что да. Но г. Скворцову надо, чтобы Михаила Ѳеодоровича при нихъ уже не было, и вотъ онъ строитъ свою гипотезу о дѣятельности Давида Хвостова далѣе.

Среди мѣстныхъ жителей циркулируетъ преданіе, что Михаилъ Ѳеодоровичъ, еще не будучи царемъ, жилъ однажды въ куполѣ Успенской церкви Унженскаго монастыря. Въ Унженскомъ монастырѣ хранится „келейный образъ“

Михаила Θεодоровича и когда-то хранились сани, на которыхъ, по преданію, инокиня Марѳа Ивановна, мать Михаила, пріѣхала за своимъ сыномъ. Этого матеріала для г. Скворцова вполнѣ достаточно, чтобы утверждать, что Михаилъ Θεодоровичъ дѣйствительно жилъ въ Унженскомъ монастырѣ. Такъ какъ мѣстопробываніе Михаила до 1602 г. и послѣ 1605 г. точно извѣстно, то нашъ ученый, желая использовать темный промежутокъ 1602—1605 г., заявляетъ, что кн. Черкасская и ея родичи не взяли съ собой Михаила Θεодоровича изъ Бѣлоозера въ Клинь, а помѣстили его у Давида Хвостова. Въ описи монастырскаго имущества 1613 г. значится среди строеній, возведенныхъ старцемъ Давидомъ Хвостовымъ — „игуменская келья съ комнатою“. Что это за „комната“? По мнѣнію г. Скворцова—это было помѣщеніе для малолѣтнаго Михаила Θεодоровича. Давидъ Хвостовъ попалъ, такимъ образомъ, въ роль хранителя и воспитателя будущаго царя.

По смерти царя Бориса положеніе Романовыхъ измѣнилось къ лучшему. Общеизвѣстенъ такой фактъ, какъ назначеніе отца будущаго царя—ростовскимъ митрополитомъ. Мать и сынъ поселились въ Ростовъ, а затѣмъ, когда митрополитъ Филаретъ попалъ въ Тушино, его семья поселилась въ Москвѣ. Во весь этотъ періодъ Давидъ Хвостовъ не нуженъ г. Скворцову и поэтому у насъ остаются лишь свѣдѣнія о хозяйственныхъ заботахъ этого старца (обращеніе къ царю Василю). Но если Давидъ Хвостовъ въ эту эпоху не интересенъ, то является, неизвѣстно откуда, новая интересная личность—митрополитъ казанскій Ефремъ, проявившій большую энергію въ борьбѣ со сторонниками всякихъ появлявшихся тогда самозванцевъ. И вотъ костромскіе ученые, хотя робко, но опредѣленно, высказываютъ мысль, что этотъ Ефремъ—не кто иной, какъ тотъ же Давидъ Хвостовъ. Ихъ не смущаетъ то обстоятельство, что митрополитъ Ефремъ появляется на казанской кафедрѣ въ концѣ 1606 г., а грамота царя Василя, посланная въ Унженскій монастырь въ декабрѣ 1607 г., адре-

сована на имя „чернаго попа Іоасафа и строителя старца Давида Хвостова съ братією“. Они видятъ въ этомъ простое канцелярское недоразумѣніе. Но интересъ къ личности митрополита Ефрема возбужденъ въ нихъ однимъ позднѣйшимъ фактомъ, и мы коснемся этого въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Въ промежуткѣ между 1607 и 1612 годомъ костромскіе ученые также находятъ одинъ фактъ, при помощи котораго находятъ возможнымъ безъ перерыва слѣдить за политическою дѣятельностью Унженскаго монастыря. Несмотря на то, что Давидъ Хвостовъ обращался, какъ мы видѣли, съ ходатайствомъ за монастырь къ царю Василию Шуйскому и монастырь, дѣйствительно, получилъ жалованную грамоту на деревни, этотъ же монастырь продолжаетъ агитировать въ интересахъ фамиліи Романовыхъ. Откуда же г. Скворцовъ почерпаетъ такое интересное свѣдѣніе?

Въ одномъ придѣлѣ Богоявленскаго монастыря въ Костромѣ сохранился антиминосъ, изъ надписи на которомъ видно, что онъ освященъ патріархомъ Гермогеномъ въ 1610 году. Хотя это—несовсѣмъ надежное свидѣтельство о дѣйствительномъ пріѣздѣ патр. Гермогена въ Кострому, но г. Скворцовъ спѣшитъ уже изъ факта пріѣзда патріарха сдѣлать выводъ. Онъ резонно находитъ, что въ такое критическое время, наканунѣ сверженія царя Василія, патріархъ врядъ-ли могъ отлучиться изъ Москвы по такому ничтожному поводу, какъ освященіе придѣла въ провинціальномъ монастырѣ. Зная, что патр. Гермогенъ относился къ царю Шуйскому вообще недоброжелательно, а, напротивъ, благоволилъ къ Романовымъ, г. Скворцовъ дѣлаетъ выводъ, что патріархъ пріѣзжалъ въ Костромскую область для обмѣна мнѣній съ романовскою партіей. Вотъ это, въ свою очередь, и служитъ для г. Скворцова доказательствомъ, что политическая дѣятельность унженскихъ монаховъ въ интересахъ фамиліи Романовыхъ не прерывалась.

Какъ извѣстно, послѣ отъѣзда Филарета въ Польшу, семья его попадаетъ въ руки поляковъ и освобождается лишь въ концѣ 1612 года, послѣ взятія Москвы народнымъ ополченіемъ Минина и Пожарскаго. Здѣсь опять является возможность пользоваться матеріалами, извлекаемыми изъ костромскихъ архивовъ.

Въ житіи преп. Макарія (XVIII в.) читаемъ: „прииде въ монастырь сей и благовѣрная великая старица инока Марѳа Іоанновна изъ костромскихъ предѣловъ, изъ вотчины своей, на поклоненіе гробу святаго и молитвы ради, съ пречестною своею отраслію, съ сыномъ своимъ, благовѣрнымъ отрокомъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Романовымъ, иже потомъ вскорѣ бысть милостію Божіею государь, царь и великій князь всея Россіи. Тѣмъ убо мати съ сыномъ многія моленія у гроба святаго Макарія сотвориша, молящися богоносному отцу, да поможетъ имъ своимъ ко Христу ходатайствомъ въ печалехъ ихъ и да сподобитъ я видѣти блаженнаго воистинну и многодобродѣтельнаго Филарета, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, въ Польшѣ тогда удержаннаго“. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „ангелоименитый онъ отъ Бога предызбранный во временное царство, вѣчное прежде возлюбивый, егда еще не у діадиму нося и скипетръ державства, егда крылся отъ безбожныхъ ляховъ въ младыхъ ся лѣтахъ въ предѣлахъ костромскихъ, паче же покрываемъ бываше покровомъ милости небесныя Царицы, христіанскія надежды и заступницы, Богородицы... достиже и Унженскія чуднаго Макарія обители. Слышалъ бо бѣше славу чудесъ его, и при его святѣмъ и чудотворнѣмъ гробѣ многія моленія показавъ, многія слезы излія, еже бы молитвами его отъ злочестивыхъ сохранитися... сотвори убо моленія своя смиренно и о родителѣ своемъ чудномъ архіереи Филаретѣ, удержанномъ въ Польшѣ въ плѣнѣ, яко да понеже облобыжетъ святыя его сѣдины, паче же святѣй церкви мольбы дѣяше“.

Это, въ высокой степени трогательное, обращеніе къ Богу, Богородицѣ и святому Макарію со стороны удру-

ченныхъ горемъ жены и сына привлекаетъ вниманіе ко-
стромскихъ ученыхъ совсѣмъ не лицевою своею сторо-
ною. Ихъ интересуетъ общеніе Романовыхъ съ Унжен-
скимъ монастыремъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ.

Извѣстно преданіе, что на избирательномъ земскомъ
соборѣ 1613 года первымъ, подавшимъ голосъ за избра-
ніе Михаила Ѳеодоровича Романова въ цари, былъ какой-
то галицкій дворянинъ (Галича костромского). Вотъ вамъ
и первый результатъ долготѣней политической пропаган-
ды Давида Хвостова и унженскихъ монаховъ. Вторымъ
лицомъ, подавшимъ голосъ за Михаила Ѳеодоровича, былъ
какой-то донской атаманъ. Какъ это обстоятельство ис-
пользовать? Очень просто. Унженскіе монахи часто ѣзди-
ли на Донъ, торговали тамъ и... конечно, вели политиче-
скую агитацію. Патріархъ Гермогенъ, соумышленникъ ун-
женскихъ монаховъ, былъ изъ донскихъ казаковъ. Вотъ
и все ясно.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича царемъ совершилось.
Кто же играетъ первую роль при его коронаціи? Митро-
политъ казанскій Ефремъ. А между тѣмъ этотъ митропо-
литъ вовсе не былъ старшимъ изъ тогдашнихъ архіере-
евъ. Чѣмъ же это объяснить? Біографія этого митропо-
лита до 1606 года совершенно неизвѣстна. Онъ получаетъ
кафедру тогда, когда Гермогенъ занимаетъ патріаршій
престолъ. Затѣмъ онъ, сообщая съ Гермогеномъ, ведетъ
весьма энергичную борьбу съ самозванцами, поддержи-
ваетъ въ народѣ національное и религіозное чувство. Не
значить-ли это, что онъ не кто иной, какъ Давидъ Хво-
стовъ? Естественно было царю Михаилу вызвать для сво-
его коронованія того человѣка, который давалъ когда-то
ему убѣжище, воспитывалъ его въ возрастѣ отъ 6 до 9
лѣтъ, велъ въ его пользу политическую агитацію и под-
готовилъ возведеніе его на престолъ! Получается очень
красивая цѣпь событій.

Итакъ, вѣрный другъ въ несчастіи былъ почтенъ. Но

самый монастырь Унженскій еще ждалъ благодарности. Обратимся снова къ источникамъ.

Въ лѣтописныхъ замѣткахъ того же Макарьевского монастыря читаемъ: „воспріимшу же хоругви російскаго царствія хриstopодражательному царю Михаилу Ѳеодоровичу и по воцареніи непрестанно мольбы и моленія творящу ко всецедрому Богу и ко Пречистѣй Богородицѣ и святыя призывающу на помощь, съ ними же купно умиленнѣ призывающе въ молитвахъ своихъ и великаго чудотворца, преподобнаго Макарія Унженскаго, яко да царствія его вся мятежи и кровопролитія утोलятся и родителя своего, блаженнаго архіерея Филарета, узритъ освобожденна изъ плѣна и въ царствующій градъ Москву пришедша. Положи же благовѣрный царь обѣщаніе свое преподобному Макарію въ молитвахъ своихъ, яко аще молитвами его вышереченная прошенія царская Богъ исполнить, то паки свое царское шествіе сотворити въ честную его обитель“.

Наконецъ, Богъ услышалъ молитвы юнаго царя. Митрополитъ Филаретъ въ 1619 г. вернулся изъ польскаго плѣна. Обрадованный царь поспѣшилъ возвести своего отца въ патріархи и скоро обратился къ нему съ просьбою произвести слѣдствіе о чудесахъ преп. Макарія. Патріархъ исполнилъ просьбу сына и такимъ образомъ имя преп. Макарія пріобрѣло широкую извѣстность. А въ августъ и сентябрь 1619 года царь, по благословенію своего отца, совершаетъ паломничество въ Макарьевъ Унженскій монастырь, причемъ послѣднія 20 верстъ пути дѣлаетъ пѣшкомъ, несмотря на весьма плохую погоду. Принеся горячія молитвы передъ гробомъ преподобнаго, царь осыпалъ монастырь милостями. Обитель, которая доселѣ „не славна была и не многочиселѣчна“ начинаетъ съ 1618 года играть видную роль среди другихъ монастырей. Царь повелѣлъ „монастырь изъ своихъ царскихъ сокровищъ пространнѣмъ строеніемъ устроить и весь чинъ монастырскій, яко же и въ прочихъ великихъ обителѣхъ, имѣти и между великими обителями сей монастырь учини, наравнѣ съ Со-

ловецкимъ монастыремъ“. Со этого времени игумены Макарьевского монастыря получили право и обязанность два раза въ годъ ѣздить въ Москву къ царю и патріарху „съ образами чудотворца и со святыми водами“.

Что во всей этой исторіи не ясно и требуетъ домысла? И царское семейное горе и царская семейная радость были настолько велики, что проявленіе религіознаго чувства и широкой размахъ пожертвованій вполне понятны. Но для г. Скворцова надо въ царской благодарности и щедротахъ видѣть политическую подкладку: поблагодаривъ Давида Хвостова, царь щедро благодаритъ и монастырь, которому обязанъ своимъ престоломъ.

Митрополитъ Ефремъ, повидимому, гораздо менѣе царя интересовался Унженскимъ монастыремъ. Рѣшительно нѣтъ никакихъ слѣдовъ о сношеніяхъ его съ этою обителью. Скончался онъ въ Казани и погребенъ въ пещеркѣ казанскаго Спасо-преображенскаго монастыря.

Изъ всей цѣпи разсмотрѣнныхъ г. Скворцовымъ данныхъ онъ дѣлаетъ слѣдующій многозначительный выводъ:

„Давидъ Хвостовъ—это замѣчательная историческая личность, которая составляетъ ядро исторіи и Макарьевской обители, и города, и свойства (sic) возведенія на престолъ дома Романовыхъ“.

Теперь посмотримъ, какое впечатлѣніе произвели „открытія“ костромскихъ ученыхъ на то лицо, которое командировано было съ научною цѣлью въ костромской край, а именно на Л. А. Б—ча. Онъ пришелъ въ благоговѣніе передъ этими открытіями и повѣдалъ о нихъ въ печати раньше, чѣмъ они были обнародованы. Но его сообщеніе отличается гораздо большею увѣренностью и опредѣленностью выраженій, чѣмъ это замѣчается въ появившемся „трудѣ“ г. Скворцова. Вотъ его подлинныя слова:

„Какъ могъ Борисъ пощадить сына Феодора (Никитича), Михаила? Спасенный въ юношескіе годы Сусаннымъ, Михаилъ Феодоровичъ былъ еще ребенкомъ спа-

сенъ бояриномъ Хвостовымъ... Л. П. Скворцовъ по вопросу этому готовитъ обстоятельный трудъ, сущность котораго, съ разрѣшенія автора, мы передадимъ въ нѣсколькихъ словахъ. Изучая костромскую старину, онъ остановился на нѣкоторыхъ, общеизвѣстныхъ въ исторіи, но мало или совсѣмъ необъясненныхъ фактахъ... (онъ) не безъ основаній (!) говоритъ, что бояринъ Хвостовъ и митрополитъ Ефремъ казанскій—одно лицо. Почтенный изслѣдователь имѣетъ данныя утверждать, что Хвостовъ, заранѣе ожидая новыхъ преслѣдованій Романовыхъ Годуновымъ, ѣдетъ въ Макарьевскій Унженскій монастырь, принимаетъ иночество, строитъ келью съ „комнатою“ и когда, увѣдомленная о томъ, княгиня Черкасская бѣжитъ (?) съ племянникомъ, она знаетъ, гдѣ по дорогѣ оставить на 5—6 лѣтъ будущаго царя (!) Михаила Ѳеодоровича—у преданнаго до самоотверженія дому Романовыхъ, боярина Хвостова. Вотъ кто, повидимому, спасъ Михаила Ѳеодоровича (отъ чего?) впервые, вотъ гдѣ онъ провелъ свое отрочество. Но Хвостовъ, какъ доказываетъ Л. П. Скворцовъ, далъ не только вѣрный пріютъ будущему царю: онъ все время ведетъ переговоры съ галичскими боярами (?) и... съ донскими казаками; всѣ нити великаго плана (!) возведенія на престолъ Михаила Ѳеодоровича находились въ рукахъ Хвостова... Вспомнимъ, что первое заявленіе о необходимости для спасенія Россіи избранія Михаила Ѳеодоровича было подано дворянами (!) изъ Галича и поддержанно донскими казаками (!)“.

Въ этомъ сообщеніи проглядываетъ явное намѣреніе произвести ошеломляющее впечатлѣніе на довѣрчивыхъ читателей. Авторъ сообщенія рубитъ сплеча, смѣло договаривая тамъ, гдѣ самъ изслѣдователь, на котораго онъ ссылается, говоритъ недомолвками; всѣ предположенія послѣдняго онъ объявляетъ непреложной истиной, не замѣчая того, что онъ наноситъ ударъ самому дорогому воспоминанію русскаго народа, превращая фактъ избранія Михаила Ѳеодоровича Романова всѣмъ народомъ въ ре-

зультатъ политическихъ интригъ одной партіи и даже чуть не одного лица. Замѣнить переѣздъ кн. Черкасской съ разрѣшенія царя Бориса изъ Бѣлоозера въ Клинь — „бѣгствомъ“ и поставить множественное число вмѣсто единственнаго въ словахъ о галичскихъ дворянахъ и казакахъ для него уже ничего не значить.

Не считаясь съ этимъ возмутительнымъ печатнымъ выступленіемъ, вернемся къ оцѣнкѣ „труда“ Л. П. Скворцова, чтобы сдѣлать окончательные выводы по поводу добытыхъ имъ данныхъ.

Мы видѣли, что показанія источниковъ, которыми г. Скворцовъ пользуется для построения своей гипотезы, имѣютъ многочисленныя пробѣлы, дополняемые этимъ ученымъ своими домыслами. Пробѣлы эти слѣдующіе:

1) О дружественныхъ сношеніяхъ и связи Романовыхъ и Хвостовыхъ въ документахъ нигдѣ нѣтъ ни одного слова.

2) О насильственномъ постриженіи боярина Данила Хвостова не сказано нигдѣ, равно какъ тожество этой личности со старцемъ Давидомъ Хвостовымъ г. Скворцовъ можетъ доказать только тѣмъ, что оба имени начинаются съ буквы Д.

3) Политическая агитація Давида Хвостова въ интересахъ Романовыхъ — произвольный домыселъ г. Скворцова.

4) Роль унженскихъ монаховъ въ поддержаніи сношеній между сосланными Романовыми — гипотеза безъ всякаго фактическаго обоснованія.

5) Пребываніе Михаила Θεодоровича въ возрастѣ отъ 6 до 9 лѣтъ подъ опекою старца Давида Хвостова — предположеніе, основанное лишь на смутныхъ преданіяхъ и на неважныхъ вещественныхъ памятникахъ.

6) Біографія Давида Хвостова послѣ 1607 года совершенно неизвѣстна, но такъ какъ личность митрополита Ефрема становится извѣстною съ конца 1606 г., то отождествлять эти 2 личности никакимъ образомъ не возможно.

7) Пріѣздъ патріарха Гермогена въ 1610 г. въ Ко-

строуму, несмотря на свидѣтельство упомянутого выше антиминса, мало вѣроятенъ (антиминсъ могъ быть освященъ въ Москвѣ), но политическая цѣль этого пріѣзда—совершенно необоснованная гипотеза.

8) Паломничество царя Михаила ко гробу преп. Макарія вездѣ мотивируется „чудесами и помощью, оказанными ему, великому государю, и пречестнымъ родителемъ его государскимъ во время ихъ государскихъ печалей“. Зная, о чемъ горячо молился Михаилъ со своею матерью и какая было у нихъ печаль, мы смѣло можемъ сдѣлать только одинъ выводъ,—что освобожденіе митрополита Филарета изъ плѣна царь считалъ однимъ изъ чудесъ преподобнаго Макарія и принесъ свои благодарственныя молитвы чудотворцу и щедрія жертвы его монастырю не за политическую агитацію монаховъ, а за спасеніе отца молитвами преподобнаго.

Что же остается отъ всей той картины, которую создало воображеніе костромскихъ ученыхъ?

1) Царь Θεодоръ Іоанновичъ послалъ въ Унженскій монастырь строителя старца Давида Хвостова, который много хлопоталъ о поднятіи благосостоянія бѣднаго монастыря.

2) Возможно, что Михаилъ Θεодоровичъ въ дѣтскомъ возрастѣ бывалъ въ Унженскомъ монастырѣ.

3) Несомнѣнно, что въ одинъ изъ пріѣздовъ съ матерью въ этотъ монастырь, Михаилъ Θεодоровичъ молился горячо о спасеніи отца изъ польскаго плѣна.

4) Сдѣлавшись царемъ, и вспоминая свою молитву у гроба преподобнаго Макарія, Михаилъ Θεодоровичъ далъ обѣтъ,—въ случаѣ возвращенія отца,—совершить новое паломничество въ Унженскій монастырь и, въ 1619 г., по возвращеніи Филарета изъ плѣна, исполнилъ свой обѣтъ и осыпалъ милостями бѣдный дотолѣ монастырь.

5) Митрополитъ казанскій Ефремъ энергично дѣйствовалъ противъ самозванцевъ и игралъ видную роль при коронаціи Михаила Θεодоровича.

6) Къ преданію о томъ, что какой-то дворянинъ изъ Галича и донской атаманъ первые подали голосъ за избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича, преданію, которое передается только въ одномъ источникѣ того времени и умалчивается во всѣхъ остальныхъ, прибавить пока ничего нельзя.

Всѣ эти факты, кромѣ второго и третьяго, были извѣстны очень давно. О первомъ упоминается еще въ Исторіи Карамзина; о четвертомъ—въ Письмахъ русскихъ государей, изданныхъ въ 1848 г. Археографическою Комиссіей; 5-й—упоминается у того же Карамзина и въ Исторіи церкви м. Макарія; 6-й—извѣстенъ изъ всѣхъ сочиненій, гдѣ разсказывается объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на престолъ.

Итакъ, всѣ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ архива Макарьевского Унженскаго монастыря, не даютъ ничего новаго для біографіи Михаила Ѳеодоровича Романова, а новооткрытыя преданія и вещественные памятники—маловажны: они устанавливають только факты неоднократныхъ посѣщеній Макарьевского Унженскаго монастыря Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Если же мы пробѣлы въ данныхъ, почерпаемыхъ изъ имѣющихся матеріаловъ, будемъ дополнять произвольными домыслами, то мы можемъ создавать какія угодно причудливыя картины прошлаго.

Все вышесказанное, можетъ быть, и не заслуживало бы вниманія уважаемыхъ слушателей; но настоящее время, время особенно интенсивной работы приготовленій къ предстоящимъ юбилеямъ, обязываетъ людей, занимающихся наукою, и обладающихъ хотя бы нѣкоторою уравновѣшенностью и осторожностью въ своихъ сужденіяхъ, предостерегать общество отъ подобныхъ увлеченій. Ужъ не одинъ юбилей испорченъ активнымъ выступленіемъ людей, ничего общаго съ наукою не имѣющихъ. Поэтому, по нашему глубокому убѣжденію, надо быть весьма осторожнымъ при высказываніи поспѣшныхъ сужденій о новооткрываемыхъ памятникахъ и при выводахъ изъ нихъ.

Вотъ эти соображенія и оправдываютъ мое выступленіе передъ настоящимъ почтеннымъ собраніемъ съ только-что сдѣланнымъ сообщеніемъ.

Въ заключеніе нелишнимъ считаю сообщить, чего жаждетъ историческая наука къ предстоящему юбилею дома Романовыхъ. Весьма важно было бы, если бы открыты были новыя данныя объ участіи семьи Романовыхъ въ дѣлѣ перваго Самозванца; важно было бы объяснить роль митрополита Филарета въ тушинскомъ станѣ и наконецъ—важнѣе всего было бы открыть новыя данныя касательно партій, ведшихъ предвыборную агитацію наканунѣ собора 1613 года, избравшаго на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. И находка подобныхъ матеріаловъ возможна: въ Москвѣ или въ провинціи, въ Польшѣ или даже за-границей, но такіе матеріалы найтись могутъ и хотя, какъ я выше сказалъ, ко дню юбилея наука еще не въ состояніи будетъ ввести ихъ въ свой обиходъ, но работа надъ изысканіями въ этомъ направленіи не пропадетъ для нея даромъ.

И. Козловскій.

Русская икона, чтимая въ Чехіи.

Наши культурныя связи съ Чешской землей давни и, можно сказать, непрерывны. Правда, свѣдѣнія наши о связяхъ этихъ и сношеніяхъ съ чехами немногочисленны, отрывочны и небогаты, но и по нимъ мы можемъ все-таки набросать, хотя бы и въ общихъ чертахъ, картину нашихъ исконныхъ взаимныхъ отношеній.

Чешскую землю точно знаетъ наша начальная лѣтопись, а о Владимирѣ она рассказываетъ, что въ числѣ его женъ были и двѣ чешки; отъ одной изъ нихъ родился сынъ его Выше-славъ, отъ другой—Мстиславъ и Святославъ. Въ древней чешской исторіи были моменты, когда предѣлы владѣній князей чешскихъ соприкасались съ крайними западными областями русскихъ княженій. На далекомъ славянскомъ западѣ, въ пустынь „между Ляхы и Чехы” печально погибъ Святополкъ Окаянный; этотъ западный край знакомъ былъ Владимиру Мономаху, въ своихъ походахъ заходившему „за Глоговъ до Чешскаго лѣса”. Знаменитый въ исторіи чешской культуры славянскій Сазавскій монастырь былъ, несомнѣнно, въ сношеніяхъ съ славянскою церковью на Руси,—иначе трудно объяснить появленіе въ немъ (послѣ 1071 г.) частицъ мощей св. Бориса и Глѣба (Ferd. Tadra, *Kulturní styky Čech s cizinou až do válek husitských*, Praha, 1897, str. 150). Изъ „Слова о полку Игоревѣ” мы узнаемъ, что не только нѣмцы и венецианцы и греки, но и Морава воспѣвали „славу

Святослава", славу русских князей XII в. Въ 1148 г. чешскій король Владиславъ, возвращаясь домой изъ неудачнаго крестоваго похода, прибылъ по Черному морю и Днѣпру въ Кіевъ, гдѣ былъ радушно и съ почестями встрѣченъ княземъ Изяславомъ. Князья русскій и чешскій разстались друзьями; русскій князь называетъ послѣ этого Владислава своимъ „сватомъ" и получаетъ отъ него въ помощь въ борьбѣ съ удѣльными князьями чешскіе полки подъ начальствомъ чешскихъ же вождей—„гетмановъ". Упомянутія о посылкѣ на Русь чешскихъ военныхъ отрядовъ встрѣчаются вообще нерѣдко. О сношеніяхъ чеховъ съ Русью упоминаетъ также грамота папы Иннокентія IV отъ 1246 г., изъ коей узнаемъ, что папа, исполняя желаніе русскаго князя, послалъ къ нему изъ Чехіи двухъ монаховъ-доминиканцевъ, брата Алексѣя и товарища его. Болѣе тѣсная, хотя и непрочная, связь обѣихъ земель установилась, когда король Отокаръ II женился (1261 г.) на Кунгутѣ (Кунигундѣ), дочери князя Ростислава (F. Tadra, op. cit., 150). За событіями позднѣйшими на Руси и у чеховъ внимательно наблюдаютъ и чехи и русскіе. Въ XIV в. вѣсть о Куликовской битвѣ и разгромѣ татаръ быстро распространяется на западъ, къ чехамъ и ляхамъ. Въ эпоху великаго гуситскаго движенія завязываются вновь сношенія чеховъ съ Русью: другъ Гуса Іеронимъ Пражскій, сожженный въ 1416 г. въ Констанцѣ, отправляется въ 1413 г. на Русь и ищетъ сближенія съ православною церковью. Въ концѣ XV ст. чешскіе братья, въ поискахъ первоначальнаго ученія христіанской церкви, тоже обращаютъ свои взоры на Русь, куда направляется одинъ изъ искателей вѣры—Марешъ Коконецъ (1491 г.). Въ XVI—XVII ст. чешскія книги проникаютъ въ придворныя бібліотеки князей литовскихъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ Литовская Метрика, гдѣ въ каталогѣ книгъ великаго князя есть и нѣкоторыя чешскія книги (1510 г.). Рядъ русскихъ посольствъ къ императорамъ (Габсбургамъ) и чешскимъ королямъ побывалъ въ XVI в. въ Прагѣ, Пильзенѣ и другихъ мѣстахъ Чехіи, а въ посольствахъ цесарскихъ къ царямъ московскимъ нерѣдко находились чехи. Въ теченіе XVIII и особенно начала XIX ст. наши связи съ чехами были особенно оживленны,—достаточно упомянуть посѣщеніе Чехіи Петромъ Вел. (Карлсбадъ, Теплицы), вызовъ имъ чеховъ въ Россію и посылку учениковъ славяно-латинской школы въ Прагу, пребываніе русскихъ войскъ въ Чехіи въ половинѣ XVIII в. и затѣмъ—въ 1799 г. на пути въ Италію, подъ начальствомъ Суворова. Особенное значеніе для развитія русско-чешскихъ уче-

ныхъ связей имѣло продолжительное пребываніе русскихъ войскъ въ Чехіи въ 1813 г. Начало этимъ связямъ полагаетъ знаменитый А. С. Шишковъ, въ это время сблизившійся съ патриархомъ славяновѣдѣнія, аббатомъ Іосифомъ Добровскимъ.

Въ чешскихъ архивахъ мы найдемъ поэтому немало документовъ различныхъ эпохъ, свидѣтельствующихъ о живыхъ сношеніяхъ двухъ славянскихъ народовъ; чешскіе провинціальныя музеи сохраняютъ разнаго рода вещественныя памятники (напр., русскіе складни, оружіе, валдайскій колоколь и т. п.), напоминающіе о пребываніи русскихъ въ Чехіи *); народная традиція хранитъ немало интересныхъ пѣсенъ (напр., объ Александрѣ I, вспахавшемъ плугомъ борозду, см. въ журналѣ *Český Lid*, 1904 — 5 г.), разсказовъ и воспоминаній о встрѣчахъ съ русскими и т. п.

Къ числу въ свое время популярныхъ русскихъ реликвій въ Чехіи принадлежитъ старинная икона Богоматери, т. н. „*gušánský obraz*“ **).

Въ небольшомъ городѣ сѣверной Чехіи Ичинѣ (Jičín) издавна въ храмѣ св. Игнатія находится икона Богоматери, покровительницы города, чтимая не только окрестнымъ населеніемъ, но и вообще въ Чехіи и даже за предѣлами ея.

Историкъ ичинской іезуитской коллегіи Іосифъ Лавричъ въ сочиненіи, посвященномъ исторіи перваго столѣтія пребыванія иконы въ Ичинѣ и описанію чудесъ ея ***), повѣствуетъ

*) Л. Н. Майковъ. Матеріалы для русской исторіи въ архивахъ Чехіи. Русск. Арх., 1883, III, 227—240; *Památky Archaeolog.*, XXI, 1904, 152 (русскій колоколь въ Хлумѣ у Глинска); *Ruské skládaci obrázky v Čechách*, Kl. Čermák въ *Sborníku Českoslov. Jednoty*, 1887, 56. Ср. К. V. Adámek, *Ruská vojska na Českém východě v XVIII a XIX v.*, Č. Č. Mus., 1906

**) Литературу о ней см. у Č. Zíbrta, *Bibliografie České Hist.*, III, str. 683. Ср. еще: *Kostel sv. Ignáce v Jičíně. I. Část dějepisná*. Napsal Bedřich Profeld. II. *Popis a ilustrace od Ant. Martínka*, v Jičíně. 1906, *Zvláštní otisk z Výroční zprávy s. k. vyšší reálky v Jičíně za r. 1905—1906*.

***) Сочиненіе Лаврича въ латинскомъ изданіи имѣетъ заглавіе: „*Primum saeculum Divae Ruthenicae, seu historica relatio de origine, cultu et beneficiis vetustissimae Ruthenicae imaginis Mariae Matris Divinae, quae Giczini Bohemorum in Ecclesia Sancti Ignatii PP. Societatis Jesu altero jam saeculo percelebri hyperdulia colitur. Authore P. Josepho Lauritsch S. J. Sacerdote. Cum licentia superiorum. Reginae—Hradecii. Typis Wenceslai Joannis Tibelli, Annō 1741*“. Историческій характеръ имѣютъ только первыя четыре главы этой книги; значительная часть ея посвящена описанію чудесъ „русской Богоматери“.

Чешское изданіе озаглавлено: „*První Wěk | Rodičky Boží Russánské | Nebo Kronická Správa | O Počátku | Ctění | a Dobrodějných Starožitného Russánského Obrazu Matky Boží; který w Českém Gicjné |*

о происхождении этого „русского“ образа слѣдующее (глава I: „Odkud svatý obraz rušánský blahoslavené Panny Marie pošel a jak se k tovaryšstvu Ježíšovu do Jičina dostal“). Название свое (rušánský obraz) икона получила отъ имени народа, изъ котораго она происходитъ („od národu roxolanského, jinak rušánského“), т. е. русскаго. Повидимому, Лавричъ совершенно опредѣленно имѣетъ въ виду Русь Западную, такъ какъ говоритъ далѣе, что народъ русскій обитаетъ въ „бѣлой или червонной землѣ“ („v bílé neb v červené zemi bydlí“). Такимъ образомъ, иконѣ, по всей вѣроятности, по традиціи приписывается западно-русское происхождение. Впрочемъ, нѣсколько ниже іезуитскій историкъ допускаетъ, что икона могла быть принесена въ Чехію или изъ „русской земли“, или изъ Польши, точнѣе — изъ области ея, лежащей на границѣ съ русской землей, или, наконецъ, „изъ Москвы“ („z Moškván“). Русское происхождение иконы, такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію: объ этомъ свидѣлствуютъ, кромѣ внѣшнихъ признаковъ ея, „достоверныя извѣстія“ предковъ. По этому преданію икону принесъ въ Чехію какой-то неизвѣстный священникъ — схизматикъ („predikant, neb kacířských bludův hlasatel“) „изъ Русской земли близъ Польши“. Онъ получилъ ее въ наслѣдство отъ отца. Постоянное созерцаніе образа Богородицы „озаряетъ его божественнымъ свѣтомъ“, и въ душѣ его совершается переворотъ: онъ отрекается отъ заблужденій своей вѣры и принимаетъ католическую религію, а икону эту въ выраженіе чрезвычайнаго уваженія даритъ какому-то настоятелю Матвѣю Гентце (Hentze), по происхожденію поляку. Спустя нѣкоторое время Гентце сдѣлался настоятелемъ церкви въ мѣстечкѣ Доубравицѣ (Doubravice), неподалеку отъ Ичйна; здѣсь онъ познакомился съ патерами ордена Иисуса и по просьбѣ извѣстнаго польскаго іезуита Николая Ланчицкаго (Lancicius*) подарилъ икону ичинской церкви св. Игнатія. Это произошло въ 1636 или въ 1637 году. Лавричъ полагаетъ, что

^a w Chrámě Swatého Ignáceho Towarysstwa Geżissowa | Giż na Druhý Wěk | S welikau Pobożnostj Ctěn býwá.

W Latine na Swětło wydaná Od Kněze Jozeffa Lauritsch z téhož Towarysstwa. A od giného Kněze tež Towarysstwa Geżissowa na Czesstinu přeložená. W Hradcy Králowé nad Labem... Léta 1743". Въ приложеніи первомъ на отд. листѣ воспроизводимъ заглавный листъ перваго изданія.

*) Другъ знаменитаго чешскаго іезуита Бальбина, написавшаго жизнеописаніе его (Vita V.P. Nicolai Lancicii).

слѣдуетъ принять, какъ болѣе достовѣрную, вторую дату, и отнести поэтому юбилей столѣтняго пребыванія русской иконы въ Ичинѣ къ 1737 году. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась драгоценнѣйшей святыней и сокровищемъ церкви св. Игнатія.

Поклоненіе русской иконѣ началось въ Ичинѣ не сразу, не тотчасъ же по дарованіи ея церкви іезуитской коллегіи. Въ 1639 г., т. е. спустя два года послѣ передачи образа іезуитамъ, Ичинъ подвергся нападенію шведовъ, разорившихъ и разграбившихъ городъ; при этомъ пострадала и коллегія и ея храмъ. Ближайшіе годы (1642 и 1643) принесли жителямъ Ичина столь же великія бѣдствія; члены коллегіи разбѣжались въ болѣе безопасныя мѣста. Когда осенью 1643 г. наступило нѣкоторое успокоеніе, отцы-іезуиты вновь вернулись въ разоренную коллегію; народъ, искавшій нынѣ утѣшенія въ молитвѣ, сталъ особенно усердно поклоняться образу Богородицы, и съ этого времени, по свидѣтельству лѣтописца, „začátek svůj vzala pobožnost k rušánskému obrazu“ Почитаніе русской иконы особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ іезуиты, въ выраженіе благодарныхъ чувствъ за спасеніе свое, устроили въ 1643 г., въ воскресеніе по Рождествѣ Богородицы, торжественную процессію въ старой церковкѣ въ Поповицахъ. Впервые тогда икона была выставлена на публичное поклоненіе и затѣмъ благоговѣнно перенесена обратно въ церковь св. Игнатія, гдѣ была поставлена на мѣстѣ до этого времени особенно чтимой и богато украшенной иконы Богоматери, унесенной вмѣстѣ съ другими сокровищами „безбожными иконоборцами шведами“. Это былъ первый актъ публичнаго, всенароднаго поклоненія русской иконѣ въ Ичинѣ. Скромный, написанный на деревѣ образъ не привлекъ вниманія шведовъ и уцѣлѣлъ во время разграбленія церкви, а теперь (съ 1643 г.) занялъ мѣсто прежней святыни.

Но въ ближайшіе годы на чешскую землю обрушились новыя бѣдствія. Въ 1644 г. шведы изъ Житавы вновь подступили къ Ичину; 1645-й годъ ознаменованъ былъ губительнымъ разореніемъ Чехіи. Ичинскіе іезуиты вновь искали спасенія въ бѣгствѣ; остались въ коллегіи только три человека, претерпѣвшіе всѣ ужасы новаго шведскаго разоренья. Особенно сильно пострадали и городъ и коллегія въ январѣ 1648 года. Въ годы этихъ всенародныхъ бѣдствій и горя, — замѣчаетъ лѣтописецъ, — не могло усилиться почитаніе русской иконы („čest rušánského obrazu vzrůst vzíti nemohla“); однако, въ это время уже почитатели ея стали распространять въ народѣ

изображеніе ея, воспроизведенное гравюрой („jeho vyobrazení léta 1646 řemeslem řezbářským na jevo vyšlo“, говоритъ Лавричъ), а въ 1648 г. лѣтопись коллегіи отмѣчаетъ уже первыя чудеса: исцѣленіе двухъ больныхъ.

Съ утвержденіемъ мира и успокоеніемъ страны въ 1649 году тотчасъ же возрождается и усиливается не только въ городѣ Ичинѣ, но и далеко за предѣлами его („v celém království, ba i v jiných dálejších krajinách“) почитаніе русской иконы. Лѣтописецъ коллегіи отмѣчаетъ этотъ фактъ съ радостью. Описанію иконы Лавричъ посвящаетъ третью главу своего труда: „O způsobu, postavě, starobylosti a starodávních ozdobách rušánského obrazu“. Святая русская икона, — говоритъ онъ, — написана по образцу тѣхъ изображеній Богоматери, которыя были сдѣланы св. Лукою, на деревянной доскѣ, „по греческому обычаю“. Икона изображаетъ Богородицу какъ бы желающей обнять своего единороднаго сына, и въ то же время младенецъ Іисусъ какъ будто хочетъ обнять свою мать. Ликъ Богородицы темнаго цвѣта, глаза живые и веселые, взглядъ полонъ благородства; одѣяніе и головное покрывало нѣсколько темны, но края ихъ позолочены; на покрывалѣ надъ челою, равно какъ и на лѣвомъ плечѣ видимъ нѣчто въ родѣ золотой розеты; кругъ (нимбъ) надъ покрываломъ — красный, усѣянный золотыми розетами и звѣздочками. Надъ изображеніемъ съ правой стороны — греческія буквы **MP** и съ другой — **ΘΣ**. Ликъ младенца Іисуса тоже темный, глаза подобны глазамъ Богоматери и обращены къ ней; волосы курчавые; лицо и правая рука наклонены, какъ будто онъ хочетъ обнять Богородицу; цвѣтъ одежды Іисуса свѣтло-желтый съ зелеными полосками, на поясѣ же есть еще и красныя полосы; нимбъ очень похожъ на нимбъ Богоматери, но изъ него исходятъ еще лучи сіянія; надпись въ немъ: **іс хс**.

Хроника коллегіи повѣствуетъ о древности сего образа слѣдующее. Онъ былъ де написанъ приблизительно 560 лѣтъ тому назадъ; впрочемъ, другой лѣтописецъ коллегіи, рукописью котораго Лавричъ пользуется, относитъ написаніе иконы въ 1038 г. и даже къ еще болѣе раннему времени и рассказываетъ при этомъ, что икона взята была въ русской землѣ въ числѣ прочей военной добычи. Это могло случиться въ княженіе Бретислава, который въ 1038 г. покорилъ нѣкоторыя польскія земли, при чемъ тогда разграблены были города и храмы. Однако Лавричъ съ недовѣріемъ относится къ этому ни на чемъ не основанному разсказу. „Это, — поясняетъ

онъ, — лишь простая догадка, и въ хроникѣ мы не находимъ ничего достовѣрнаго о времени написанія св. русской иконы“. Несомнѣнно, однако, что икона эта весьма древняя („obraz velmi starodávný jest“), — объ этомъ свидѣтельствуесть самый характеръ живописи, письма ея. Но едва ли самъ Лавричъ могъ быть достаточно компетентнымъ судьей въ рѣшеніи вопроса о древности иконы на основаніи лишь характера письма ея.

Въ смутную эпоху шведскаго разоренья икона наша не имѣла, какъ мы сказали, никакихъ драгоценныхъ украшеній, и только съ наступленіемъ времени мирнаго благочестивые богомольцы стали украшать образъ русской Богоматери серебромъ и драгоценными камнями; изъ серебра сдѣланы были двѣ короны: одна большая (общая), другая меньше, надъ главою Пресвятой Дѣвы, — объ поддерживаемыя серебряными же ангелами. Когда число богомольцевъ, желавшихъ поклониться св. образу, стало сильно возрастать, у алтаря была устроена изящная желѣзная рѣшетка, не мѣшавшая видѣть икону, но устранявшая давку и толкотню молящихся. Съ этою же цѣлью іезуиты стали въ послѣдствіи совершать моленія на площади, подъ открытымъ небомъ. Богослуженія эти происходили при чрезвычайно торжественной обстановкѣ, при участіи многочисленныхъ процессій, различныхъ братствъ, цеховъ съ ихъ знаменами, музыкою и т. п. Такого рода торжества приурочивались ко дню св. Елизаветы и Непорочнаго зачатія. Со вторымъ днемъ совпадала годовщина обѣта совершать публичное молебствіе, даннаго городскимъ совѣтомъ и всѣми жителями въ 1680 году, когда „покровомъ русской Богородицы“ городъ былъ спасенъ отъ свирѣпствовавшего уже въ предмѣстьѣ его мороваго повѣтрія. Къ этимъ двумъ особенно торжественнымъ днямъ слѣдуетъ отнести еще и пятое воскресенье послѣ Духова дня, когда богомольцевъ собиралось въ Ичинскомъ храмѣ необыкновенно много. Русская икона пріобрѣла чрезвычайно широкую извѣстность, и слава чудесъ ея, — по выраженію лѣтописца Ичинской коллегіи, — распространилась въ отдаленныхъ краяхъ, „среди невиданныхъ заморскихъ народовъ“.

Въ 1681 г. во время большого пожара въ Ичинѣ, когда іезуитская коллегія и почти весь городъ выгорѣли, русская икона чудеснымъ образомъ осталась нетронутой огнемъ. Въ ознаменованіе этого факта сдѣлана была слѣдующая латинская надпись къ иконѣ: „Grassante universa urbe vulcano icon haec in collegio venerationi proposita ex utroque latere pere-

unte ornatu, inter aestus nigra. et formosior evasit". Для пространства среди богомольцевъ іезуиты издали изображение русской Богоматери, гравюрованное на мѣди. Копію этого изданія мы воспроизводимъ здѣсь на второмъ листѣ приложенія. Популярный и чтимый народомъ образъ копировали по порученію благочестивыхъ вельможъ и многіе художники. Между прочимъ, копія этой иконы еще въ 1681 г. была повѣшена надъ воротами Ичинскаго замка, а по свидѣтельству современника передъ образомъ этимъ нынѣ по вечерамъ всегда горитъ лампада. О популярности этой святыни свидѣлствуютъ и два специальныхъ молитвенника, извѣстныхъ намъ въ изданіяхъ XVIII в., но, какъ можно полагать, болѣе ранняго происхожденія *).

Съ уничтоженіемъ въ 1773 г. ордена іезуитовъ въ Чехіи паломничества къ русской чудотворной иконѣ постепенно ослабѣли, и она потеряла свою прежнюю широкую популярность, но мѣстные жители дорожатъ своею святынею и попрежнему любовно охраняютъ образъ своей покровительницы.

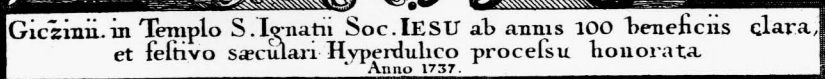
Вл. Францевъ.

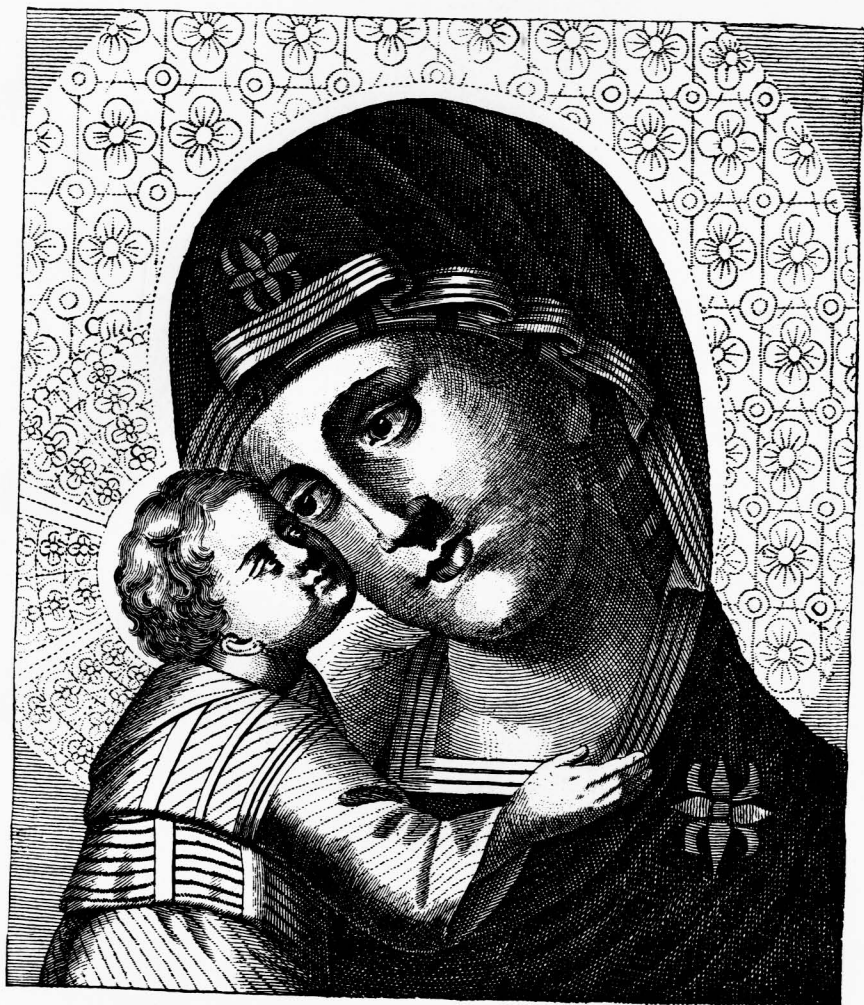
*) 1) „Hlas Hrdlický v zemi Maryánské se rozlihgajcý, aneb potěssytedlná pjeň pautnjčkůw Maryánských k milostnému Obrazu Gičjnské Rodičky Božj Marye Panny. W Hradcy Králowe v Wáclawa Jana Tybély. 1731". (Библ. Чешск. Муз. sign. 27 F 71).

2) „Wogenský Ljbo-Zpěw pobožného pod praporcem Králowny Nebeské Marye Panny shromážděného Wogska k milostnému obrazu Gičjnské Rodičky Božj. W Hradcy Králowe". (Библ. Чешск. Муз. sign. 27 F 86).

143766

Vera effigies pervetustæ Ruthenicæ imaginis
 MATRIS DEI, Giczim Boemorum in templo
 Societatis Iesu percelebris.

Содержаніе первыхъ четырехъ выпусковъ.

Вып. I.

Ө. В. Тарановскій. Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка. И. И. Замотинъ. Три романтическихъ мотива въ произведеніяхъ Гоголя. П. А. Заболотскій. Гоголь въ эпоху творчества I тома Мертвыхъ душъ. И. Д. Малиновскій. Знакомство Гоголя съ моимъ отцомъ. Д. В. Туткевичъ. О введеніи нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ установленій въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. В. В. Есиповъ. О преподаваніи права.

Вып. II.

О. Ө. Базинеръ. Краткая характеристика отношеній Жуковского къ классической древности. Е. Ө. Карскій. XII Археологическій сѣздъ въ Харьковѣ. П. А. Заболотскій. Гуманные мотивы поэзіи Н. А. Некрасова. И. П. Созоновичъ. Джемсъ Чайльдъ и его изданіе англійскихъ и шотландскихъ балладъ. В. В. Власовъ. О преподаваніи географіи съ точки зрѣнія новѣйшихъ требованій. А. И. Даринскій. Семья у кавказскихъ горцевъ. Н. Н. Любавичъ. Международный историческій конгрессъ въ Римѣ.

Вып. III.

П. А. Заболотскій. Поэтъ гуманности и свѣтлыхъ идеаловъ (памяти А. Н. Плещеева). Е. В. Спекторскій. Органическая теорія общества. В. А. Фляксбергеръ. Философія Канта. С. Н. Алексѣевъ. Къ долговому вопросу въ Римѣ.

Вып. IV.

Ө. В. Тарановскій. Норманская теорія въ исторіи русскаго права. Н. Н. Любавичъ. Международный историческій конгрессъ въ Берлинѣ въ 1908 г. И. И. Замотинъ. Русская Нора и ея духовныя стремленія. Е. В. Спекторскій. Эргардъ Вейгель, забытый рационалистъ XVII вѣка. Г. В. Демченко. Изъ исторіи судостроительства въ древней Руси. В. А. Францевъ. Къ біографіи В. А. Мацѣвскаго.

И 143766

Находятся въ продажѣ:

Записки Общества исторіи, филологіи и права Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.
Вып. 1. Варшава, 1902 г. Цѣна 1 р.—Вып. 2. Варшава, 1903 г. Цѣна 1 р. 50 к.—Вып. 3. Варшава, 1904 г. Цѣна 1 р. 50 к.—Вып. 4. Варшава, 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к. (Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова. Варшава, Новый Свѣтъ, № 69).

Цѣна 1 рубль.